

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2016 Т.7 №3

COMPARATIVEPOLITICS.ORG

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

Russian Science Citation Index

WEB OF SCIENCE™

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

U L R I C H ' S
P E R I O D I C A L S D I R E C T O R Y . T M

BASE

OCLC
WorldCat®

Crossref

Google Scholar™

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2016 • Т.7 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский

С.И. Лунев

Е.В. Колдунова

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа «Юрист», Москва, Россия

Айзе Дитрихс, проф., Университет Анкары, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

В.И. Журявлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегбер, проф., Свободный университет Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла, Луисвилл, США

Акихиро Ивашиита, проф., Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Г. Ледаев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., член-корреспондент РАН, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M. (Университет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

М.В. Стрежева, д.полит.н., д. философии (Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Чжао Хуаишэн, проф., Фуданьский университет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутков, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй, Китай, Тайвань

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
COMPARATIVE POLITICS RUSSIA
С начала издания – №24

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»,
142403, Московская обл., г. Ногинск,
ул. Индустриальная, д. 406
Печать офсетная
Усл. печ. л. 22,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная

Подписано в печать 20.07.2016
Выход из печати: 01.08.2016
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., 2016
© Сравнительная политика, 2016
© Издательская группа «Юрист», 2016

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2016 • Vol.7 № 3

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor

Executive Secretary

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Editorial Board of the Issue

Alexei D. Voskressenski

Sergey I. Lunev

Ekaterina V. Koldunova

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayşe Ditrîhs, Professor, University of Ankara, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Valery G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD (University of Manchester), Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Privovarov, Doctor of History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
Since 2010 (No. 24)

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)

Editorial Office Address:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya

Emb., Moscow, 115035

Phone: +7(495)953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

www.lawinfo.ru

Printed by "Bogorodskii Poligraficheskii Kombinat"

142403, Noginsk, Industrialnaya

Str., 40b

Offset printing

Conventional printing sheet – 22

Circulation: 3000 copies

Free-market-price

Passed for printing 20 July 2016

Printed: 01 August 2016

ISSN – 2221-3279

ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., 2016

© Comparative Politics, 2016

© Publishing Group "Yurist", 2016

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

А.Д. Богатуров. Экспертиза международно-политического анализа

О.И. Ивонина. Новый Рим в новом мире: к вопросу о роли США в конструировании нового миропорядка

А.А. Иванов. Факторы оценки риска иностранной военной интервенции в современном мире

В.В. Гриб. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ как объект общественного контроля

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Marina V. Strezhneva. The Role of the European Union in Football Governance

Vasilisa K. Kulakova. USA in the Emerging System of Global Financial Regulation

Daria E. Rudenkova. European Union Participation in Negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnersip

Ekaterina V. Savorskaya. European Union in Global Climate Governance: to Paris and Beyond

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

С.И. Лунев, А.Д. Воскресенский. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально-политическое и экономическое развитие. Размышляя над книгами исследователей ИМЭМО РАН «Индийская цивилизация в глобализирующемся мире» и «Китайская цивилизация в глобализирующемся мире»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Е.В. Колдунова. Субъектность и объектность Азии в мировых процессах производства нового знания

И.А. Истомина. Государственная поддержка научных исследований в США: современный этап эволюции в контексте политической борьбы

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Alexei D. Bogaturov. Expertise of Political Analysis in International Relations

17 Olga I. Ivonina. The U.S. as the New Rome: Disputing the New World Order

25 Andrei A. Ivanov. Factors of Foreign Military Intervention Risk Assessment in the Modern World

33 Vladislav V. Grib. Legislative (Representative) State Authorities of Subjects of the Russian Federation as an Object of Public Control

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

45 Marina V. Strezhneva. The Role of the European Union in Football Governance

55 Vasilisa K. Kulakova. USA in the Emerging System of Global Financial Regulation

61 Daria E. Rudenkova. European Union Participation in Negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnersip

71 Ekaterina V. Savorskaya. European Union in Global Climate Governance: to Paris and Beyond

DISCUSSION

85 Sergey I. Lunev, Alexei D. Voskressenski. Impact of Civilizational Specifics of the Biggest Countries on Their Social, Political and Economic Development: A Comparative Analysis. Reflections upon Reading Books "Indian Civilization in the Globalizing World" and "Chinese Civilization in the Globalizing World" Published by the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

107 Ekaterina V. Koldunova. Asia as a Knowledge Producer in the World

121 Igor A. Istomin. Federal Support of Scientific Inquiry in the United States: Current Evolution under the Political Struggle

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

С.И. Лунев. Успехи высшего образования в Большой Восточной Азии

Т.И. Тюкаева. Научная политика Саудовской Аравии: ученый интернационал как опора развития

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И.Ю. Окунев. Новый шаг в исследовании трансрегионального развития Евразии. Рецензия на книгу: Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы. Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. 495 с. (на китайском языке)

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Shared Destiny: China Story Yearbook 2014 / Ed. by Geremie R. Barme, Linda Jaivin, Jeremy Goldkorn. Canberra, Australian National University: ANU Press, 2015.

Wesley, Michael. Restless Continent: Wealth, Rivalry and Asia's New Geopolitics. Australia: Black Inc., 2015. 288 p.

Sinology in Post-Communist States. Views from the Czech Republic, Mongolia, Poland, and Russia / Ed. by Chih-yu Shih. Hong Kong. The Chinese University Press, 2016. 308 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.В. Колдунова. Серия научных мероприятий МГИМО в Гонконге

Конференция «Научное издание международного уровня – 2016»

4-я международная конференция НЭИКОН «Электронные научные и образовательные ресурсы: создание, продвижение и использование»

НАШИ ПАРТНЕРЫ

Журнал «Ценности и смыслы»

Diplomacy Journal (Bulgaria)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

135 **Sergey I. Lunev.** Achievements of Higher Education System in Greater East Asia

146 **Tatyana I. Tyukaeva.** Scientific Policy of Saudi Arabia: International Science as a Basis for Development

REVIEWS

162 **Igor Yu. Okunev.** New Research of Transregional Development in Eurasia. Book Review: Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications / Ed. by Li Xing, Alexei D. Voskressenski, Beijing, Jiuzhou Press, 2016. 495 p. (in Chinese)

ON THE BOOKSHELF

164 Shared Destiny: China Story Yearbook 2014 / Ed. by Geremie R. Barme, Linda Jaivin, Jeremy Goldkorn. Canberra, Australian National University: ANU Press, 2015.

164 Wesley, Michael. Restless Continent: Wealth, Rivalry and Asia's New Geopolitics. Australia: Black Inc., 2015. 288 p.

165 Sinology in Post-Communist States. Views from the Czech Republic, Mongolia, Poland, and Russia / Ed. by Chih-yu Shih. Hong Kong. The Chinese University Press, 2016. 308 p.

ACADEME

167 **Ekaterina V. Koldunova.** MGIMO Roundtable in Hong Kong

169 Conference "World-Class Scientific Publication – 2016"

170 The 4th NEICON International Conference «Electronic Resources for Research and Education: Development, Promotion and Use»

OUR PARTNERS

171 Journal "Values and Meanings" ("Tsennosti I Smystly")

172 Diplomacy Journal (Bulgaria)

GUIDE FOR THE AUTHORS

ЭКСПЕРТИЗА МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Алексей Демосфенович Богатуров

МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

Информация о статье:	Аннотация: В настоящей статье автор исследует проблематику проведения международно-политического анализа, подробно останавливается на основных правилах организации работы исследователя-международника, а также критериях достоверности аналитических выводов.
<i>Рукопись поступила в редакцию:</i>	01 мая 2016 г.
<i>Принята к печати:</i>	11 июня 2016 г.
Об авторе:	Автор также предлагает классификацию аналитических работ, оценивает условия, в которых работают эксперты в настоящее время, анализирует ключевые проблемы, возникающие при выборке эмпирического материала, включая определение ценности источниковой базы, выборе метода анализа и его проведении вплоть до формулировки выводов.
д.полит.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации	В статье даны рабочие советы, как поступать в служебных обстоятельствах и находить нестандартные решения в сложных ситуациях.
e-mail: alebog2003@yandex.ru	
Ключевые слова:	
политический анализ; политическая экспертиза; методы исследования; международные отношения.	

Самым большим начинанием международного дела оказывается выбор между действительностью и выдумкой, сфантазированной воображением, заменяющим отсутствие материальных составляющих мира. Вопрос упирается в проблему, написано ли о событии достаточное количество *фактов*, или обрисованы *ложные* обстоятельства, которые выдаются за обстоятельства данного случая. Оттолкнувшись от основы событий, можно построить версию развития событий личностями, способную перевернуть версию привычных событий в неожиданную плоскость, увидеть потенцию нового витка дела. Но *достоверность* будет всегда противодействием *придуманному* обстоятельствам. Противоречие – отделение объективированной фигуры героя (этапа события) от личности писателя, комментатора новостей, которому выпало рисовать требуемую картину.

Цель работы

Следует прочувствовать, уловить колебания новостной массы информации, отделить события, факты от того, что кажется завихрениями, ложью, недостоверными

стустками среды. Необходимо жесткое, суровое упорядочение первичной среды – в одну сторону факты, в другую – подвижные эмоции. Скажем, вчера вечером в одной из стран *сообщили*, что руководитель неназванной группы политической аудиторрии сказал, что он не пропустит вперед лидера другой группы к выдвижению качестве кандидата от оппозиции в целом. Больше ни одно из электронных средств массовых коммуникаций не повторило этого. Никто, из работающих в этих средствах известных людей, ничего подобного не сообщил. Значило ли сказанное, что сказанное означало правду, и было ли это произнесено так, а не иначе? Нет – ни то, ни другое. Терпение и внимание – вещи важные, они требуются для дальнейшего установления истины.

Допустим, прошел один день, и еще одно агентство сообщило о той же «новости». То же событие, сообщено другими новостными структурами. Ничего конкретного ни сказано том, кто и что сделает, если вдруг сказанное окажется правдой. Второй раз вести походят друг на друга, но ничего конкретного не известно. *Совпадение* или

факт? Похоже на первое, но сомнительно, чтобы было последним.

Наконец, пришло третье сообщение, которое дает долю конкретики – что будет делать один из руководителей групп, если со стороны лидера последует приглашение к факту вхождения в единый фронт оппозиции. Это третий сигнал, и он принимается к анализу – что, кто и когда может последовать из этой истории. Появилась «цепочка фактов», тенденция, закономерность, по которой можно судить в первом приближении о направлении развития того или этого субъекта. Описанное с привлечением фактуры единого фронта, сообщение превратилось из совпадения в факт.

рукотворные, управляемые. Но не исключительно такими – бывают случаи, когда реакция масс – чисто эмоциональна, превалирует реакция рукотворных запросов.

Важный элемент работы состоит, чтобы заметить «пустой» сигнал. Например, «ни о чем не говорящий» визит Э. Рахмонова в Россию (2010 г.), и «трудный выбор» относительно комментариев о политическом решении российского руководства. На Lenta.ru не было сигнала о визите! Важно различать информационный смысл визита, сигнал, это нарочитое молчание или помехи, шум¹ (см. Таб. 1).

Выше был обзор показателей сигналов, зафиксированных на поле новостей. Он по-

Таблица 1

Матрица распознавания входящих сигналов

Этапы и операции	Описание	Сферы циркуляции	Статус новости	Тенденции
Фильтрация	Кто, что и как делает	В отношении какой сферы	Формальный	Что значит «формальный»?
Распознавание	На чьи деньги?	К чему реально относится?	Неофициальный	Подозревает (поощряет, остерегает, предупреждает)
Частотность	Единично, периодически, регулярно	Между личным и государственным	Официальный	Может означать случайность, совпадение, тренд
Верификация – кросс-проверка	Подтверждается другим источником или анализом	Экономические, политические	Все возможно	О чем это говорит?
Связи между фактами	Между политическими и частными	Экономические, частные	Явные или скрываемые, конструируемые	В пользу экономики
Выявление смыслов	Политический доминирует	Экономический отходит	Фиктивный статус закрепляет	Преобладают частные

Table 1. Analysis and Identification of Input Signals

Это самая начальная работа. Улавливание значимой информации – нахождение точных слов для выражения того, что замечено. Факты различаются по своей природе на реальные и виртуальные, дискурсивные (discourse), дискуссионные. Первые связаны с действием, попыткой изменить объективное содержание, вторые – с полемикой вокруг манипуляций, дискуссий по поводу обсуждаемых плюсов и минусов.

Отделение действенных фактов от дискуссионных, относящихся к вариантам, в основном, вызванных психическим состоянием. Виртуальные – в значительной степени могут рассматриваться как явления

казал примерный возможный набор поворотов политики, причем из смысла понятно, что прогностическое значение остается преобладающим требованием к ситуации. Например, политический, частный смысл визита преобладает над экономическим и государственным. Очевидно, поездка состоялась из Центральноамериканских стран, арабских государств Ближнего Востока или

¹ Речь шла об условиях пребывания одной из частей в Таджикистане российской армии. Было решено не давать визиту особой огласки. Соглашение было подписано в Душанбе только в октябре 2012 г., а представлено на ратификацию парламентом страны в сентябре 2013 г.

молодой республики Восточной Европы и Азии. Работа с первым этапом поставки информации привела ее к систематизации – разбивки на блоки, классификации, «упорядочения поля».

Смысл распознавания проверяется тем, что интересующий факт сопоставлен с аналогичным источником, полученным иначе, чем тот, что превалирует в матрице. Если в этом есть противоречие, вызывает сомнение, если нет – может подойти в качестве «проходного». Важным показателям «Распознавание» является матрица с надписью «Тенденции». В последнем случае имеется пласт набора *рекомендаций* – поощряет, остерегает, предупреждает. Перспективно – их надо оценить в каждом случае отдельно.

Значима сфера циркуляции объекта. Можно преувеличивать важность эмоций в области виртуального общения, но не раздувать их. Взамен допустимо реально переценить материальные отношения – политические, экономические, право, частные.

Для определения статуса события имеют значение *слухи*, которыми оно сопровождается. Каждый визит идет одновременно с появлением определенной когорты «ничего не значащих разговоров». Они возникают в связи с гостем или, наоборот, направляют, порождаются с опережением действий этого человека. Статус слуха может придать фиктивную интерпретацию событию, которое могло иметь или не иметь связи с совершителем визита. Интерпретация, спецоперация силовых структур, естественная помеха в канале информации, стохастические заявления, помеха, наконец, фиктивное событие – статус факта.

Аналитический метод

Разбор сигналов решает задачу *первичной обработки* полученных сведений. Наступает пора продвинутых, требующих более глубокого знания способов постижения. Наблюдение – наиболее близкая степень проникновения в то, что стоит за открывшимся. Выявление старых и новых связей, формулирование процессов, которые не проявляли себя заметно, нахождение связанных с заголовком, термином, «слова-образа» нового понятия. Переосмысление увиденного

и переоценка старого в новом, незнакомом, в *открытом* образе осязаемого. Формируется добавленное знание, которое обогащает, делает более современным старое.

Анализ – *целенаправленная деятельность, целью которой является производство неочевидного (добавленного) знания для упорядочения представлений о реальности с целью или без цели его практического применения.* Этот жанр приветствуется как вид письма, в котором ставятся определенные вопросы, а иногда – анализ, из которого читатель сделает вывод сам. Среди жанров – справка или записка как высший тип продукции, который включает прогноз, сценарий и рекомендации. Три последние части – самостоятельные виды работы с соответствующими поправками.

Существуют жанры аналитического эссе и речь (стилизация), ориентируемые на живые отклики аудитории. Но оба вида работы не годятся для направления по официальным каналам. Случается, что пишут заметки в газету, включая передовую и установочную разделы, или обширную статью в толстый или тонкий журнал. Достаточный объем, чтобы представить веские аргументы и выдержать споры, ведущиеся в освещенных в делах кругах².

В России оценка определяется ее *востребованностью* – кулуарными кругами наиболее крупных предприятий, государственными органами, в более широком смысле бизнесом, международными организациями, серьезными частными лицами. Она зависит от способности обеспечить *дополнительные конкурентные преимущества* обладателю добавленного знания. Заметно возрастает соответствующий престиж «писателя».

Но спрос преобладающих формаций не соответствует потребности в этой конкуренции, как она описана. Рынок аналитических

² Этому жанру посвятил труд Кременюк В.А. Уроки холодной войны. – М.: Аспект-пресс, 2015. – Гл. VII, С. 258-295. Глава посвящена дипломатии Е.М. Примакова в его бытность министром международных отношений при президенте Б.Н. Ельцине. [Kremeniuk V.A. Uroki kholodnoi voiny (Lessons of the Cold War). Moscow: Aspektpress, 2015. Ch. VII, pp. 258-295].

услуг, кулуарные круги крупных предприятия оказываются в проигрыше. *Мозговые центры при власти* бывают в выигрыше, на них падает открытие нового. «Интеллектуалы» сосредоточены там, им удается продвигать вперед все, в чем они заинтересованы. «Остальные» работают на тех и столько, кто и сколько им платит – ведомственные подразделения, корпорации, партии, СМИ и тех, кто по каким-либо причинам к ним обращается.

Специфика ситуации в том, что обычные лица, заинтересованные в заказах, не могут жить на одну зарплату. Они вынуждены писать, делать работу «за много зарплат» – продавать «нелегально» основную часть, оплаченную официальным, небольшим окладом. Люди будут стараться получить деньги за неофициальный труд. За знания, статьи, книги, аналитическую записку, престиж в мозговых центрах власти. Реальную, большую зарплату.

Где они работают? «Интеллектуал» из МГИМО, престижных институтов и Академии наук России, больших университетов участвует в основном в работе своих организаций. Подчеркнем – только интеллектуально одаренные люди, как и те, которые пока себе не зарекомендовали, но в перспективе это, несомненно, сделают.

Сюда относится ведомственная аналитика. Президиум Академии наук России, престижные институты и университеты получают заказы, выполнение которых требует специфических знаний, квалификаций, интеллектуального склада. Без них невозможно справиться с задачей, ставящейся заказом. Выделенные в «мозговой центр» люди с работой справляются. Остается время подумать, куда можно деть неиспользованную часть базы, не вошедшую в официальный заказ. Аналитика постепенно накапливается в качестве собственного фонда – она превышает план работы института или государственного плана.

Конечно, есть широкий простор для работы в интересах самой аналитики как искусства, «ради стола», будущего, неоткрытого, неизданного. Кризис, вклад в ничего, в неоткрытое, или неоткрытое вполне, но одновременно вложение в будущее – с го-

дами вспомнишь и разовьешь в стройную концепцию. Но потом, а сейчас время сосредоточиться на главном с точки зрения получения денег.

Структура аналитической работы представляет упорядоченный процесс последовательных интеллектуальных операций. Выделяется пять подходов: 1) сбор информации, 2) систематизация, 3) продумывание сделанного, 4) формулирование понятия знания, производство текста, добавляются элементы анализа, 5) вторичное осмысление сделанного. Требование может прерывать процесс исполнителя после первого или третьего цикла (любого), главное понять, в чем специфика заказчика. *Анализ* – не первая фаза работы, а только *третья*. Первая – разбор работающего сигнала и оценка источника информации. Вторая – структурирование фактов, построение их системы, и только потом – анализ.

Строгая или нестрогая наука о теории международных отношениях (ТМО)? Нельзя сказать, что очень строгая. Но неточностей в ней гораздо меньше, чем было в науке о международных отношениях с тех пор, как она зародилась. Погрешности в науке существуют. Надежный способ – *математизация* – способ уменьшения доли «приблизительности» в случаях, *когда этот метод работает*. А в остальных? В науке накоплен огромный фактологический, эмпирический, количественный материал, без которого не было бы основ для математизации, а это может только помочь итоговым, самым обобщающим выводам.

ТМО – ограничено точная наука, которая выполняет операции, стремится уподобиться более высокому стилю. Естественные науки в силу математизации операционных понятий служат образцом для подражания. ТМО – точна в той мере, в какой она может адаптировать естественнонаучный аппарат. Это не значит, что наука прекратила биться за каждое собственное слово о международных отношениях.

Понятийная работа не завершена. Обогащение языка видно на трех уровнях политики международных отношений: 1) понятийном аппарате науки («война», «мир»), 2) профессиональном лексиконе междуна-

родника («биполярность», «стабильность»), 3) публицистической политики («тандемная дипломатия», «суверенная дипломатия», «неолиберальная демократия»).

Ценность источника информации

Методически выверенное расположение предмета будущего рассуждения предполагает правильный подход к нему. Продумывание мыслей привязывает к материалу источника, заставляет, в крайнем случае, оперировать понятием сноски на него. Есть эффективный источник – можно расположиться на нем серьезней, опереться, с умеренным доверием. Нет сноски, или есть, но в пересказе – сомнительно, надо поискать. Уменьшается риск непроверяемости информации банка (см. Таб. 2).

Показатель *оригинальности* является последним показателем по своей значимости. Он указывает на какой-то характерный признак героя, поясняет, что в нем лучшего или наоборот, худшего, чем он отличается от других. Это легко определить, сравнив с другими аналогичными текстами³.

Если читать надписи матрицы по горизонтали, то обнаружатся четыре группы, в которые объединены электронные и неэлектронные газеты и журналы. На первом месте стоят новостные агентства, обладающие поддержкой со стороны бизнеса. Обычно сюда входят электронные издания, печатные газеты, журналы – полный новостной цикл. Но такая печать может и *не иметь газеты*, лишенной собственной *печатной* продук-

Таблица 2

Матрица ценности источника информации

Качество/ статус	Электронное версия	Официальная	Оппозиционная	Толстый / тонкий журнал
Достоверность				
Оперативность				
Информативность				
Оригинальность				

Table 2. Analysis of Information Source Value

Самая верная статья надежности информации – ее *достоверность*, неповторяемость. Это важнейшая черта ценности источника. После того, как это бывает установлено, начинается объяснение событий с учетом чужих интерпретаций и с добавлением собственных версий.

Элемент *оперативности* является следующим показателем ценности информации. Он будет верным определителем верности, поскольку по нему можно решать, откуда взялся источник информации, насколько он надежен и повторяется, прямой канал или «извилистый», попал в руки не непосредственно.

Информативность – показатель важности дополнительных сфер информации. Если показатель достоверности определено укажет факт события (был – не был), то информативность объясняет событие. Говорят, отчего все было окрашено в белый цвет или, наоборот, почему красок на описание предмета затрачено вовсе не было.

ци (нет «наземных» версий). Но это мощный, ёмкий дополнительный вектор и его легко заполняют работники новостей.

Остальные три рубрики горизонтали – заполняются газетами, журналами (и мелкими издательствами), распространяющих себя в зависимости от собственной политической ориентации. Важно проследить официальный характер издания или оппозиционный (критика – не критика). Не все газеты и журналы носят подобный характер – публикации дают возможность об этом судить.

Настало время определить, в чем *специальный*, направленный, фокусированный

³ Например, анализирует свои комментарии и подкрепляет их международными цитатами. См. ситуацию в Боснии в 1998-1999 годах. См.: Кременюк В.А. Уроки холодной войны. – М.: Аспект-пресс, 2015. – Гл. VII, С. 270-271 [Kremeniuk V.A. Uroki kholodnoi voiny (Lessons of the Cold War). Moscow: Aspekt-press, 2015. Ch. VII, pp. 270-271].

анализ задания. Каким методом надо организовать поиск, выборку материалов и расположение их в удобном виде. Работа с материалами первоисточника ввела в курс проблемы. Получив включенное *фоновое* знание, мотивы для сопоставления, можно проявить изобретательность в конструировании *логики* рассуждения.

Чем привлекают другие авторы в комментирующих текстах? Необычностью, отсутствием просчитываемого рассуждения. Вместо крушения – подъем на фоне депрессии, на месте гибели героя – взлет его сторонников, вместо падения – бесславный побег вникуда. Не стандартно, подчиняет себе остальные преимущества сценариев, в этом его сила. Прочсть реально действующего деятеля, сквозь его почитателей, критиков, комментаторов, или тот же подход с приложением его к внешней политике.

В октябре 2010 г. Руководители Грузии были обеспокоены политикой Армении, а так же своей политикой в отношении армянского населения и их храмов в грузинских населенных пунктах. Поставили задачу понять, что их государство хочет от южного государства и может в этой связи сделать. Достаточно неформальная позиция – мягко сформулированы соответствующие технические задачи. Ниже следует образец-матрица на аналогичную тему (см. Таб. 3).

Таблица 3

Матрица фокусированого анализа

Выбор темы	Внешняя политика Грузии*
Внешний аспект (сужение)	Подход к отношениям с Арменией
Предварительная гипотеза	Стремится к улучшению

* Имеется в виду политика при М.Н. Саакашвили, президенте Грузии в 2008-2013 гг. См. так же интервью Г. Зедания, грузинского деятеля науки, армянскому журналу: Отношения между Арменией и Грузией весьма типичны для соседей // Деловой экспресс, 20/08/2015. Режим доступа: www.express.am/article/20_918/view/otnoshenia-mezhdu; Серж Сарксян. Армения готова углублять отношения с Грузией. 26 января 2010. Режим доступа: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=20753 [Otnosheniia mezhdue Armeniei i Gruziei ves'ma tipichny dlia sosedei (Relations between Armenia

Ожидаемый выход	Вывод, рекомендации, сценарий
Установление пропорций – «балансировка»	Предыстория, современное состояние, перспектива
Фиксация в заголовке	«Новый подход к Армении»

Table 3. Focused Analysis

При постановке проблемы в 2010 г. ставился вопрос с вариантами ответов, что было отражено в прилагавшихся анкетах. На вопрос о перспективах отношений с Арменией можно было выбрать реакцию «не хуже, чем сейчас», «дойдет до разрыва», «достаточно хорошо» и «дело пойдет к союзу». Детали внимательно изучены – с чего началось и кто виноват, если таковые находились. Решающий вопрос – что происходит на грузинской территории и у кого «управляющий параметр» (в Грузии, Армении, США, России, ЕС)? Важно, что может получиться у обеих стран, если развитие не удастся предотвратить, обернуть в противоположную сторону. Что делать в картине обем сторонам, какова перспектива их развития, что можно было инициировать? Легли или нет грузинские изменения в отношении армянских и армяноязычных поселенцев на территории Грузии – сложный вопрос, полемика осталась. Армения воздержалась от комментариев.

Подход к двусторонним отношениям иллюстрирует, насколько конкретный может быть вопрос применительно к настоящему и будущему связей. Матрица показала, что охвачен комплекс вопросов. Вобрала оптимум проблем для сложного видения ситуации, включив качественные и количественные показатели (регистрирующие и оценочные). Ниже следует таблица, впервые ставившая вопросы, возникавшие на месте (см. Таб.4).

and Georgia are Typical for Neighbours) // Delovoi ekspress, 20/08/2015. Mode of access: www.express.am/article/20_918/view/otnoshenia-mezhdu; Serzh Sargsyan. Armenia is Ready to Deepen Relations with Georgia. 26.01.2010. Mode of access: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=20753

Матрица первичных аналитических задач

Вопросы, ведущие к проблемам	Статус ответов			
	Факт	Рефлексия	Управляемое действие	Иное
Что происходит?	Выступает	Претендует на статус вождя	Пропаганда	Похоже на «выброс»
Кто действует?	Уличная толпа, оперативники	Поддерживает	Спецоперация	Доминирует толпа

Table 4. Prior Analytical Goals

Таблица показала, что проблемы в отношениях с «толпой» не просты и требуют быстрого разрешения. Отсюда необходимость проследить, откуда берется феномен «толпа неистовствует», «требует», «не расходится». Или наоборот – «молчит», «не заводится», «не хочет толпиться». Особо предстоит уделить внимание, какие операции могут играть в событиях спецслужбы, роль которых необходимо увидеть отдельно от ведомых масс (в толпе, вбрасывании нового слуха, поведении народа).

Логика построения текста

Собственный взгляд, *наблюдение*, найденное в образе языковых слов, формулирование увиденного – тяжелая, а может быть, легкая работа. Оно запоминается мыслительной памятью, впечатлением. Образы, положенные в бумагу или записанные на магнитофон, подсказка для будущей справки. Оригинальность, индивидуальность замеченного – черты, усилившие впечатление описанного.

Однако не приходится спешить к выводам. Предстоит процедура «*верчения*», образ мысли, которая дается через смену ракурсов, наблюдение всесторонней реакции предмета, находящегося в анализе. Чем больше людей – сильнее будут аргументы, выдвигаемые с разных позиций и сторонниками, и противниками объективной оценки.

По разным критериям надо оценить в 2016 г. выходцев из Сирии, Афганистана, Украины, России, Белоруссии. Болезненными будут разные черты положения, если они столкнулись с проблемой выбора места жизни (в «своей» стране или в другой). Совсем иными будут подходы к оценке расходов на «нормы жизни» в ЕС у «богатых граждан» стран Западной Европы при разговоре о беднейших выходцах из государств Арабского

и Среднего Востока. Разные границы по социальной среде – неявный, но жестко, четко осязаемый барьер при будущем смешении их в единой Европе⁴.

Человеческое *раздвижение социальных рамок* – принцип утверждения обоснованности единого государства стран, принимающих иммигрантов и не принимающих, не желающих. Угол зрения при опросе должен меняться в зависимости от того, куда склонны (или могут) пойти, в чем участвовать. От плохого и близкого к сложному и далекому в экономике и культуре – основа построения нескорого единства в США, Европе, Австралии, Канаде, России и одной из больших стран Латинской Америки.

Цены на дефицитное сырье, нефть, газ, нефтеносный сланец, уголь, древесину – не первые по интенсивности вложений добывающих отраслей. С точки зрения американского, западноевропейского или российского истеблишмента цены на топливо в мире едины. Смотрят на человека, способного быть трудоустроенным – высокий шанс его взять на работу из иммигрантов или низкий. Дефицит *инстинктивно регулируется* притоком молодых людей из иммигрантов и требованиями людей из обслуживания в принимающей стране. То же существует в отношении прибывших молодых женщин для удовлетворения запросов принимающих слоев. Спрос на иммигрантов в мире существует, но он удовлетворяется⁵. Не

⁴ Афганистан, Ирак, Сирия, Украина – страны, из которых бегут их жители, не находящие условий для работы. Гвоздев Ю. Немецкая пресса: Украина может стать вторым Афганистаном. 26 августа 2015. Режим доступа: maxpark.com/Южная Русь/content/3654575

⁵ Иммиграция в ЕС не принесет успеха быстро. Негативно проявится в «сильных» странах – Германии, Франции, Нидерландах, Бельгии,

единственная проблема, возникающая с людьми – иммигранты они или местные.

Группы людей, объединенные общей позицией перед органами государств, интересы, установившиеся связи между ними – тенденция, которую надо заметить. Нейтрализовать, раскрыть беды – задача политиков. Уточнение линий структур, последовательность соотношений целого – части работы. Задача – проверка исходной *гипотезы* о целостной картине мира через ее развитие.

Ассоциативные ряды удается сконструировать – плохие и хорошие. Россия после 1991 г. напрашивалась на сходство с Японией и Германией после 1945 года. Ситуация независимой Грузии – разрыв 1992 г. с Южной Осетией и Абхазией в 1994 г. – вызывала аналогию с расколом единой Кореи 1948 г. на два государства. Требовалось быстрое осмысление контекстов. Повод один – вывод, прогноз, рекомендации, сценарии относительно развития ситуации в стране, вызывавшей беспокойство. Ценой разработок была их стоимость, добавленная в копилку интеллектуальной ценности у каждой страны в отдельности.

Кто действовал или кем управляли из Вашингтона, Москвы, Брюсселя, Анкары, Пекина или Дели, когда их сторонники «добивались самоопределения» в 2010–2012 гг. на Арабском Востоке, где произошла «революция масок»?⁶ В результате движения

Италии, Британии. Однако совсем не так это отразится на молодых членах сообщества, прежде всего странах Восточной Европы: Сорман Г. Шанс для Европы? 16 сентября 2015. 24news.com.ua>2587-shans-dlay.evropy/; Бизнес-план 2016: иммигранты поднимут экономику Эстонии // Деловые новости, 01.10.2015. Режим доступа: <http://dv.ee/novosti/2015/10/01/biznes-plan-2016-immigranty-podnimut-jekonomiku-jestonii> [Biznes-plan 2016: immigranty podnimut ekonomiku Estonii (Business Plan 2016: Immigrants Will Boost Estonian Economy) // *Delovye novosti*, 01.10.2015. Mode of access: <http://dv.ee/novosti/2015/10/01/biznes-plan-2016-immigranty-podnimut-jekonomiku-jestonii>].

⁶ Долгов В. «Арабская весна»: итоги и перспективы // Перспективы. 19 апреля 2012. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja-vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm [Dolgov V. «Arabskaia vesna»: itogi i perspektivy // *Perspektivy*. 19.04.2012. Mode of access: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja-vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm].

противников режимов в арабских странах не произошло ни распада государств, ни изменения условий на рынках нефти, зависевших от них.

Почему происходило так, а не иначе? Это было нужно именно так, в таком разладе были заинтересованы средняя и крупная буржуазия, образованные интеллигенты, профессоры, преподаватели, умеренные муллы, грамотные военные. Не без спонтанности развивался процесс, но он не остановился. Ставить задачу о его политическом влиянии через массы путем выборки правильных людей – задача посильная.

При выработке текста необходимо соблюсти закономерности, применительно к построению обычного формата. Навести порядок в обрушившейся информации и *ранжировать* операции – *ключевые, важные* и *второстепенные*. Можно будет развивать дальнейшее описание событий, события сосредоточены по главным руслам и не мешают друг другу.

На основные операции не возлагается вся работа, сами они не задают тон повествования. Взятые крупные, ключевые факты, от них пойдет рассказ. Вокруг завертятся события – процесс получает *структуризацию*. Аргументы и контраргументы не выдвигаются, вопрос в том, чтобы уловить логику, правильно описать динамику, предвидеть, что может быть главным.

Линия развития увидена на всей длине, возникают вопросы – что было главным и не было, или стало второстепенным. Интересными предстанут события, следовавшие за развитием, либо не имевшие места, но могли ими стать. Возникает *диспут*, который порождает столкновение доводов, спор. Участник в полемике предъявит наиболее важный *аргумент*, кажущимся ему заявлением на *открытие*, и отнюдь не кажется таковым никому больше.

Остальные операции обращены к тексту, который ждет усовершенствований. В число достоинств входят вспомогательные приемы, например, *акцентировка* слова, примененная с учетом сложившейся манеры писать. Употребленная *инверсия*,

www.perspektivy.info/book/arabskaja-vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm.

гашение отвечает традиции разнообразить словарь привычных слов. Сюда относятся свойство употреблять заголовки, термины, пояснения без ссылки на словарь, где они определяются. Зависит от библиоконтекста, жанра анализа, которому придерживаешься, ссылаясь на книги и статьи.

Политический контекст, учет времени текста, доведение до сведения потребителя, динамика, очищение от зацепок рукописи, ритмизация – работа автора. Сохранение принципа «сумашедшинки», воздействия через текст и контекст на читателя, «мера ясности» (по З. Фрейду)⁷ – ремесло образованного пишущего. Преодоление ожиданий, не соответствовать предвкусениям, не расслабляя напряжение ожидающего. Завершение ударом – «симфония» линии рукописи. В число добротности автора входит приращение тексту изобразительности и составление таблиц.

Пожеланием текста должно быть сохранение авторского «я», каким бы жестким не было требование заказчика к завершающей форме выхода. Контекст может быть любым в зависимости от первоначальной идеи, но осветить, вскрыть не выступавшую серьезными силами базу, проследить каналы для иностранного вмешательства – вещи конкретные.

Существует техника *выхода за информационное поле*. Нельзя обойти структуру – нащупываете основное течение общественной мысли, окраинные области, сферу опережение и даже банальности. При этом не даешь пройти мимо не замеченных *рискам*. Соединение события основного течения с *маргинальной* новостью может стать единичным фактом. Дать событию *непривычную трактовку* – можно, таким образом, поставить линию рассмотрения наоборот, рассмотреть в ином свете.

Изучить новые факты, найти ошибки, восстановить последовательность, найти логику фактов, дать всему свою трактовку. Не слушать чужих комментариев пока не оценишь факты, но проверять чужим

⁷ Фрейд З. Интерес к психоанализу. Избранные цитаты из книги, 1913. Он пишет: «Психическое развитие индивида в сокращенном виде повторяет ход развития человечества».

мнением готовую схему, расстановку сил, предложенную в чужой книге. Добыть новую информацию и включить ее в анализ необычных, непривычных фактов. Неочевидные события поставить в завуалированную связь – открываются не прямые родственные, деловые отношения, сексуальные и прочие завязки.

Ниже приводим примерный набор американских решений, принятых первым лицом одной из кампаний США. Известно, был ли он официальным лидером, оппозиционным вождем или президентом финансовой (военной, юридической, исторической) фирмы. Наборы предложены Д. Митчеллом⁸, сконструировавшим предлагаемую таблицу. Конкретика опускается и можно «фантазировать» свободно. В книге произвольно трактуется вопрос выбора первым лицом и предлагается команда специалистов, чьи советы должны быть опорой главного. Первые решения уравниваются согласованным решением лидера и некоторым числом советников.

Сходным образом понимает проблему автор У. Данн, хотя он интерпретирует этот вопрос применительно к выборам, ориентированным внутрь политической области⁹. Специалист предпочитает свободу за первым лицом, оставляя за экспертами небольшую роль на ограниченную независимость. Решения героя книги целиком сосредоточены на исходе голосования, выбор – на влияние лидера партийной группы по итогам выборов (см. Таб. 5).

Ранжирование «парадокса» – операция по установлению уровней из зафиксированных проявлений тенденции, между которыми предполагается наличие причинно-следственной связи. Вводится в количественную величину мощности – по разным показателям устанавливается на вертикальную (глобальные, межконтинентальные, региональные) и горизонтальную (по сферам).

⁸ Mitchell, David. Making Foreign Policy. Burlington, VT: Ashgate, 2005. P. 201. См. предлагаемую таблицу и ее выводы.

⁹ Dunn, William. Public Policy Analyses. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2004. Связного изложения авторской позиции не дано.

Примерные решения первого лица

Отношения к рекомендации	Оценивает	Участвует в выработке	Выбор между двумя/несколькими	Перекладывает выбор
Запрос на рекомендацию	Дает предпочтения	Ожидает много вариантов	Советники	Произвольно конкурирует
Секретариат	Секретарь- советник; фильтрует информацию	Требует прийти к консенсусу	Докладывает мнение экспертов	Не требуется консенсус
Отношение к экспертам	Отсечение крайних мнений	Общая ответственность	Спор до доклада первому лицу	Споры в присутствии первого лица
Принятие итогового решения	Директивы, ясные предписания	Регулярные, частые встречи	Сочетание тех и других	Свобода выбора первого лица
Тип решения	Лидерское	Групповое	Лидерско-субгрупповое или тупик	Субгрупповое или тупик

Table 5. Exemplary Decisions of a Leader

Например, к концу 2000-х годов число международных конфликтов возросло, а расходы на связанные с ними военные бюджеты, оказались меньше, чем ожидалось. Значило ли это, что роль силы и войны в политике падала? Возможно. Но это противоречило наблюдениям в международных отношениях. Рождался эффект парадокса. Таким впечатление было, если смотреть на уровне финансов и бюджета.

На уровне научно-технического прогресса, эволюции разрушительной мощи средств вооружений картина была иной. Шло сокращение расходов по обычным вооружениям, с меньшим количеством оружия можно было добиваться значительных результатов. Разрушительная эффективность силы возрастала. А дисперсное применение силы (краткосрочное, точечное) давало стимул-соблазн использовать ее шире, а в политическом отношении – смелее. Порог использования силы снижался, но частность – росла. Военные расходы стран мира упали в два раза, а роль силы существенно возросла. Был парадокс или нет? Был.

Можно было предположить, что роль силы падает¹⁰, но это противоречило реальным наблюдениям – парадокс более высоко-

го уровня. Но был другой ответ¹¹: военные расходы падали, а роль силы увеличивалась. Быстрее, чем сокращались военные расходы, происходило удешевление производства единиц вооружения. За меньшую сумму можно было производить больше средств разрушений. При опережении (ножницах) цен возникал стимул шире использовать оружие, что проявлялось в реальности середины 2000-х годов.

* * *

Есть четыре типа рассуждений о науке. Первое и объяснимое – преподаватель ничего нового не читает и рассказывает старые знания из учебников. Второй тип – читает и рассказывает, но при этом пишет в журналы и газеты. Идет на компиляцию известных по чужим публикациям новинок. Неплохо – помогает поддерживать интеллектуальную форму.

Третий вид – ученый, который читает, думает, пересказывает, пишет каждый раз, как будто он встречает всякий раз невиданное, «не открываемое». Это критическое воспроизводство новаторского приема, творчество начального уровня. Впечатляет, чтобы отнестись к нему серьезно.

¹¹ В тот момент в чем-то был прав я. См.: Богатуров А.Д. Политический спазм в глобальном масштабе // Международные процессы. – 2010. – № 3. – с. 4-15 [Bogaturov A.D. Politicheskii spazm v global'nom mashtabe (Global Political Cramp) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2010, No. 3, pp. 4-15.].

¹⁰ Так полагал Кулагин В.М. См.: Кулагин В.М. Современная международная безопасность. – М.: Кнорус, 2012 [Kulagin V.M. *Sovremennaiia mezhdunarodnaia bezopasnost'* (Contemporary International Security). Moscow: Knorus, 2012].

Наконец, четвертое мастерство – думать, читает, творит мысль и говорит со студентами или пишет. Творчество высокого уровня – человек, находит, но не стремится доводить найденное до уровня совершенного, он готов передать это другому, тому, кто будет сильнее в будущем. На грани открытия – где-то между третьим и четвертым мыслителями. Может быть, для их профессиональных отношений?

Предметом статьи стали реальные и неродинарные связи, в которые погружаешься в работе. Нет аргументов – не получается записка, появилась идея, концепция, смелые наблюдения, неожиданная связь – созрела справка. Даны рабочие советы, как поступать в служебных обстоятельствах, и находить нестандартные решения в сложных ситуациях. Чтение статьи «заново» – приближение к истине на маленький шаг.

Литература:

Dunn, William. Public Policy Analyses. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2004.

Mitchell, David. Making Foreign Policy. Burlington, VT: Ashgate, 2005.

Бизнес-план 2016: иммигранты поднимут экономику Эстонии // Деловые новости, 01.10.2015. Режим доступа: <http://dv.ee/novosti/2015/10/01/biznes-plan-2016-immigranty-podnimut-jekonomiku-jestoni>

Богатуров А.Д. Политический спазм в глобальном масштабе // Международные процессы. – 2010. – № 3. – с. 4-15.

Долгов Б. «Арабская весна»: итоги и перспективы // Перспективы. 19 апреля 2012. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja-vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm

Кременюк В.А. Уроки холодной войны. – М.: Аспект-пресс, 2015. – Гл. VII, С. 258-295.

Кулагин В.М. Современная международная безопасность. – М.: Кнорус, 2012.

Отношения между Арменией и Грузией весьма типичны для соседей // Деловой экспресс, 20/08/2015. Режим доступа: www.express.am/article/20_918/view/otnoshenia-mezhdu

Сердж Сарксян. Армения готова углублять отношения с Грузией. 26 января 2010. Режим доступа: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=20753

References:

Biznes-plan 2016: immigranty podnimut ekonomiku Estonii (Business Plan 2016: Immigrants Will Boost Estonian Economy) // *Delovye novosti*, 01.10.2015. Mode of access: <http://dv.ee/novosti/2015/10/01/biznes-plan-2016-immigranty-podnimut-jekonomiku-jestonii>

Bogaturov A.D. Politicheskii spazm v global'nom masshtabe (Global Political Cramp) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2010, No. 3, pp. 4-15.

Dolgov B. «Arabskaia vesna»: itogi i perspektivy // *Perspektivy*. 19.04.2012. Mode of access: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja-vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm

Dunn, William. Public Policy Analyses. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2004.

Kremeniuk V.A. Uroki kholodnoi voiny (Lessons of Cold War). Moscow: Aspekt-press, 2015. Ch. VII, pp. 258-295.

Kulagin V.M. Sovremenniaia mezhdunarodnaia bezopasnost' (Contemporary International Security). Moscow: Knorus, 2012

Mitchell, David. Making Foreign Policy. Burlington, VT: Ashgate, 2005

Otnosheniia mezhdunarodnoi i Gruzii ves'ma tipichny dlia sosedei (Relations between Armenia and Georgia are Typical for Neighbours) // *Delovoi ekspress*, 20/08/2015. Mode of access: www.express.am/article/20_918/view/otnoshenia-mezhdu

Sargsyan, Serzh. Armeniia gotova uglubliat' otnosheniia s Gruzii (Armenia is Ready to Deepen Relations with Georgia). 26.01.2010. Mode of access: http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=20753

EXPERTISE OF POLITICAL ANALYSIS IN INTERNATIONAL RELATIONS

Alexei D. Bogaturov

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 01 May 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 11 June 2016</p>	<p>Abstract: The article is devoted to a problem of political analysis in the field of international relations. The author discusses the key rules, standards and requirements of correct political research as well as basic criteria of analytical correctness.</p> <p>The author formulates typology of analytical papers, assesses the state of environment and working conditions for today's experts, analysis key problems and difficulties at the stage of empirical data selection (including verification of information sources), while choosing analytical methods and formulating conclusions.</p> <p>The article gives advice for experts, how to organize research, deal with difficulties and find non-standard solutions.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, Professor, Distinguished Researcher of the RF</p> <p>e-mail: alebog2003@yandex.ru</p>	
<p>Key words: political analysis; political expertise; research methods; international relation.</p>	

Для цитирования: Богатуров А.Д. Экспертиза международно-политического анализа // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 5-16.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-5-16

For citation: Bogaturov, Alexei D. Ekspertiza mezhdunarodno-politicheskogo analiza (Expertise of Political Analysis in International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 5-16.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-5-16

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-17-24](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-17-24)

НОВЫЙ РИМ В НОВОМ МИРЕ: К ВОПРОСУ О РОЛИ США В КОНСТРУИРОВАНИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Ольга Ивановна Ивонина

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 28 апреля 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 15 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В статье рассматривается эволюция понимания современного международного правопорядка в зарубежной глобалистике. Делается вывод о том, что утрата эпистемологического и социально-политического оптимизма современных исследователей сопровождается критикой ими линейно-прогрессистских концептов развития системы международного права, открывая дорогу принципам альтернативности, синергетики, транзитивности исторического развития. Неоконсенсус представителей школы Realpolitik (неоконсерваторов) и институционального либерализма (неолибералов) основывается на допущении иной природы международной правосубъектности в условиях возникновения новых угроз национальной и всеобщей безопасности со стороны транснационального терроризма и несостоятельных государств. Практическим воплощением такого нео-неоконсенсуса становится легитимация гуманитарных интервенций и превентивного сдерживания «преступных режимов» на периферии мир-системы.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор Кафедры отечественной и всеобщей истории НГПУ e-mail: ivonina@ngs.ru</p>	
<p>Ключевые слова: мультипликация мир-системы, конкурирующие идентичности, неоконсерватизм, неолиберализм, новый мировой порядок.</p>	

Принципиально новый контекст обсуждения пространственно-временных параметров нового миропорядка сформировался в науке о международных отношениях на рубеже 1980-90-х гг. XX века. Концентрация на небольшом временном отрезке знаковых событий мировой истории (крушение Берлинской стены, распад СССР) определила хронологические рамки «короткого XX века», поместившегося в промежутке между Первой мировой войной (1914–1919) и завершением «холодной войны» (1989–1991).

Осмысление итогов недавней истории в ситуации наступившего мира и согласия придавало дискурсу современного мира нехарактерное для эпохи fin du siècle чувство удовлетворенности историей, порождая миллениаристские версии Модернити как благополучного эпилога мировой истории.

В дискурсе о новом миропорядке 1990-х гг. XX в. преобладали конструктивистские подходы. Упорядоченность мир-

системы как устойчивого состояния взаимозависимости всех акторов мировой политики достигается, по мнению Ф. Фукуямы, не стихийной борьбой разнонаправленных национальных интересов и жаждущих признания «идентичностей», а сознательными усилиями по формированию ее универсальной правовой основы, эффективность и прогрессистский вектор которой доказаны историческим опытом развития либеральных демократий¹.

Смещение дискуссий об институционально-нормативной основе Нового миропорядка в область мировой политики и международного права способствовало углублению понимания Современности как глобального проекта. Присутствие в работах международных экспертов категории «глобального»

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С.17. [Fukuyama, Francis. Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man). Moscow: Izd-vo AST, 2004. P.17.]

развития свидетельствовало о существенных методологических новациях в изучении современности как переходной эпохи. Важный для историков международных отношений акцент на состоянии *среды системы (Medium)* интерактивного взаимодействия, переформулированный в понятие «глобального контекста» мировой политики, сопровождался изменением языка и семантики исторического нарратива. Наряду с привычными субъектами истории международных отношений в лице государств, национальных движений и международных организаций, торгово-экономических объединений и военно-политических союзов, акторами мировой политики объявлялись неправительственные организации, неформальные объединения, транснациональные корпорации, отдельные регионы, мегаполисы, движения гражданской инициативы и другие внесистемные «множества», оспаривающие исключительное право суверенов формировать глобальную повестку дня.

Изменение состава действующих лиц мировой политики сопровождалось модификацией ее проблематики. Проблемы разоружения и ограничения вооружений, создания систем коллективной безопасности, нераспространения ОМУ – эти и другие вопросы, еще недавно имевшие статус стратегических, оказались вытесненными на периферию глобальной политики. Статус глобальных обрели проблемы противодействия нелегальной миграции, наркотрафику, коррупции и отмыванию нелегальных доходов, обеспечения безопасности международных пассажирских и грузопотоков, сотрудничества в борьбе с эпидемиями и пандемиями, словом все то, что затрагивает в первую очередь интересы частных лиц. Подобную «приватизацию» повестки дня мировой политики связывали со сменой ее главных персонажей, полагая, что место солдата и дипломата на сцене мировой истории занял турист и террорист.

Признание множественности участников глобальной политики, плюрализма отстаиваемых ими интересов и ценностей в системе международного взаимодействия скорректировало представления авторов теории демократического транзита о тра-

ектории развития глобальной цивилизации. Понятие «демократического мира» в работах международных экспертов стало маркером не только современной формы политики, но и новой технологии управления международными процессами – стратегии «вовлечения», предусматривающей добровольное участие в принятии решений по глобальной повестке дня самых разных акторов международного права.

В условиях «демократического мира» девальвируется, по мнению экспертов, ценность эксклюзивного в мировой политике. Глобальная по своим движущим силам и направленности история ставит под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических) собственной исключительности.

Различные модификации концепции «демократического мира», предлагаемые американскими и европейскими авторами в качестве альтернативы теории «баланса сил», «многополярной» или «однополярной» системе мировой политики, выражали понимание *новой природы* интерактивной коммуникации между различными доменами и акторами мировой системы в категориях «*сетевого*» взаимодействия. Конкуренция американского и европейского проектов «глобального миропорядка» отражала изменения как в реальном соотношении сил США и ЕС на мировой арене, так и наметившийся «раскол» Запада в качестве единой альтернативы «иным» коллективным идентичностям Нового мира.

В знаковой работе Р. Кейгана различие подходов США и Европы в понимании организующих принципов, структуры, приоритетов и ценностей Нового миропорядка объяснялось различием менталитетов и исторического опыта двух континентов. При обсуждении глобальной повестки дня американцы, по словам Р. Кейгана, «кажутся пришельцами с Марса, а европейцы – с Венеры... Сталкиваясь с реальными или потенциальными противниками, американцы отдают предпочтение принуждению, а не убеждению, карательным санкциям, а не созданию

стимулов, кнуту, а не прянику». В отличие от прямолинейной силовой стратегии США, европейский подход к проблемам мировой политики напоминает автору искусную дипломатическую игру, участники которой руководствуются в своих действиях принципами доверия и взаимного согласия сторон, стремящихся сначала достичь компромиссного решения, а затем создать формальную систему контроля за выполнением достигнутых договоренностей. «Европейцы склонны решать проблемы мирным путем, предпочитая переговоры, дипломатию и убеждение... В спорных вопросах они, — отмечает Кейган, — скорее станут апеллировать к международному праву, договоренностям и общественному мнению, считая, что процесс урегулирования важнее результата»². Автор полагал, что стороннему наблюдателю предлагаемые США и Европой сценарии нового миропорядка могут показаться пришедшими из разных времен. Европа, по выражению Р. Кейгана, «вступает в постисторический рай спокойствия и процветания», наступление которого предвосхищалось трагедиями «О вечном мире» XVIII в., а Соединенные Штаты кажутся «погрязшими в тряпине истории, в анархическом Гоббсовом мире» политики с позиции силы. Первоначальное название работы Р. Кейгана «Сила и слабость» точнее отражало смысл неоконсервативного манифеста американской внешней политики, перевода дискуссии о новом миропорядке в старые категории политики «сдерживания», баланса сил и мирового лидерства Америки.

По мнению Э. Хобсбаума, американский сценарий Нового миропорядка отражал этос победителя в только что закончившейся холодной войне. Победа США в этом глобальном нравственном сражении, как полагал Хобсбаум, усилила и без того свойственное американцам чувство недоверия и даже нетерпимости к «другим» альтернативам мирового развития. Несмотря

на прокламируемую приверженность идеологическому плюрализму и толерантности, американцы, по мнению историка, не сочли новый мир «достаточно вместительным для долговременного сосуществования с соперничающими светскими религиями»³.

События 11 сентября 2001 года сформировали принципиально новый политический контекст поиска американскими исследователями новой парадигмы международных отношений: удары террористов по зданию Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагону в Вашингтоне как символам экономической и военной мощи Америки были одновременным вызовом интересам национальной безопасности и либерально-демократическим ценностям страны. Ответом на этот вызов стало формирование двойного консенсуса — на уровне политического истеблишмента были преодолены разногласия Президента и Конгресса, Демократической и Республиканской партий по вопросам стратегии национальной безопасности, на уровне академического сообщества было достигнуто единство мнений относительно места США в конфигурации Нового миропорядка.

Основой так называемого *нео-нео-консенсуса* стало общее понимание неоллибералами и неореалистами природы глобальных изменений в структуре нового миропорядка и места в нем Соединенных Штатов. Курс «благожелательного гегемона» на борьбу за восстановление мирового порядка со всеми факторами и акторами, угрожающими устойчивости современной мир-системы вызвал целую серию публикаций, призванных обосновать право США на создание *Pax Americana* как имперского по своей сути проекта.

Предлагаемые американской политологией сценарии нового миропорядка представляли собою симбиоз традиционных для Америки мотивов силового баланса и многосторонней дипломатии, с одной сто-

² Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. — М.: РОССПЭН, 2004. — с. 9. [Keigan, Robert. O rae i sile: Amerika i Evropa v novom mirovom poriadke (On Paradise and Power: America and Europe in the New World Order). Moscow: ROSSPEN, 2004. p. 9.]

³ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). — М.: Издательство Независимая Газета, 2004. — С. 14. [Hobsbaum, Eric. Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914-1991) (The Age of Extremes: a History of the World (1914-1991)). Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaia Gazeta, 2004, p. 14.]

роны, и радикального разрыва с доктриной «сдерживания» и нормативной теорией мировой политики – с другой. Консенсус неоконсерваторов и неолибералов с официальным внешнеполитическим курсом привел к появлению в американском политическом лексиконе множества гибридных аттестаций типа «мускулистого вильсонизма», «консервативного либерализма», «демократической империи», призванных доказать преемственность универсальных приоритетов глобальной политики США независимо от партийной принадлежности и идейных предпочтений ее архитекторов.

Стремление политической и интеллектуальной элиты США к делегитимации принципа суверенного равенства государств демонстрировало амбивалентность тех категорий, которые еще недавно казались универсальными константами мира политики – «национальное государство», «признание», «суверенитет». Представители школы *Realpolitik* считали заслугой идеологии и практики «демократической империи» возрождение централизованной структуры современного мира. Их сценарии миропорядка исходили из признания того, что глобализация не устраняет государства в качестве основных акторов мировой политики, а предъявляет к ним более высокие требования, диктуемые интересами поддержания мира, безопасности, стабильности и устойчивого развития. «Идеальным типом» государства, вписавшимся в контекст глобализации, может быть, по их мнению, неподверженное коррупции, экономически состоятельное, вдвойне легитимное (пользующееся доверием собственного населения и мирового сообщества) государство, принимающее сложившийся миропорядок и поддерживающее его своими действиями. Таким образом, новая система международных отношений воспринималась в категориях порядка, т.е. высокой степени управляемости, гарантируемой соблюдением государствами пусть и новых, но вполне определенных правил, а не хаоса беспорядочной игры различных сил на мировой арене.

Апология вооруженного насилия, свойственная политике либерального интервенционизма, вступала в противоречие и с принципом неприменения силы, и с концепциями «демократического мира». Поис-

кам путей преодоления этой юридической и морально-политической коллизии было посвящено огромное количество исследований. Их авторы стремились показать, с одной стороны, вынужденный характер американской революции международного права, а с другой – доказать «историческую», неадекватную современным угрозам природу действующего международного права и формальных процедур принятия решений в Совете Безопасности ООН.

Доктрина «превентивной войны», нацеленная на опережение катастрофических для мира событий, преодолевает, по мнению ее авторов, свойственный действующему праву разрыв между возможным и должным, законностью и эффективностью, универсализмом ООН и существующим внутри нее конфликтом интересов Запада и Востока, Севера и Юга. Новаторский характер стратегии упреждающих действий в отношении международного терроризма обосновывался ссылками на выученные Америкой уроки истории. Ссылаясь на печальный опыт бездействия Лиги Наций перед лицом нацистской угрозы и трагедию Мюнхена, американские стратеги заявляли, что впредь они не допустят ситуации, когда потенциальная угроза превратится в реальную и предотвратить ее легальными средствами будет невозможно. Проанализировав миротворческие операции ООН в Боснии, Сомали, Руанде, американские эксперты пришли к выводу о том, что мировому сообществу следовало применять силу раньше и решительнее, руководствуясь при этом не меркантильными расчетами «цены риска», а универсальным понятием права на безопасность, которое не может быть предметом торга или калькуляции национальных интересов. В альтернативной ситуации выбора принимающие решения политики должны руководствоваться, по мнению Дж. Айкенберри, исторической логикой ответственности, памятью о неизбежности суда истории как над преступниками и соучастниками, так и над безучастными наблюдателями совершаемых преступлений⁴.

⁴ Ikenberry, John. *America's Imperial Ambition // Foreign Affairs*, Vol. 81, No. 5, September-October 2002.

Знаковая статья М. Гленнона положила начало полемике среди юристов и политологов по поводу судьбоносного для мирового сообщества выбора Америкой между «принципом Мюнхена» и «принципом Зорро». Последний, будучи формально недопустимым способом применения силы с целью предотвращения угрозы миру, противопоставлялся юридически безупречной, но обрекающей мировое сообщество на роль безучастного свидетеля гуманитарной катастрофы, стратегии невмешательства. Надежды американских экспертов на преодоление дилеммы эффективности/законности миростроительной практики США и последующую легитимацию мировым сообществом практики гуманитарных интервенций обосновывались ссылками на многочисленные пробелы в международном гуманитарном праве, ограничивающими внешнеполитическую активность «демократической империи»⁵.

Показателем свойственного имперскому сознанию неприятия любого нормативного ограничения собственной свободы действий можно считать эволюцию интервенционистской риторики Ч. Краутхаммера – наиболее последовательного сторонника «Pax Americana». Критикуя политиков и экспертов, озабоченных падением нормативного авторитета США, автор уподоблял приверженность европейских и американских интернационалистов принципам международного права и многосторонней дипломатии узам, которыми лилипуты пытаются связать Гулливера, противодействуя его глобальной исторической миссии⁶.

Проблема легитимации политических и правовых прецедентов, созданных действиями США по наведению порядка в международных отношениях XXI века, стала центральной в американском внешнеполитическом дискурсе. Отправной точкой ее обсуждения стало единодушное признание политиками и экспертами асимметричной структуры глобального миропорядка в условиях беспрецедентного американского лидерства. Превосходство США, измеряе-

мое реалистами в параметрах «жесткой», а либералами – «мягкой» силы, виделось залогом стабильности и долговременности грядущего «Pax Americana». Либерально-демократические традиции ультрасовременной державы в сочетании с ее ресурсными возможностями позволяли надеяться на способность Америки создать эффективную систему глобального управления, сводящей к минимуму риски любого рода конфликтов и кризисов. Представители научного сообщества считали свойственное внешнеполитическому сознанию и практике США уникальное сочетание глобальных устремлений и глобальной ответственности необходимым и достаточным условием для легитимации мировым сообществом универсализма американских ценностей и политического опыта⁷.

Война в Ираке поколебала надежды политиков и экспертов на безусловное признание мировым сообществом исключительности американского лидерства. В своей статье «Американская мощь и стратегия после Ирака» Дж. Най назвал это событие последней главой уходящего XX, а не первой страницей истории нового, XXI века, выразив разочарование в американском сценарии нового миропорядка и способе его презентации мировому сообществу⁸. Самонадеянная уверенность США в способности отразить все угрозы и решить все проблемы мира в одностороннем порядке – без консультаций с союзниками и сотрудничества с международными организациями, гипертрофированный масштаб вооруженного насилия, демонизация противника, – таков, по мнению неолибералов, краткий перечень грубых по-

⁷ См. Brzezinski, Zbigniew. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. N.Y., 2004.; Кеннеди П. Взлет и падение великих держав. – М., 2000. [Kennedy, Paul. *Vzlet i padenie velikikh derzhav (The rise and fall of the great powers)*. Moscow, 2000.]; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. – М., 2002. [Kissinger, Henry A. *Nuzhna li Amerike vneshniaia politika? K diplomatii XXI veka (Does America Need a Foreign Policy? Towards a Diplomacy of the 21st Century)*. Moscow, 2002.]

⁸ Nye, Joseph. U.S. Power and Strategy after Iraq // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July-August 2003.

⁵ Glennon, Michael J. Why the Security Council Failed? // *Foreign Affairs*, May-June 2003.

⁶ Krauthammer, Charles. The Unipolar Moment Revisited // *National Interest*, Winter 2003, p. 12.

грешностей американского внешнеполитического стиля, затрудняющих признание их сценария миропорядка другими глобальными игроками. Отказ от риторики крестового похода против исламского мира и образа Америки как мирового шерифа, возвращение США к практике создания формальных союзов и неформальных договоренностей с европейскими союзниками, вовлечение в систему глобальной политики стран БРИКС – все это, по мнению неолибералов, способно устранить барьеры недоверия и отчуждения между Америкой и «другими», сделать американское лидерство приемлемым и легитимным для всего мира⁹.

В целом либеральная критика американского гегемонизма основывалась на недопустимости превращения демократического государства в «гарнизонное» и представления об Америке как империи, присвоившей себе монополию на абсолютный суверенитет, отказав в аналогичном праве остальным участникам международной системы. Дилеммы американской политики глобального лидерства очень точно сформулировал П. Хэсснер, заявив, что перед США стоит выбор между либеральной гегемонией, ограниченной международным правом, формальными договоренностями с союзниками и партнерами, практикой многосторонней дипломатии – с одной стороны, и авторитарным глобальным управлением гипердержавы – с другой¹⁰. По мнению неолибералов, реализация стратегии «ответственного лидерства» в системе глобального миропорядка не может быть решена только силой американского оружия и/или денег. Сознание невозможности управления сложным миром, пронизанным сетями взаимозависимости, из одного центра,

рано или поздно вынудит США вернуться к традициям трансатлантической солидарности и коллективной дипломатии¹¹.

В процессе корректуры американского сценария нового миропорядка изменилось отношение политического истеблишмента к европейскому конструкту «мирового гражданского общества». Уникальный пример создания «союзной державы» на основе добровольных согласованных действий и принципа справедливости, по мнению Б. Скоукрофта, делает европейскую стратегию расширения демократии адекватной времени Постмодерна¹².

Оживление интереса американской политологии к европейскому проекту способствовало изменению ее методологического инструментария. Постмодернистский акцент на проблемах языка науки как орудия познания, конструирования и презентации изучаемой действительности, стал манифестом «фигурального реализма», исходящего из понимания глобальной истории как текста. Эвристическая значимость введенных постмодернистами в лексикон международных исследований категорий «идентичности», «ментального конструкта», «образа», «пространственно-временного контекста», объяснялась необходимостью учета тех факторов интерактивной коммуникации различных акторов мировой системы, которые не принимались в расчет сторонниками теории рационального выбора. Понимание современной истории как коллективного текста, авторы и персонажи которого живут в разных временах и пространствах, являясь «множественным» субъектом эпохи турбулентности, изменило оптику авторов социальных теорий, легализовав ценность альтернативного, идейного и культурного плюрализма.

Конструирование американской наукой о международных отношениях образа Америки как гаранта глобального миропорядка способствовало преодолению как тирании

⁹ Chace, James. Avoiding Empire // *The National Interest*, No. 69, Fall 2002, pp. 20-23.; Kupchan, Charles A. Misreading September 11th // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 26-30.; Hendrickson, David C. Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security // *The World Policy Journal*, Vol. 19, No.3, Fall 2002, pp. 1-10.

¹⁰ Hassner, Pierre. Definitions, Doctrines and Divergences // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 30-34.

¹¹ Drezner, Daniel. The New “New World Order” // *Foreign Affairs*, Vol. 86, No.2, March-April 2007.

¹² Brzezinski, Zbigniew. The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004. Pp. 202-203.

исключительности и искушений абстрактного универсализма, плодящих эссенциалистские конструкты «либеральной гегемонии» и «демократического мира», так и соблазнов социокультурного релятивизма. Однако баланс в понимании миссии Нового Рима как пионера освоения пространственно-временного континуума Современности, вошедшего в себя разных участников глобального взаимодействия, обладающих равными правами, но разными сценариями мирового развития, американской наукой международных отношений, стремящейся к созданию нео-неоконсенсуса (неолиберализма и неоконсерватизма), не был достигнут во внешнеполитическом дискурсе нового XXI века глобальной истории.

Литература

- Brzezinski, Zbigniew.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004. 256 p.
- Brzezinski, Zbigniew; Scowcroft, Brent; Ignatius, David.* America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. N.Y.: Basic Books, 2008. 304 p.
- Chace, James.* Avoiding Empire // *The National Interest*, No. 69, Fall 2002, pp. 19-25.
- Drezner, Daniel.* The New "New World Order" // *Foreign Affairs*, Vol. 86, No.2, March-April 2007, pp. 34-46.
- Glennon, Michael J.* Why the Security Council Failed? // *Foreign Affairs*, May-June 2003.
- Hassner, Pierre.* Definitions, Doctrines and Divergences // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 30-34.
- Hendrickson, David C.* Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security // *The World Policy Journal*, Vol. 19, No.3, Fall 2002, pp. 9-36.
- Ikenberry, John.* America's Imperial Ambition // *Foreign Affairs*, Vol. 81, No. 5, September-October 2002.
- Krauthammer, Charles.* The Unipolar Moment Revisited // *National Interest*, Winter 2003, pp. 5-17.
- Kupchan, Charles A.* Misreading September 11th // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 26-29.
- Nye, Joseph.* U.S. Power and Strategy after Iraq // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July-August 2003.
- Slaughter, Anne-Marie.* Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform // *American Journal of International Law*, Vol. 99, July 2005, pp. 619-631.
- Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. – М.: РОССПЭН, 2004. 160 с.
- Кеннеди П.* Взлет и падение великих держав. М., 2000.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. М., 2002. 352 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Изд-во АСТ, 2004.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.

References

- Brzezinski, Zbigniew.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004. 256 p.
- Brzezinski, Zbigniew; Scowcroft, Brent; Ignatius, David.* America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. N.Y.: Basic Books, 2008. 304 p.
- Chace, James.* Avoiding Empire // *The National Interest*, No. 69, Fall 2002, pp. 19-25.
- Drezner, Daniel.* The New "New World Order" // *Foreign Affairs*, Vol. 86, No.2, March-April 2007, pp. 34-46.
- Fukuyama, Francis.* Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man). Moscow: Izd-vo AST, 2004.
- Glennon, Michael J.* Why the Security Council Failed? // *Foreign Affairs*, May-June 2003.
- Hassner, Pierre.* Definitions, Doctrines and Divergences // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 30-34.
- Hendrickson, David C.* Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security // *The World Policy Journal*, Vol. 19, No.3, Fall 2002, pp. 9-36.
- Hobsbaum, Eric.* Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914-1991) (The Age of Extremes: a History of the World (1914-1991)). Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaia Gazeta, 2004. 632 p.
- Ikenberry, John.* America's Imperial Ambition // *Foreign Affairs*, Vol. 81, No. 5, September-October 2002.
- Keigan, Robert.* O rae i sile: Amerika i Evropa v novom mirovom poriadke (On Paradise and Power: America and Europe in the New World Order). Moscow: ROSSPEN, 2004. 160 p.
- Kennedy, Paul.* Vzlet i padenie velikikh derzhav (The Rise and Fall of the Great Powers). Moscow, 2000.
- Kissinger, Henry A.* Nuzhna li Amerike vneshniaia politika? K diplomatii XXI veka (Does America Need a Foreign Policy? Towards a Diplomacy of the 21st Century). Moscow, 2002.
- Krauthammer, Charles.* The Unipolar Moment Revisited // *National Interest*, Winter 2003, pp. 5-17.
- Kupchan, Charles A.* Misreading September 11th // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 26-29.
- Nye, Joseph.* U.S. Power and Strategy after Iraq // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July-August 2003.
- Slaughter, Anne-Marie.* Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform // *American Journal of International Law*, Vol. 99, July 2005, pp. 619-631.

THE U.S. AS THE NEW ROME: DISPUTING THE NEW WORLD ORDER

Olga I. Ivonina

*Novosibirsk State Education University,
Novosibirsk, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28 April 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 15 June 2016</p>	<p>Abstract: The starting point of the conclusions of politicians and experts was the recognition of the changed nature of threats to the New World Order. In post-Westfalia system of international relations the main actors are not sovereigns, but transnational actors of world politics, including transnational terrorist and criminal networks. In this situation, the support of global security threat serves the underground world – terrorists, shady business structures, failed states. The unconventional nature of the threat to peace and stability of the New World Order requires an equally innovative response which transcends the formal constraints of international law and the traditional doctrine of deterrence. An analysis of the U.S. foreign policy concepts suggests that today’s academic and political community has promoted consensus of neoliberals and neoconservatives, supporters of the institutional functionalism and representatives of the school of Realpolitik. This consensus was based on the recognition of the admissibility of pre-emptive strikes on the territory of failed states, sponsoring international terrorism, or the implementation of open interference in the internal affairs of “rogue states” for human rights and democratic freedoms guarantee.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department of Russian and World History, Novosibirsk State Education University</p> <p>e-mail: ivonina@ngs.ru</p>	
<p>Key words: world-systems; competing identities; neo-conservatism; neo-liberalism; new world.</p>	

Для цитирования: Ивонина О.И. Новый Рим в новом мире: к вопросу о роли США в конструировании нового миропорядка // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 17–24.
DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-17-24

For citation: Ivonina O.I. Novyi Rim v novom mire: k voprosu o roli SShA v konstruirovanii novogo miroporiadka (The U.S. as the new Rome: disputing the new world order) // *Comparative Politics, Russia*, 2016, No. 3, pp. 17-24.
DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-17-24

ФАКТОРЫ ОЦЕНКИ РИСКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Андрей Александрович Иванов

*Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины,
г. Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 24 января 2016 г.</p> <p><i>Принята к печати:</i> 01 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В современных условиях становления новой конфигурации международных отношений вооруженная агрессия по-прежнему остается не только популярной альтернативой дипломатическому урегулированию конфликтов, но и одной из постоянно совершенствуемых насильственных практик. Место войн на международной арене все активнее занимают терроризм, геноцид, интервенция и т.д. Иностранное военное вмешательство в дела суверенных государств в настоящее время получает все более широкое распространение, поэтому противодействие попыткам интервенции на данный момент входит в число приоритетных задач государства, так как от эффективности этой деятельности нередко зависит существование страны.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., доцент Кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины</p> <p>e-mail: ivanova85@list.ru</p>	
<p>Ключевые слова: индикаторы; интервенция; конфликт; нестабильность.</p>	

Изучение интервенции с теоретической точки зрения является для отечественной науки сравнительно новой темой. Несмотря на то, что некоторые случаи иностранного военного вмешательства во внутренние дела независимых государств (Кореи, Греции, Вьетнама и т.д.) нашли отражение в исследовательской литературе, на данный момент сложно говорить о существовании общей теории, способной объяснить сущностные черты таких операций. Этот факт не может не вызывать озабоченности, если учесть, что еще в 1874 году в книге «Начало невмешательства» профессором Л.А. Камаровским был поставлен вопрос о необходимости создания общей теории интервенций. Он считал, что отвергать возможность существования такой теории могут только «люди мало знакомые с природой государства и законами»¹, однако до настоящего времени

обращения исследователей к этой теме были достаточно редкими. В результате, описания отдельных вмешательств мировых держав во внутренние дела различных государств, представляющих собой совершенно особый вид внешнеполитических конфликтов, не позволяют до конца понять ни общие причины и цели осуществления всех этих интервенций, ни специфические средства, используемые для достижения этих целей, ни систему отношений, возникающих между противоборствующими сторонами. Для понимания основных характеристик интервенции необходимо, в первую очередь, выявить черты, отличающие данный вид конфликтов от иных форм межгосударственного противостояния.

В рамках современных научных концепций все больше специалистов склоняются к идее, что интервенцией можно называть лишь операцию, которая проводится

¹ Камаровский, Л.А. Начало невмешательства / Л.А. Камаровский. – М., 1874. – 300 с. – С. 1. [Kamarovskii L.A. Nachalo nevmeshatel'stva

(The Origins of Non-intervention). Moscow, 1874. P. 1].

в странах, где уже существуют серьезные внутривнутриполитические противоречия, либо перешедшие в фазу вооруженной борьбы, либо имеющие тенденцию к этому. В этом состоит ее коренное отличие от вторжения, которое в основном направлено против внутренне стабильных государств, и имеет своей целью, как раз, дестабилизацию положения в них для извлечения выгоды (территориальных захватов, наложения контрибуции, распространения влияния и т.д.). Применительно к интервенции, можно наблюдать совершенно противоположную картину – как выразился известный американский политолог С. Хантингтон, «политические причины, провоцирующие военную интервенцию... лежат в области отсутствия или низкого уровня эффективности политических институтов»², то есть внутренняя слабость, а вовсе не сила, государства создает предпосылки для иностранного вмешательства. Более того, военные интервенции «происходят не в вакууме, и никогда не были абсолютно неожиданными», «они рождаются из череды серьезных политических кризисов»³ в далеко не благополучных странах. К моменту введения иностранных войск на территорию независимого государства, легитимность действующей власти в нем уже находится под сомнением, как это было на Кубе в 1906 году или в Советской России в 1918 году. И хотя зарубежные интервенции также часто направлены на извлечение выгоды, но предполагают ее получение за счет урегулирования конфликтов на определенной территории, а отнюдь не их провоцирования или эскалации.

На данную особенность обращали внимание многие ученые. Например, исследователи из США С. Бланк и Л. Гринтер пришли к выводу, что «с 1775 года в каждой крупной гражданской войне или революции международная интервенция играла или стремилась играть огромную роль»⁴. Вторил им и

сотрудник американского Стратегического исследовательского центра К. Пол, указывая на тот факт, что интервенция рождается как ответная реакция на какой-либо непредвиденный кризис, могущий привести к неприемлемым последствиям, а потому требующий немедленных действий»⁵.

Профессор Оксфордского университета А. Робертс выделил 8 основных причин интервенций, имевших место в истории международных отношений: помощь законному правительству в условиях гражданской войны; ответная интервенция (контр-интервенция); защита собственных граждан в другой стране; самозащита; поддержка нации или колонии в борьбе за самоопределение; препятствие беспорядкам и терроризму; предотвращение массового нарушения прав человека⁶. Как видно, почти все эти причины связаны с наличием в стране, подвергшейся интервенции, вооруженной борьбы между различными группами.

Другой крупный западный исследователь этого феномена – профессор Гарвардского университета С. Хоффманн – также видел прямую взаимосвязь между внешней интервенцией и внутренними конфликтами. В книге «Мировой беспорядок» 1998 года издания он утверждал, что двумя основными причинами, создающими необходимость иностранного военного вмешательства в дела суверенного государства, могут быть либо угроза международному миру со стороны какого-либо государства, либо массовое нарушение в нем прав человека⁷. Оба эти фактора прямо характеризуют степень конфликтности политического режима.

Эта особенность достаточно ярко выражена в докладе «Международной комиссии

E. Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 1993. P. 5.

⁵ Paul, Christopher. *Marines on the Beach: The Politics of U.S. Military Intervention Decision Making*. Westport: PSI, 2008. P. 71.

⁶ Roberts, Adam. *Beyond «Dictatorial Interference»/ The Empire of Security and the Safety of the People / Ed. by W. Bain*. London: Routledge, 2006. P. 161.

⁷ Hoffmann, Stanley. *World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era*. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. Pp. 161-164.

² Huntington, Samuel. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. Pp. 195-196.

³ Kapetanyannis, Konstantinos. *Socio-Political Conflicts and Military Intervention. The Case of Greece: 1950–1967*: PhD Thesis. London, 1986. Pp. 317, 335

⁴ Blank, Stephen J.; Grinter, Lawrence E.; Magyar, Karl P.; Ware, Lewis B.; Weathers, Bynum

по гуманитарной интервенции и государственному суверенитету» 2001 года. В документе главными причинами возможного военного вмешательства в конфликт были названы неспособность государства защитить граждан и массовые потери среди населения (геноцид, «этнические чистки» и т.д.), а условиями интервенции провозглашались: преследование благих намерений; соответствие масштабов цели используемым средствам; исчерпание возможностей мирного урегулирования; гарантии достижения положительных результатов.

Фактически, можно утверждать, что действия инициаторов интервенции часто представляют собой попытку разрешить внутренний конфликт с помощью внешнего.

Основываясь на всем вышесказанном, можно предположить наличие взаимосвязи между состоятельностью (успешностью) государства и вероятностью проведения в нем интервенционных операций. Этот тезис в настоящий момент активно поддерживается сотрудниками американского «Фонда за мир», которыми составлен перечень индикаторов, по которым производится оценка степени краха государственных образований, то есть превращения стран в так называемые «несостоятельные государства» («failed states»). Данные индикаторы разделены по следующим блокам:

1) *социальные*: наличие демографических проблем; неравенство социальных групп; численность беженцев и перемещенных лиц; отток человеческого капитала.

2) *экономические*: степень неравномерности экономического развития; уровень бедности.

3) *военно-политические*: легитимность государства; эффективность органов безопасности; соблюдение прав человека и верховенство закона; раздробленность элиты; качества и объем общественных услуг, наличие внешнего вмешательства⁸.

Каждый из этих 12 индикаторов оценивается по шкале от 0 до 10, где максимальное значение свидетельствует о наихудшем

⁸ Fragile States Index 2015. Washington: The Fund for Peace, 2015. P. 17. Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>

положении дел, а минимальное – о наилучшем. Таким образом, каждая страна получает рейтинговую оценку в пределах от 0 до 120. Соответственно, государства, набравшие до 30 баллов, считаются самодостаточными; государства, набравшие более 100 баллов – вызывающими тревогу. На сегодняшний день к последней группе относятся: Афганистан, Ирак, Пакистан, Шри-Ланка, Судан, Сирия, Йемен, Чад, Сомали, Зимбабве, Демократическая Республика Конго, Нигерия, Кот-д’Ивуар, Центральнаяафриканская республика, Гвинея и Гаити.

В определенном смысле, с американскими специалистами нельзя не согласиться. Наличие в стране таких проблем, как перенаселение, голод, этническая и религиозная дискриминация, «утечка мозгов», массовая безработица, народные восстания, широкое распространение наркотиков, политические репрессии, фальсификация результатов выборов, отсутствие качественного образования и медицинского обслуживания может свидетельствовать о неспособности государственных органов обеспечивать приемлемый уровень жизни населения и эффективно удовлетворять его основополагающие потребности, что часто и становится причиной зарубежной интервенции.

Определенной методологической ошибкой, допущенной авторами данной схемы, можно считать то обстоятельство, что наличие иностранного вмешательства (особенно военного) трактуется ими как один из факторов деградации государства, а не итог этого процесса. В таком ракурсе нарушается причинно-следственная связь, отражающая перерастание внутренних конфликтов во внешние. Однако, основываясь на работах «Фонда за мир» и других исследовательских организаций, а также истории военных вмешательств в дела суверенных государств за последнее столетие можно выделить несколько групп факторов оценки вероятности интервенции (см. *Таб.1*).

Вышеперечисленные факторы можно условно разделить на *достаточные, необходимые* и *ситуативные*.

К первой группе относятся: наличие ядерного оружия, членство в Совете безопасности ООН, эмиссия резервной валюты и

Факторы оценки риска иностранной военной интервенции

Факторы	Способствующие интервенции	Препятствующие интервенции
Социальные	- Внешняя миграция - Неестественная смертность - Неоднородность населения - Наркотизация населения	- Численность населения
Политические	- Переворот / революция - Наличие НВФ - Политические репрессии - Членство в блоке / союзе - Федеративность	- Наличие ядерного оружия - Членство в Совбезе ООН - Легитимность правительства
Экономические	- Гиперинфляция - Бедность	- Географическое положение - Эмиссия резервной валюты

Table 1. Factors of Risk Assessment in Military Intervention

государственный переворот/революция. Наличие хотя бы одного из этих обстоятельств достаточно для того, чтобы военное вмешательство с высокой степенью вероятности состоялось или, напротив, было отвергнуто вне зависимости от иных аспектов внутреннего положения страны.

В подобной ситуации оценка рисков интервенции производится по оставшимся 13 индикаторам. Среди них к необходимым можно отнести: политические репрессии, наличие незаконных вооруженных формирований и неестественную смертность. Эти факторы с одной стороны отражают наличие внутренних конфликтов в государстве, а с другой – свидетельствуют о его недостаточной эффективности в обеспечении потребностей общества в безопасности (наличие НВФ) и социальной защите (смертность, обусловленная ведением боевых действий, голодом, высоким уровнем преступности или низким качеством медицинского обслуживания).

Также большое значение имеют ситуативные факторы: внешняя миграция, неоднородность населения, членство в блоке/союзе, федеративность, гиперинфляция и бедность, а также численность населения, легитимность правительства и географическое положение. Хотя они не влияют на принятие решений о начале интервенции напрямую, при оценке соответствующих рисков они все же имеют значение. Если принять за общее правило любой военно-политической операции стремление ее инициаторов добиться максимальных результатов с мини-

мальными издержками (людскими, финансовыми и др.), то решение о вооруженном вмешательстве подразумевает учет тактических вопросов, способных облегчить или, наоборот, затруднить достижение поставленных целей.

Так, степень неоднородности населения государства в этническом, языковом, религиозном и ином отношении создает для интервентов потенциальную возможность найти союзников внутри страны, недовольных действующим правительством или подвергаемых различным формам дискриминации. В современной научной литературе по этому поводу даже был создан специальный инструмент оценки – индекс этнолингвистической франкционализации (ELF-index), который может влиять на темпы экономического роста, уровень политической стабильности, эффективность государственного управления и т.д.⁹ В конечном счете, высокая степень неоднородности населения повышает риски интервенции, например, с целью защиты единоверцев или родственных народов в случае возникновения в стране конфликтов на этнической или религиозной почве. Аналогичные последствия может иметь и массовая миграция на территорию национального государства, в котором от-

⁹ См.: Posner, Daniel N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*, 2004, Vol. 48, No. 4, pp. 849-863; Garcia, Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 3, pp. 796-816.

ношение власти и общества к представителям иной культуры может оказаться весьма негативным, а также федеративный характер государства.

С другой стороны, даже при высоком уровне этнолингвистической франкионализации и серьезном систематическом нарушении прав отдельных групп населения препятствием для внешнего вмешательства может стать численность жителей государства. Со стороны может показаться, что большая численность жителей равнозначна большим мобилизационным возможностям, что, по идее, должно облегчать ведение боевых действий, однако в реальности ситуация выглядит гораздо сложнее. Основная проблема состоит в том, что проведение войсковой операции в большинстве случаев сопровождается разрушением объектов социальной инфраструктуры и даже целых общественных институтов, вследствие чего иностранные акторы зачастую вынуждены привлекать собственные ресурсы для обеспечения первоочередных потребностей местного населения. Интервенты будут, фактически, вынуждены допустить к потреблению производимых ими частных и общественных благ иностранных граждан, что значительно повышает нагрузку на экономику. Здесь прослеживается прямая корреляция между численностью населения государства и издержками на вмешательство в его дела.

В таком ракурсе становится ясно, что интервенция в страну с многомиллионным населением в современных условиях маловероятна, если в ней участвует недостаточно суверенных государств, способных распределить вышеупомянутую нагрузку между собой. В случае отказа от помощи местных жителям в решении социальных проблем интервенты, скорее всего, будут восприниматься как нелегитимные агрессоры, а в стране получит распространение партизанское движение.

Характерно, что вопрос легитимности в данном контексте становится одним из ключевых – наличие единственного и общепризнанного изнутри и извне правительства, пришедшего к власти законным путем и способного мобилизовать для реше-

ния актуальных военно-политических задач не только вооруженные силы, но и широкие слои населения, является одним из факторов отказа мировых держав от вмешательства во внутренние дела такого государства. Напротив, в случае падения легитимного правительства в результате переворота или революции удержать зарубежные страны от вмешательства могут только иные ситуативные факторы.

В частности, большое значение имеет и географическое положение государства – так, определенными препятствиями к организации интервенции могут служить отсутствие у страны выхода к морю, большой размер территории, тяжелые климатические условия и т. д. Все это существенно затрудняет действия войсковых подразделений, так как возникают сложности с их доставкой на ТВД, систематическим обеспечением необходимыми материалами и ресурсами, координацией операций, быстрым передвижением. Так, еще британский историк и геополитик начала XX века Х. Маккиндер в ряде научных работ отстаивал роль «Хартленда» – территории, недоступной для нападения с моря – в достижении мирового господства¹⁰. Хотя эта идея, по большей части, носила чисто теоретический характер, исследователь верно заметил, что организовать военное вмешательство в государство, имеющее выход к морю, гораздо легче, чем в страну, лишенную побережья.

Соответственно, напрашивается вывод о том, что огромность территории и большая численность населения должны гарантировать государству защиту от интервенции. Однако бывают и исключения – так, в конце XIX – начала XX века мировые державы все же смогли организовать карательную экспедицию в Китай для подавления Ихэтуаньского восстания, хотя в стране проживало почти 440 миллионов человек, а по площади она занимала одно из лидирующих мест

¹⁰ Mackinder, Halford J. *The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, pp. 421-437; Mackinder, Halford J. *Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction*. New-York: Holt, 1942.

в мире. Для внешних сил в такой ситуации определенным выходом может стать ограниченная интервенция в нескольких ключевых регионах страны – за счет этого становится возможным избежать больших издержек с одной стороны, и нанести противнику существенный экономический и военно-политический ущерб – с другой. Именно эта схема была с успехом применена в Китае в начале XX века и закончилась неудачей в России в 1918–1919 годах.

Весьма характерно, что одной из вероятных причин организации интервенции против Цинской империи был ее негативный имидж в глазах европейских политиков и обывателей. Ключевую роль здесь играли несколько обстоятельств, среди которых главенствующее место занимали, видимо, нехристианское вероисповедание китайцев, низкие темпы научно-технического развития и распространение опиума. Действительно, современные исследования показывают, что в начале прошлого столетия в Китае наркотики употребляли около 5,4% населения страны, а годовое потребление опиума на душу населения составляло без малого 74 грамма¹¹.

Связь между наркоторговлей и международным вмешательством во внутренние дела суверенных государств наблюдалась и в иные исторические периоды – к примеру, одним из обвинений, выдвинутых Министерством Юстиции США руководству Панамы перед отправкой туда войск в 1989 году, было участие панамского лидера М. Норьеги в торговле наркотиками¹². Как следствие, войсковая операция не вызвала недовольства ни Конгресса, ни американской общественности во многом потому, что ее итогом обещало стать снижение потока наркотиков в страну.

Сходным образом в 2003 году Президент Колумбии А.У. Велец выступил с пред-

ложением пригласить американские войска в свою страну для повышения эффективности борьбы с наркоторговлей, которая представляет опасность «демократической стабильности континента в долгосрочном плане». Журналистам было сказано: «Если они посылают войска против Ирака, почему бы им не подумать о таком же количестве солдат, чтобы положить конец потоку кокаина между Колумбией и Калифорнией»¹³. Иными словами, признание наркозависимости и наркоторговли одной из глобальных проблем современности позволяет использовать морально-этическое оправдание применения военных сил против страны, страдающей от этой проблемы.

Весьма характерно, что такие страны, даже обладая суверенитетом, не имеют достаточного авторитета в глазах мирового сообщества. К падению авторитета страны на международной арене приводят также такие показатели как гиперинфляция и бедность, что формирует представление о возможности добиться военного успеха с привлечением минимальных ресурсов.

Таким образом, созданная схема оценки рисков иностранной интервенции позволяет достаточно объективно смотреть на возможность вмешательства во внутренние дела и конфликты современного государства, как с позиции вероятного противника, так и с учетом политического и экономического положения внутри самой страны. Разумеется, меняющиеся условия и механизмы взаимодействия ключевых акторов современной системы международных отношений могут способствовать выходу на «первый план» при принятии решений иных факторов и обстоятельств. Тем не менее, стремление политиков добиваться максимальных успехов с минимальными издержками вынуждает их сегодня подходить к вопросу об организации вооруженных интервенций с анализом приведенных в статье параметров объекта вмешательства, поэтому исследование данного вопроса необходимо продолжать.

¹¹ Bulletin on Narcotics: A Century of International Drug Control. 2007, Vol. LIX, №1-2, p. 43.

¹² Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy: A Report Prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 1989. Pp. 82-97.

¹³ Vann, Bill. Colombian President Seeks Massive US Intervention. Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2003/02/colo-f01.html>

Литература:

Blank, Stephen J.; Grinter, Lawrence E.; Magyar, Karl P.; Ware, Lewis B.; Weathers, Bynum E. Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 1993.

Bulletin on Narcotics: A Century of International Drug Control. 2007, Vol. LIX, №1-2.

Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy: A Report Prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 1989. Pp. 82-97.

Fragile States Index 2015. Washington: The Fund for Peace, 2015. Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>

Garcia, Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 3, pp. 796-816.

Hoffmann, Stanley. World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998.

Huntington, Samuel. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Kapetanyannis, Konstantinos. Socio-Political Conflicts and Military Intervention. The Case of Greece: 1950–1967: PhD Thesis. London, 1986.

Mackinder, Halford J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, pp. 421-437.

Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. New-York: Holt, 1942.

Paul, Christopher. Marines on the Beach: The Politics of U.S. Military Intervention Decision Making. Westport: PSI, 2008.

Posner, Daniel N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*, 2004, Vol. 48, No. 4, pp. 849-863.

Roberts, Adam. Beyond «Dictatorial Interference» / The Empire of Security and the Safety of the People / Ed. by W. Bain. London: Routledge, 2006.

Vann, Bill. Colombian President Seeks Massive US Intervention. Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2003/02/colo-f01.html>

Камаровский Л.А. Начало невмешательства / Л.А. Камаровский. – М., 1874. – 300 с.

Garcia, Montalvo J., Reynal-Querol M. Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth // *American Economic Review*, 2005, Vol. 95, No. 3, pp. 796-816.

Hoffmann, Stanley. World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era. Lanham: Rowman and Littlefield, 1998.

Huntington, Samuel. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Kamarovskii L.A. Nachalo nevmeshatel'stva (The Origins of Non-intervention). Moscow, 1874.

Kapetanyannis, Konstantinos. Socio-Political Conflicts and Military Intervention. The Case of Greece: 1950–1967: PhD Thesis. London, 1986.

Mackinder, Halford J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, Vol. 23, No. 4, pp. 421-437.

Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. New-York: Holt, 1942.

Paul, Christopher. Marines on the Beach: The Politics of U.S. Military Intervention Decision Making. Westport: PSI, 2008.

Posner, Daniel N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*, 2004, Vol. 48, No. 4, pp. 849-863.

Roberts, Adam. Beyond «Dictatorial Interference» / The Empire of Security and the Safety of the People / Ed. by W. Bain. London: Routledge, 2006.

Vann, Bill. Colombian President Seeks Massive US Intervention. Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2003/02/colo-f01.html>

References:

Blank, Stephen J.; Grinter, Lawrence E.; Magyar, Karl P.; Ware, Lewis B.; Weathers, Bynum E. Conflict, Culture, and History: Regional Dimensions. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 1993.

Bulletin on Narcotics: A Century of International Drug Control. 2007, Vol. LIX, №1-2.

Drugs, Law Enforcement and Foreign Policy: A Report Prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations United States Senate. Washington: U.S. Government Printing Office, 1989. Pp. 82-97.

Fragile States Index 2015. Washington: The Fund for Peace, 2015. Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf>

FACTORS OF FOREIGN MILITARY INTERVENTION RISK ASSESSMENT IN THE MODERN WORLD

Andrei A. Ivanov

*Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history: Received: 24 January 2016 Accepted: 01 June 2016</p>	<p>Abstract: The starting point of the conclusions of politicians and experts was the recognition of the changed nature of threats to the New World Order. In post-Westfalia system of international relations the main actors are not sovereigns, but transnational actors of world politics, including transnational terrorist and criminal networks. In this situation, the support of global security threat serves the underground world – terrorists, shady business structures, failed states. The unconventional nature of the threat to peace and stability of the New World Order requires an equally innovative response which transcends the formal constraints of international law and the traditional doctrine of deterrence. An analysis of the U.S. foreign policy concepts suggests that today’s academic and political community has promoted consensus of neoliberals and neoconservatives, supporters of the institutional functionalism and representatives of the school of Realpolitik. This consensus was based on the recognition of the admissibility of pre-emptive strikes on the territory of failed states, sponsoring international terrorism, or the implementation of open interference in the internal affairs of “rogue states” for human rights and democratic freedoms guarantee.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine e-mail: ivanova85@list.ru</p>	
<p>Key words: intervention; conflict; instability; indicators.</p>	

Для цитирования: Иванов А.А. Факторы оценки риска иностранной военной интервенции в современном мире // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 25-32.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-25-32

For citation: Ivonina Ivanov, Andrei A. Faktory otsenki riska inostrannoi voennoi interventsii v sovremennom mire (Factors of Foreign Military Intervention Risk Assessment in the Modern World) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 25-32.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-25-32

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ) ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Владислав Валерьевич Гриб

*Издательская группа «Юрист», МГИМО МИД России,
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукпись поступила в редакцию:</i> 26 мая 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 26 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация:Цель статьи – дать определение законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Российской Федерации; проанализировать различные формы общественного контроля за деятельностью законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. В качестве методологии статьи выступили диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований. Основные выводы автора: Во-первых, на федеральном уровне до настоящего времени так и не принят нормативный правовой акт, в котором бы нашли свое закрепление правовой статус общественных советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, их основные права и обязанности, порядок их образования, что, в свою очередь, говорит о существенном упущении со стороны законодателя. Но ряд региональных законодателей все же сделали попытку самостоятельно урегулировать вопрос формирования общественных советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ путем закрепления соответствующих положений в специальных региональных законах об основах общественного контроля в субъекте РФ. Во-вторых, многие из принятых на региональном уровне нормативных правовых актов, закрепивших порядок отзыва депутатов представительных органов власти субъекта Российской Федерации, на сегодняшний день признаны судебными органами частично недействующими или утратившими свою силу. В-третьих, формы общественного контроля, указанные в статье, не носят исчерпывающий характер и могут быть расширены соответствующими законными субъектами Российской Федерации, но эти формы общественного контроля при их эффективном и комплексном применении могут быть эффективными инструментом для контроля за властью со стороны гражданского общества. Проведенное исследование развивает и уточняет формы общественного контроля. На примере различных форм общественного контроля за деятельностью законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, выявлены упущения со стороны законодателя, препятствующие эффективности правового регулирования.</p>
<p>Об авторе: д.ю.н., профессор, заведующий Кафедрой гражданского общества МГИМО МИД России e-mail: avtor@lawinfo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: государственная власть; субъект Российской Федерации; общественный контроль; законодательство; федеральный закон; общество.</p>	

Правовой статус законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ определен ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Так, в соответствии со ст.4 указанного закона законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ является постоянно действующим высшим и единственным органом законодательной власти субъекта РФ. Наименование законодательного (представительного) органа го-

сударственной власти субъекта Российской Федерации, его структура устанавливаются конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций субъекта Российской Федерации.

Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации:

- принимает конституцию субъекта РФ и поправки к ней, если иное не установлено конституцией субъекта Российской Федерации, принимает устав субъекта Российской Федерации и поправки к нему;

- осуществляет законодательное регулирование по предметам ведения субъекта РФ и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ в пределах полномочий субъекта РФ;

- заслушивает ежегодные отчеты высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) о результатах деятельности высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, в том числе по вопросам, поставленным законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации;

- осуществляет иные полномочия, установленные Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации.

Общественный контроль за деятельностью законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ осуществляется в следующих формах:

Общественный мониторинг

Данная форма общественного контроля может применяться для оценки эффективности законодательской и иной деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Основным источником информации для проведения таких мониторингов могут явиться официальные сайты таких органов. В частности, на официальном сайте Москов-

ской государственной Думы¹ в разделе «Мониторинг законодательства» представлена информация о законопроектах и законах, судебная практика, экспертные работы, а также результаты рассмотрения Думой экспертных заключений, протестов и представлений. В свою очередь наибольший интерес в контексте осуществления данной формы общественного контроля представляют размещенные в указанном разделе ежегодные доклады о состоянии законодательства.

Общественная экспертиза проектов законов субъектов РФ

Реализация данного проверочного мероприятия осуществляется в соответствии со ст.22 ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ», ФЗ «Об экологической экспертизе», а также законами² и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации³.

¹ Официальный сайт Московской думы: <http://duma.mos.ru/ru/>

² См., например, Закон Республики Северная Осетия-Алания от 12.02.2014 № 3-РЗ «Об общественной экспертизе проектов законов Республики Северная Осетия-Алания» // *Северная Осетия*, № 34 (26542), 26.02.2014; Областной закон Ленинградской области от 17.03.2009 №20-оз (ред. от 06.06.2013) «Об Общественной палате Ленинградской области» // *Вестни*, № 50, 20.03.2009. [The Law of the Republic of North Ossetia of December 12, 2014 No. 3-P3 “On Public Expertise of Draft Legislation in the Republic of North Ossetia” // *Severnaya Osetia*, No.34 (26542), 26/02/2014; The Law of the Leningrad Region of March 17th 2009 “On Public Chamber of the Leningrad Region” // *Vesti*, No.50, 20/03/2009].

³ Постановление Правительства Чеченской Республики от 06.08.2008 № 137 “Об общественной экспертизе нормативных правовых актов, регулирующих развитие малого и среднего предпринимательства на территории Чеченской Республики” (вместе с “Положением об общественной экспертизе нормативных правовых актов, регулирующих развитие малого и среднего предпринимательства на территории Чеченской Республики”) // Документ опубликован не был – www.consultant.ru; Решение Барнаульской городской Думы от 09.06.2006 №360 (ред. от 29.04.2011) “Об утверждении Положения о порядке проведения общественной независимой экспертизы проектов

Общественное обсуждение проектов законов субъектов РФ

Реализация данной формы общественного контроля осуществляется в соответствии со ст. 24 ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ», ФЗ «Об экологической экспертизе», ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также законами⁴ и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации⁵.

решений городской Думы в области бюджетного и (или) налогового законодательства” // *Вечерний Барнаул*, № 90, 27.06.2006. [The Act of the Government of the Chechen Republic of August 6th 2008 No. 137 “On Public Expertise of Regulatory Acts on Development of Small and Medium-Sized Business in the Chechen Republic” / www.consultant.ru; The Act of the Barnaul Duma of September 09th 2006 No. 360 “On Procedure of Public Expertise of Barnaul Duma’s Draft Legislation in Budget and Taxes” // *Vecherny Barnaul*, No.90, 27/06/2006].

⁴ См., например, Закон Республики Башкортостан от 04.12.2012 № 605-з “Об общественном обсуждении проектов законов Республики Башкортостан” // Республика Башкортостан, № 234(27719), 07.12.2012; Закон Республики Коми от 24.06.2014 №81-ПЗ (ред. от 31.10.2014) «О некоторых вопросах, связанных с общественным обсуждением проектов нормативных правовых актов Республики Коми» // *Республика*, № 78, 28.06.2014. [The Law of the Republic of Bashkortostan of December 04th 2012 No.605-з “On Public Debates over Laws of the Republic of Bashkortostan” // *Respublika Bashkortostan*, No.234 (27719), 07/12/12; The Law of the Komi Republic of June 24th 2014 No.81-P3 “On Some Aspects of Public Debate over Draft Legislation of the Komi Republic” // *Respublika*, No. 78, 28/06/2014].

⁵ См., например, Постановление Правительства Республики Марий Эл от 28.06.2005 №170 «Об утверждении Порядка публичного обсуждения проектов Законов Республики Марий Эл в области бюджетного и налогового законодательства» // *Марийская правда*, № 116, 30.06.2005 [The Act of the Government of Mari El Republic of June 28th 2005 No.170 “On Procedure of Public Debate over Draft Budget and Tax Legislature in the Republic of Mari El” // *Mariyskaya Pravda*, No.116, 30/06/2005].

Предоставление информации о деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ

Информация о деятельности законодательных (представительных) органах государственной власти субъекта РФ представлена на их официальных сайтах. В качестве примера можно привести официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга⁶, на котором представлены общие сведения о Законодательном Собрании Санкт-Петербурга; о ее составе; об основных направлениях деятельности. В частности, на сайте опубликованы отчеты об итогах рассмотрения повестки дня, протоколы и стенограммы заседаний, фотографии, видео- и аудиозаписи мероприятий, проводимых Законодательным Собранием Санкт-Петербурга; тексты законопроектов, а также подробная информация о законотворческой деятельности. Более того, на сайте ведется прямая трансляция заседаний Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

Присутствие представителей общественности на заседаниях законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта РФ

Реализация данной формы общественного контроля нашла свое закрепление в нормативных правовых актах законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта РФ, регламентирующих порядок их деятельности, основные правила и процедуры их работы. В качестве примера можно привести Регламент Московской городской Думы, утвержденный Постановлением Московской городской Думы от 16.11.2005 №320 (ред. от 16.07.2014)⁷, в соответствии с которым в ходе открытого заседания Думы в зале заседаний и прилегающих

⁶ Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (Official Site of St. Petersburg Legislative Assembly): <http://www.assembly.spb.ru>

⁷ “Ведомости Московской городской Думы», 29.12.2005, № 12(2), ст. 299 [Vedomosti Moskovskoi gorodskoi Dumy, December 29th 2006, No.12 (2), Art.299].

к нему помещениях вправе присутствовать в том числе аккредитованные журналисты, осуществляющие телевизионную и фотографическую съемку, члены делегаций, находящиеся в Думе с официальным визитом, иные граждане. При этом, лица, приглашенные для присутствия на заседании при рассмотрении конкретного вопроса повестки дня, проходят в зал заседаний по приглашению председателяствующего на заседании и покидают зал по окончании рассмотрения вопроса. Персональный состав приглашенных лиц определяется Председателем Думы с учетом предложений субъектов законодательной инициативы, а также редакторов проектов, согласованных с комиссией по организации работы Думы.

Предоставление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

Реализация данной формы общественного контроля осуществляется в соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции», Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 2013 г. № 613 (ред. от 15.07.2015) «Вопросы противодействия коррупции» (вместе с «Порядком размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций и предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования»).

Направление индивидуальных или коллективных обращений граждан в органы государственной власти

В контексте данной формы общественного контроля наиболее эффективным способом осуществления общественного контроля за деятельностью законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта РФ представляется оспаривание нормативных правовых актов в судебном порядке, а именно:

– в порядке гл.23 АПК РФ «Рассмотрения Судом по интеллектуальным правам дел

об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»;

– в порядке гл.21 КАС РФ «Производство по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

Направление в правоохранительные органы заявлений о совершении депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ преступлений и проведение соответствующих проверок предопределено наличием у таких должностных лиц гарантий депутатской деятельности, определенных соответствующими Конституциями (Уставами) субъектов РФ. Так, например, Уставом Санкт-Петербурга (ред. от 26.10.2015)⁸ предусмотрено, что в случае привлечения депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга к уголовной или административной ответственности, его задержания, ареста, обыска, допроса, совершения иных уголовно-процессуальных или административно-процессуальных действий, проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, его багажа, личных и служебных транспортных средств, переписки, используемых им средств связи и принадлежащих ему документов, а также при проведении оперативно-разыскных мероприятий в занимаемых им жилым и служебном помещениях применяется особый порядок производства по уголовным или административным делам, установленный федеральными законами. Такой порядок, в частности, предусмотрен гл. 52 УПК РФ.

Также эффективным представляется направление обращений в такие профильные комиссии законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта РФ: например, в комиссию по контролю за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами.

⁸ «Вестник Уставного суда Санкт-Петербурга», № 1(5), 2003 [Vestnik Ustavного Suda Sankt-Peterburga, No.1(5), 2003].

Опрос граждан о деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ

Данная форма общественного контроля применяется достаточно часто в целях общественной оценки эффективности законодательной деятельности; такие опросы чаще всего проводятся различными региональными общественными организациями.

Участие представителей общественности в советах, созданных при законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ

Так, при законодательных (представительных) органах государственной власти субъекта РФ созданы и функционируют различные совещательные и консультативные советы, деятельность которых призвана содействовать учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций при общественной оценке деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ.

Правовой статус общественных советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ закреплен в ч.1 ст.13 ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ», согласно которой общественные советы при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ выполняют консультативно-совещательные функции и участвуют в осуществлении общественного контроля в порядке и формах, предусмотренных законодательством.

С сожалением приходится констатировать, что на федеральном уровне до настоящего времени так и не принят нормативный правовой акт, в котором бы нашли свое закрепление правовой статус общественных советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, их основные права и обязанности, порядок их образования, что, в свою очередь, говорит о существенном упущении со стороны законодателя. Представляется, что именно отсутствие на федеральном

уровне единого правового регулирования обуславливает столь низкую активность региональных и местных органов власти в создании соответствующих общественных советов.

Вместе с тем, ряд региональных законодателей все же сделали попытку самостоятельно урегулировать вопрос формирования общественных советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ путем закрепления соответствующих положений в специальных региональных законах об основах общественного контроля в субъекте РФ.

Так, во многих региональных законах из числа принятых на сегодняшний день специальных региональных законов об основах общественного контроля в субъекте РФ закреплено, что общественные советы при органах законодательной (представительной) власти субъекта РФ – это субъекты общественного контроля, выполняющие консультативно-совещательные функции и участвующие в осуществлении общественного контроля в порядке и формах, предусмотренных Федеральным законом «Об основах общественного контроля в РФ», другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, специальными региональными законами, иными нормативными правовыми актами субъекта РФ, положениями об общественных советах, принимаемыми органами государственной власти, при которых создаются соответствующие общественные советы.

Общественные советы при органах законодательной (представительной) власти субъекта РФ, подобно общественным советам при федеральных органах исполнительной власти, содействуют учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций.

Порядок формирования общественных советов при органах законодательной (представительной) власти субъекта РФ в общих чертах нашел свое закрепление в некоторых из принятых специальных региональных законов об основах общественного контроля в субъекте РФ: закреплены конкурсная осно-

ва формирования общественных советов⁹, требования к кандидатам¹⁰, количественный

⁹ Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Иркутской области от 7.07.2015 №57-ОЗ «Об общественном контроле в Иркутской области», Закон Новосибирской области от 02.06.2015 №551-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля в Новосибирской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-З «Об Общественной палате Тамбовской области», Закон Республики Тыва от 05.07.2015 №100-ЗРТ «Об осуществлении общественного контроля в Республике Тыва» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-OZ “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of the Irkutsk Region of July 7th 2015 No.57-OZ “On Public Control in the Irkutsk Region”, The Law of the Novosibirsk Region of June 2nd 2015 No.551-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Novosibirsk Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”, The Law of the Republic of Tuva of July 05th 2015 No.100-3PT “On Public Control in the Republic of Tuva”].

¹⁰ Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Московской области от 22.07.2015 №130/2015-ОЗ «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-З «Об Общественной палате Тамбовской области», Закон Республики Тыва от 05.07.2015 №100-ЗРТ «Об осуществлении общественного контроля в Республике Тыва» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-OZ “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of the Moscow Region of July 22nd 2015 No.130/2015OZ “On Special Aspects of Public Control in the Moscow Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov

состав общественного совета (например, не менее 5 и не более 15 человек в Иркутской области; не менее 5 и не более 21 человека в Тамбовской области), срок полномочий (например, менее двух и более трех лет – в Новосибирской области; на срок полномочий законодательного органа и на срок, установленный исполнительным органом государственной власти в положении об общественном совете, но не более чем на пять лет – в Иркутской области). Вместе с тем, региональные законодатели наделили достаточно широкими полномочиями органы государственной власти, при которых создаются соответствующие общественные советы. В частности, органы законодательной (представительной) власти субъектов РФ, при которых создаются соответствующие общественные советы, наделены правом определения порядка формирования общественных советов¹¹, введения дополнитель-

Region”, The Law of the Republic of Tuva of July 05th 2015 No.100-3PT “On Public Control in the Republic of Tuva”].

¹¹ Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Иркутской области от 7.07.2015 №57-ОЗ «Об общественном контроле в Иркутской области», Закон Новосибирской области от 02.06.2015 №551-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля в Новосибирской области», Закон Орловской области от 08.12.2014 №1711-ОЗ «Об отдельных правоотношениях, связанных с осуществлением общественного контроля в Орловской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-З «Об Общественной палате Тамбовской области» [The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-OZ “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of the Irkutsk Region of July 7th 2015 No.57-OZ “On Public Control in the Irkutsk Region”, The Law of the Novosibirsk Region of June 2nd 2015 No.551-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Novosibirsk Region”, The Law of the Oryol Region of December 08th 2014 No.1711-OZ “On Special Legal Relations in Public Control in the Oryol Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”].

ных требований к кандидатам¹², утверждения состава общественного совета¹³, а также разработки и утверждения положений об общественных советах¹⁴.

¹² Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-3 «Об Общественной палате Тамбовской области» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-OZ “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”].

¹³ Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Московской области от 22.07.2015 №130/2015-ОЗ «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-3 «Об Общественной палате Тамбовской области» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-OZ “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of Moscow Region of July 22nd 2015 No.130/2015O3 “On Special Aspects of Public Control in the Moscow Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”].

¹⁴ Закон Иркутской области от 7.07.2015 №57-ОЗ «Об общественном контроле в Иркутской области», Закон Московской области от 22.07.2015 №130/2015-ОЗ «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-3 «Об Общественной палате Тамбовской области» [The Law of the Irkutsk Region of July 7th 2015 No.57-OZ “On Public Control in the Irkutsk Region”, The Law of Moscow Region of July 22nd 2015 No.130/2015-O3 “On Special Aspects of Public

Организатором конкурса в большинстве региональных законов¹⁵ указаны соответствующие общественные палаты субъектов РФ. Региональный закон Магаданской области расширяет перечень организаторов конкурса, включая в данный перечень общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации, а также такие субъекты общественного контроля, как Общественную палату Магаданской области; общественные палаты (советы) муниципальных образований; общественный совет при Магаданской областной Думе – Молодежную общественную палату при Магаданской областной Думе; общественные советы.

Большинство региональных законов¹⁶

Control in the Moscow Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”].

¹⁵ Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-OZ “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No. 103-O3 “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”].

¹⁶ Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Московской области от 22.07.2015 №130/2015-ОЗ «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-3 «Об Общественной палате Тамбовской области», Закон Республики Тыва от 05.07.2015 №100-ЗРТ «Об осуществлении общественного контроля в Республике Тыва» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-O3 “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-O3 “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of Moscow Region of July 22nd 2015 No. 130/2015O3 “On Special Aspects of Public Control in the Moscow

правом выдвижения кандидатур в члены общественных советов наделяет общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации, целями деятельности которых являются представление или защита общественных интересов и (или) выполнение экспертной работы в сфере общественных отношений. Интересно отметить исключение, предложенное законом Тамбовской области, согласно которому не допускаются к выдвижению кандидатов в члены общественного совета следующие общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации:

1) некоммерческие организации, зарегистрированные менее чем за один год до дня истечения срока полномочий членов общественного совета действующего состава;

2) региональные отделения, иные структурные подразделения политических партий;

3) некоммерческие организации, которым в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 года №114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁷ вынесено предупреждение в письменной форме о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, – в течение одного года со дня вынесения предупреждения, если оно не было признано судом незаконным;

4) некоммерческие организации, деятельность которых приостановлена в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ФЗ «Об общественных объединениях», если решение о приостановлении не было признано судом незаконным.

Что касается порядка осуществления общественными советами своих полномочий, то, как указывалось выше, право разработки и утверждения положений об общественных советах рядом субъектов предоставле-

но самим органам государственной власти. Вместе с тем, некоторые¹⁸ из региональных законодателей постарались в региональном законе закрепить основные принципиальные моменты (форма деятельности, частота проведения заседаний, порядок проведения заседаний и принятия решений).

Кроме того следует проанализировать то, какую роль региональные законодатели отводят соответствующим общественным палатам субъектов РФ в процессе формирования общественных советов. В частности, региональный закон Амурской области закрепляет, что Общественная палата Амурской области не только принимает участие в формировании общественных советов при органах законодательной (представительной) власти области, но и является координатором этих советов и иных субъектов общественного контроля, осуществляющих деятельность в соответствии с региональным Законом. В свою очередь, закон Тамбовской области требует обязательного включения члена региональной палаты в состав конкурсной комиссии. Наконец, ряд региональных законов¹⁹ предусматривает обяза-

Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”, The Law of the Republic of Tuva of July 05th 2015 No.100-3PT “On Public Control in the Republic of Tuva”].

¹⁷ “Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, №30, ст. 3031 [Sobranie zakonodatelstva RF, July 20th 2002, No.30, Art.3031].

¹⁸ Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области», Закон Орловской области от 08.12.2014 №1711-ОЗ «Об отдельных правоотношениях, связанных с осуществлением общественного контроля в Орловской области», Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-3 «Об Общественной палате Тамбовской области» [The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-03 “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”, The Law of the Oryol Region of December 08th 2015 No.1711-03 “On Special Legal Relations in Public Control in the Oryol Region”, The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 “On the Public Chamber of the Tambov Region”].

¹⁹ Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области» [The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-03 “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”, The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-03 “On Regulating Special Aspects

тельное согласование Советом Общественной палаты субъекта РФ состава общественного совета, сформированного из числа кандидатов, отобранных на конкурсной основе.

Отзыв депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ

Институт отзыва депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ вскользь упоминается в некоторых статьях в конституциях, уставах лишь небольшого числа субъектов Российской Федерации²⁰. При этом в конституциях, уставах этих субъектов предусматривается, что порядок отзыва депутатов устанавливаются федеральными и областными законами. Таким образом, в ряде субъектов²¹ отзыв депутата регулирует-

ся специальными законами. В ряде субъектов Российской Федерации²² отзыв депутата регулируются избирательными кодексами. Большой интерес вызывает Воронежская область, поскольку вопросы, касающиеся отзыва депутата нашли свое отражение в Законе «О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области»²³.

Важно отметить, что многие из принятых на региональном уровне нормативных правовых актов, закрепивших порядок отзыва депутатов представительных органов власти субъекта Российской Федерации, на сегодняшний день признаны судебными органами частично недействующими или утратившими свою силу.

Таким образом, на сегодняшний день в отсутствие законодательного закрепления данного института на федеральном уровне, применение отзыва депутата на региональном уровне представляется достаточно спорным.

Организация публичных встреч, совместных совещаний

Данная форма общественного контроля активно используется депутатами законода-

of Public Control in the Voronezh Region”].
²⁰ См., например, Устав Брянской области от 26.01.1996 №7-3 (ред. от 02.11.2012) (принят Брянской областной Думой 26.01.1996) // *Брянская неделя*, № 45, 23.10.2003; Устав Калужской области (утв. Постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 27.03.1996 №473) (ред. от 27.02.2015) // *Губернский вестник*, № 3, 11.12.2001; «Устав Тюменской области» от 30.06.1995 №6 (принят Тюменской областной Думой 15.06.1995) (ред. от 31.03.2015) // *Тюменские известия*, № 133, 15.07.1995 [The Charter of the Bryansk Region of January 26th 1996 No.7-3 // *Bryanskaya Nedelya*, No.45, 23/10/2003; The Charter of the Kaluga Region of March 20th 1996 // *Gubernskii Vestnik*, No.3, 11/12/2001; The Charter of the Tyumen Region // *Tyumenskije izvestia*, No. 133, 15/07/1995].

²¹ См., например, Закон Тюменской области от 23.04.2001 №331 (ред. от 05.07.2001) «Об отзыве депутата Тюменской областной Думы» // *Вестник Тюменской областной Думы*, № 5, часть 1, 2001; Закон Московской области от 28.04.1995 №10/95-ОЗ (ред. от 08.12.1995, с изм. от 23.01.1997) «О порядке отзыва депутата Московской Областной Думы» // *Подмосковные известия*, № 89, 18.05.1995; Закон Республики Алтай от 01.02.1995 №7-5 (ред. от 11.10.2004) «О порядке отзыва депутата Республики Алтай» // *Ведомости Государственного Собрания –Эл Курултай Республики Алтай*, 1995 г., № 7 [The Law of Tyumen Region of April 28th 1995 No.10/95-O3 “On Procedure of Recall of a Deputy of the Moscow Region Duma” // *Podmoskovnye izvestia*, No. 89,

18/05/1995; The Law of the Republic of Altai of February 1st 1995 No. 7-5 “On Procedure of the Recall of a Deputy in the Republic of Altai” // *Vedomosti Gosudarstvennogo Sobraniya – El Kurultai Respubliki Altai*, 1995, No. 7].

²² Закон Владимирской области от 13.02.2003 №10-ОЗ (ред. от 07.11.2008) “Избирательный кодекс Владимирской области” // *Владимирские ведомости*, № 58-61, 18.03.2003; Избирательный кодекс Белгородской области от 01.04.2005 №182 (ред. от 03.10.2008) // *Белгородские известия*, специальный выпуск, 16.04.2005 [The Law of the Vladimir Region of February 13th 2003 No. 10-O3 “Electoral Code of the Vladimir Region” // *Vladimirskije vedomosti*, No.58-61, 18/03/2003; Electoral Code of the Belgorod Region of April 1 2005 No. 182 // *Belgorodskije izvestia*, Special Issue, 16/04/2005].

²³ Закон Воронежской области от 27.06.2007 №85-ОЗ «О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области» // *Молодой Коммунар*, № 71, 03.07.2007 [The Law of the Voronezh Region of June 27th 2007 No.85-O3 “On Procedure of Public Initiative in the Voronezh Region” // *Molodoi Kommunar*, No. 71, 03/07/2007].

тельных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, которые систематически проводят парламентские слушания, «круглые столы», семинары, конференции, совещания. Информацию о проведении таких мероприятий, в частности, можно найти на официальных сайтах указанных органов в разделе «Мероприятия».

Вышеуказанные формы общественного контроля не носят исчерпывающий характер и могут быть расширены соответствующими законами субъектами Российской Федерации.

Вместе с тем данные формы общественного контроля при их эффективном и комплексном применении могут быть эффективными инструментом для контроля за властью со стороны гражданского общества.

Литература:

Закон Амурской области от 29.12.2014 №478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области».

Закон Владимирской области от 13.02.2003 №10-ОЗ (ред. от 07.11.2008) «Избирательный кодекс Владимирской области» // *Владимирские ведомости*, № 58-61, 18.03.2003.

Закон Воронежской области от 05.06.2015 №103-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области».

Закон Воронежской области от 27.06.2007 N 85-ОЗ «О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области» // *Молодой Коммунар*, № 71, 03.07.2007.

Закон Иркутской области от 7.07.2015 №57-ОЗ «Об общественном контроле в Иркутской области».

Закон Московской области от 22.07.2015 №130/2015-ОЗ «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области».

Закон Московской области от 28.04.1995 №10/95-ОЗ (ред. от 08.12.1995, с изм. от 23.01.1997) «О порядке отзыва депутата Московской Областной Думы» // *Подмосковные известия*, № 89, 18.05.1995.

Закон Новосибирской области от 02.06.2015 №551-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля в Новосибирской области».

Закон Орловской области от 08.12.2014 №1711-ОЗ «Об отдельных правоотношениях, связанных с осуществлением общественного контроля в Орловской области».

Закон Республики Алтай от 01.02.1995 №7-5 (ред. от 11.10.2004) «О порядке отзыва депутата Республики Алтай» // *Ведомости Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай*, 1995 г., № 7.

Закон Республики Башкортостан от 04.12.2012 № 605-з «Об общественном обсуждении проектов законов Республики Башкортостан» // *Республика Башкортостан*, № 234(27719), 07.12.2012.

Закон Республики Коми от 24.06.2014 №81-РЗ (ред. от 31.10.2014) «О некоторых вопросах, связанных с общественным обсуждением проектов нормативных правовых актов Республики Коми» // *Республика*, № 78, 28.06.2014.

Закон Республики Северная Осетия-Алания от 12.02.2014 № 3-РЗ «Об общественной экспертизе проектов законов Республики Северная Осетия-Алания» // *Северная Осетия*, № 34 (26542), 26.02.2014.

Закон Республики Тыва от 05.07.2015 №100-ЗРТ «Об осуществлении общественного контроля в Республике Тыва».

Закон Тамбовской области от 23.06.2006 №61-3 «Об Общественной палате Тамбовской

Области от 23.04.2001 №331 (ред. от 05.07.2001) «Об отзыве депутата Тюменской областной Думы» // *Вестник Тюменской областной Думы*, № 5, часть 1, 2001.

Избирательный кодекс Белгородской области от 01.04.2005 №182 (ред. от 03.10.2008) // *Белгородские известия*, специальный выпуск, 16.04.2005.

Областной закон Ленинградской области от 17.03.2009 №20-оз (ред. от 06.06.2013) «Об Общественной палате Ленинградской области» // *Вести*, № 50, 20.03.2009.

Постановление Правительства Республики Марий Эл от 28.06.2005 №170 «Об утверждении Порядка публичного обсуждения проектов Законов Республики Марий Эл в области бюджетного и налогового законодательства» // *Марийская правда*, № 116, 30.06.2005.

Постановление Правительства Чеченской Республики от 06.08.2008 № 137 «Об общественной экспертизе нормативных правовых актов, регулирующих развитие малого и среднего предпринимательства на территории Чеченской Республики»

Решение Барнаульской городской Думы от 09.06.2006 №360 (ред. от 29.04.2011) «Об утверждении Положения о порядке проведения общественной независимой экспертизы проектов решений городской Думы в области бюджетного и (или) налогового законодательства» // *Вечерний Барнаул*, № 90, 27.06.2006.

Устав Брянской области от 26.01.1996 №7-3 (ред. от 02.11.2012) (принят Брянской областной Думой 26.01.1996) // *Брянская неделя*, № 45, 23.10.2003.

Устав Калужской области (утв. Постановлением Законодательного Собрания Калужской области от 27.03.1996 №473) (ред. от 27.02.2015) // *Губернский вестник*, № 3, 11.12.2001.

Устав Тюменской области от 30.06.1995 №6 (принят Тюменской областной Думой 15.06.1995) (ред. от 31.03.2015) // *Тюменские известия*, № 133, 15.07.1995.

References:

The Charter of the Tyumen Region // *Tyumenskie izvestia*, No.133, 15/07/1995.

The Law of Tyumen Region of April 28th 1995 No.10/95-ОЗ «On Procedure of Recall of a Deputy of the Moscow Region Duma» // *Podmoskovnye izvestia*, No.89, 18/05/1995.

Electoral Code of the Belgorod Region of April 1 2005 No.182 // *Belgorodskkiye izvestia*, Special Issue, 16/04/2005.

The Law of the Tambov Region of June 23 2006 No.61-3 «On the Public Chamber of the Tambov Region».

The Law of the Republic of North Ossetia of December 12, 2014 No.3-P3 “On Public Expertise of Draft Legislation in the Republic of North Ossetia” // *Severnaya Osetia*, No.34 (26542), 26/02/2014.

The Law of the Vladimir Region of February 13th 2003 No.10-O3 “Electoral Code of the Vladimir Region” // *Vladimirskiy vedomosti*, No.58-61, 18/03/2003.

The Charter of the Bryansk Region of January 26th 1996 No.7-3 // *Bryanskaya Nedelya*, No.45, 23/10/2003.

The Law of the Leningrad Region of March 17th 2009 “On Public Chamber of the Leningrad Region” // *Vesti*, No.50, 20/03/2009.

The Charter of the Kaluga Region of March 20th 1996 // *Gubernskii Vestnik*, No.3, 11/12/2001.

The Law of the Republic of Altai of February 1st 1995 No.7-5 “On Procedure of the Recall of a Deputy in the Republic of Altai” // *Vedomosti Gosudarstvennogo Sobraniya – El Kurultai Respubliki Altai*, 1995, No. 7.

The Law of the Novosibirsk Region of June 2nd 2015 No.551-O3 “On Special Aspects of Public Control in the Novosibirsk Region”.

The Law of the Voronezh Region of June 5th 2015 No.103-O3 “On Regulating Special Aspects of Public Control in the Voronezh Region”.

The Law of the Komi Republic of June 24th 2014 No.81-P3 “On Some Aspects of Public Debate over Draft Legislation of the Komi Republic” // *Respublika*, No.78, 28/06/2014.

The Law of the Voronezh Region of June 27th 2007 No.85-O3 “On Procedure of Public Initiative in the Voronezh Region” // *Molodoi Kommunar*, No.71, 03/07/2007.

The Act of the Government of Mari El Republic of June 28th 2005 No.170 “On Procedure of Public Debate over Draft Budget and Tax Legislation in the Republic of Mari El” // *Mariyskaya Pravda*, No.116, 30/06/2005.

The Law of the Republic of Tuva of July 05th 2015 No.100-3PT “On Public Control in the Republic of Tuva”.

The Law of the Irkutsk Region of July 7th 2015 No.57-O3 “On Public Control in the Irkutsk Region”.

The Law of Moscow Region of July 22nd 2015 No.130/2015003 “On Special Aspects of Public Control in the Moscow Region”.

The Act of the Government of the Chechen Republic of August 6th 2008 No. 137 “On Public Expertise of Regulatory Acts on Development of Small and Medium-Sized Business in the Chechen Republic”.

The Act of the Barnaul Duma of September 09th 2006 No.360 “On Procedure of Public Expertise of Barnaul Duma’s Draft Legislation in Budget and Taxes” // *Vecherny Barnaul*, No.90, 27/06/2006.

The Law of the Republic of Bashkortostan of December 04th 2012 No.605-3 “On Public Debates over Laws of the Republic of Bashkortostan” // *Respublika Bashkortostan*, No.234(27719), 07/12/12.

The Law of the Oryol Region of December 08th 2015 No.1711-O3 “On Special Legal Relations in Public Control in the Oryol Region”.

The Law of the Amur Region of December 29th 2014 No.478-O3 “On Special Aspects of Public Control in the Amur Region”.

LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) STATE AUTHORITIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN OBJECT OF PUBLIC CONTROL

Vladislav V. Grib

*Publishing Group "Yurist", MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 26 May 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 26 June 2016</p>	<p>Abstract: The purpose of the article is to give definition of legislative (representative) state authority of a subject of the Russian Federation and to analyze various forms of public control over the activity of the legislative (representative) state authority of a subject of the Russian Federation. Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of inter-sectoral legal researches. The key author's conclusions are: Firstly, at the federal level, there has not been adopted so far a regulatory legal act fixing the legal status of public councils under legislative (representative) state authorities of subjects of the Russian Federation, their main rights and obligations, procedure for their formation, and it, in its turn, shows major deficiencies on the legislator's part. However, a number of regional legislators have made an attempt to independently settle the issue of formation of public councils under legislative (representative) state authorities of subjects of the Russian Federation by fixing the relevant provisions in special regional laws on public control bases in a subject of the Russian Federation. Secondly, many regulatory legal acts adopted at regional level, fixing the procedure for recall of deputies of representative authorities of a subject of the Russian Federation, are recognized, as of today, by judicial authorities as partly invalid or void. Thirdly, the forms of public control mentioned in the article are not of exhaustive nature and can be expanded by relevant lawful subjects of the Russian Federation, but these forms of public control, at their efficient and combined application, can be an efficient instrument for control over power on the part of civil society. Scientific and Practical Importance. The conducted research develops and specifies forms of public control. As exemplified by various forms of public control over activity of legislative (representative) state authority of a subject of the Russian Federation, revealed were deficiencies on the legislator's part, preventing efficiency of legal regulation.</p>
<p>About the author: Doctor of Law, Professor, Head of the Department for Civil Society, MGIMO University</p> <p>e-mail: avtor@lawinfo.ru</p>	
<p>Key words: state power; subject of the Russian Federation; public control; legislation; Federal Law; society.</p>	

Для цитирования: Гриб В.В. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ как объект общественного контроля // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 33-44.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-33-44

For citation: Grib, Vladislav V. Zakonodatel'nye (predstavitel'nye) organy gosudarstvennoi vlasti sub'ektov RF kak ob'ekt obshchestvennogo kontrolya // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 33-44.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-33-44

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-45-54](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-45-54)

THE ROLE OF THE EUROPEAN UNION IN FOOTBALL GOVERNANCE

Marina V. Strezhneva

*Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20 January 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 17 May 2016</p>	<p>Abstract: The European football is in need of proper governance. This fact has been acknowledged in a number of EU documents, as well as by some of its member-states, Britain and France in particular. Weak governance undermines the financial stability of football clubs and the ability of sport to fulfill its key social functions. Besides other things, it opens channels of external interference in the functioning of FIFA and UEFA as self-regulating bodies of football governance. The present article is devoted to the exploration of governance modes transformation in European and international football, influenced by the European integration process. Global governance is employed here as an analytical approach. It allows to specify the role of the EU in development and maintenance of rules and norms, which limit the freedom of state and nonstate actors, involved in the sphere of football.</p> <p>The 2007 Lisbon Treaty endowed the EU with direct competence in the field of sport. But today it will still be a mistake to conclude that the European institutions are directly responsible for the formation of new structures of football governance. Nevertheless, their activity does have an impact on the lives of those who are involved in it. Unsatisfied stakeholders (football clubs, players and fans) turn to the EU for support when seeking alternative ways for settlement of disputes, when they do not find resolution in the internal structures of football governance. Vertical pathways, established in the traditional pyramid of the European football governance are subsequently undermined. Thus, the EU influence makes it easier to turn to structures of network governance.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, Professor, Head of the Section of Institutional Problems of International Relations of Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Integration, MGIMO University</p> <p>e-mail: integra1955@mail.ru</p>	
<p>Key words: European Union; FIFA; UEFA; global governance; football; Single European Market; European Commission; Court of the European Union; politicization; democratisation.</p>	

Introduction

Over the last fifteen years sports governance has attracted considerable attention from the research community.¹ This growing interest is well founded, as the amount of governments' interference in sport has greatly increased. This increase is mostly due to the pro-market commercialisation and professionalisation of sport, with major sporting events now attracting millions of viewers and generating huge revenues. Between 3-4% of the European Union's annual GDP is generated through sports and sports in a general have a high

average annual growth rate. At the same time, issues of corruption, match fixing and 'bad governance' are undermining the very integrity of sport, robbing sport's own governing bodies of the power to deal with these challenges by themselves.

These changes are influencing the way that sport is regulated, terminating the previous, exclusively self-regulating, modes of sports governance and opening a window for intermediation by European institutions and other external actors.² In addition to this,

¹ Sport Governance: International Case Studies / Ed. by Ian O'Boyle and Trish Bradbury. London and New York: Routledge, 2013. 296 p.

² Geeraert, Arnout; Mrkonjic, Michaël; Chappelet, Jean-Loup. A Rationalist Perspective on the Autonomy of International Sport Governing Bodies: towards a Pragmatic Autonomy in the Steering of Sports // *International Journal of Sport Policy*

the most obstinate individual sportsmen and women, seeking to defend their own rights, employ the legal system more actively than before when solving disputes that arise between them and sport organizations, which are now subject to a greater level of scrutiny and public interest. Last but not least, it is possible to trace efforts at the international level to capitalize on the malfunctioning of sports governing bodies in order to add sporting and cultural events to the list of possible targets for Western sanctions against Russia, applied in retaliation for Russia's policies towards Ukraine.

The most powerful governing bodies over football are FIFA and UEFA. FIFA, the Fédération Internationale de Football Association, founded in 1904, governs the World Cup (the quadrennial international football tournament), while UEFA, the Union of European Football Associations, is one of the six sub-branches of FIFA, and runs the European championship. As pointed out by Richard Parrish, "FIFA's responsibilities include drawing up regulations and provisions and ensuring their enforcement. Every person and organisation involved in the game of football is to observe FIFA 'law'. The tasks of UEFA are to regulate the game at a European level and settle disputes between national member associations within Europe".³

In May 2015, seven high-ranking FIFA officials were detained by Swiss police on suspicion of corruption following a request made by the American Department of Justice. Subsequently, the president of FIFA, Joseph Blatter, and the head of UEFA, Michel Platini, have been suspended for eight years from all football-related activities following an ethics investigation. The exact timing of these interrelated events, given the fact that corruption in FIFA is acknowledged to have been going on for a quarter of a century already, and has long been an open secret, leaves room for speculation that they were set in motion with the side aim of applying pressure to the governing bodies of

football, which were unwilling to side with the anti-Russian sanctions policies of the West.

As football is both the most important and most commercialised sport in Europe, efforts are now being made in earnest, and by the EU in particular, to raise the standard of governance in the European football sector, focusing specifically on the principles of democracy, transparency and inclusiveness, seeking to represent all interested stakeholders.⁴ Thus, in this article, the review of literature on the specifics of EU relations with FIFA/UEFA sheds additional light on how the EU functions in relation to sports governance. Not long ago football's governing bodies had full autonomy: there was practically no outside control or regulation. The headquarters of both FIFA and UEFA are in Switzerland (outside the EU immediate territory).⁵ And the EU's competencies in the field of international sport, even today, cannot be seen as strong. Nevertheless, over time, the EU has accumulated policy instruments allowing it to limit the autonomy of both FIFA and UEFA, and to execute some forms of influence over them. For both economic and political reasons, as well as due to the internal faults of football's self-regulating bodies, the EU has become more closely involved in regulating football.

The EU as a metaorganisation

There are various theories that can be applied when studying the EU's influence over international sport governance. These include agency theory, stewardship theory, institutional theory, resource dependence theory, network theory, stakeholder theory, a democratic perspective and managerial hegemony theory.⁶ One of the most popular of these theories is the principal-agent theory (agency

and Politics, 2015, No. 7 (4), pp. 473–488. DOI: 10.1080/19406940.2014.925953

³ Parrish, Richard. Social Dialogue in European Professional Football // *European Law Journal*, 2011, No. 17 (2), pp. 213–229.

⁴ The Transformation of European Football: Towards the Europeanisation of the national game, 1st Edition. Ed. by Arne Niemann, Borja Garcia and Wyn Grant. Manchester: Manchester University Press, 2011. 224 p.

⁵ Most EU law, nevertheless, applies in Switzerland on the basis of a series of the EU-Switzerland bilateral agreements.

⁶ Hoye, Russel; Cuskelly, Graham. Sport Governance. Books in the Sport Management Series. Oxford: Elsevier, 2007. 225 p. Mode of access: <http://basijcssc.ir/sites/default/files/0750669993.pdf>. Pp. 11–15.

theory),⁷ although it is a little far-fetched to present the relationship between the EU and FIFA/UEFA as one between a principle entity and its agents. The EU, plainly, does not control FIFA/UEFA; and neither FIFA nor UEFA act of behalf of the EU.

This article favours the global governance as an analytical approach. It allows for the role of the EU to be identified better as an agent in the arising global multi-actor (sport) governance,⁸ participating in the development and maintenance of rules and norms that limit the international behaviour of both state and non-state actors. The notion of governance per se implies a collective process of political regulation (steering) in the absence of a single governing centre or organising principle. The global governance narrative, in its turn, brings to the forefront vertical and horizontal dimensions to this process. By choosing global governance as an analytical tool, we can better understand the ‘dynamic interplay’⁹ between civil society, business and public sector actors involved in global and European politics.

Accountability is a key aspect of global governance. In the context of global politics it is particularly challenging to enforce, since “governmental and non-governmental organisations around the world practice a very wide range of incompatible systems of domestic governance, making it exceedingly difficult to reach agreement on formal and informal norms, standards, responsibilities and sanctions associated with decision making”.¹⁰

The integrated European system of governance (meaning setting of rules and their application, as well as enforcement) is a multilevel one. In the EU decision making is termed multilevel as it connects national administrations with each other and the European institutions without establishing a clear hierarchy between them. It is blurring the distinction between centralised and decentralised decision making by networking various types of decision makers.¹¹ As a result, European governance is not monopolised by national states, and civil society organizations are involved in the respective political process. At the same time, the EU system can be presented as a transnational governance, as it is characterised by complexity, its non-hierarchical features, and horizontal/diagonal policy networks. There are many reasons to evaluate governance within the EU as ‘experimentalist’¹² or ‘innovative’,¹³ as European policymaking is endowed with unique features that distinguish it from policymaking at the national level. It combines supranational legal regulation with self-regulation (executed by the economic subjects themselves, although under strict European and national control) and co-regulation (typically referring to situations where the industry develops and administers its own arrangements, while a government provides legislative backing to enable the arrangements to be enforced).

European social dialogue is an important and attractive example of co-regulation.¹⁴ In a wider sense, it presupposes discussions,

⁷ Geeraert, Arnout; Drieskens, Edith. The EU Controls FIFA and UEFA: a Principle-Agent Perspective // *Journal of European Public Policy*, 2015, No. 22 (10), pp. 1448–1466.

⁸ Kerwer, Dieter. International Organizations as Meta-Organizations: The Case of the European Union // *Journal of International Organizations Studies*, 2013, No. 1(4): Special Issue ‘Sociological Perspectives on International Organizations and the Construction of Global Order’, pp. 40–53. Mode of access: http://journal-iostudies.org/sites/journal-iostudies.org/files/JIOS2013-special-issue_Kerwer.pdf

⁹ Ruggie, John. Taking Embedded Liberalism Global: The Corporate Connection / in *Taming Globalisation: Frontiers of Governance*. Ed. by D. Held and M. Koenig-Archibugi. Cambridge: Polity Press, 2013. Pp. 93–129.

¹⁰ Pielke, Roger. How Can FIFA Be Held Accountable? // *Sport Management Review*, 2013, No. 16, p. 256.

¹¹ Dehousse, Renaud. Regulation by Networks in the European Community: The Role of European Agencies // *Journal of European Public Policy*, 1997, No. 4 (2), pp. 246–261.

¹² Experimentalist Governance in the European Union. Towards a New Architecture / Ed. by Charles F. Sabel and Jonathan Zeitlin. Oxford: Oxford University Press, 2010. 368 p.

¹³ Innovative Governance in the European Union. The Politics of Multilevel Policymaking / Ed. by Ingeborg Tömmel and Amy Verdun. Boulder, Co: Lynne Rienner Publishers, 2009. 363 p.

¹⁴ Lapeyre, Jean. European Social Dialogue: 30 Years of Experience and Progress, but What does the Future Hold? // *Policy Paper of Notre Europe (Jacques Delors Institute)*, January 2015, No. 124. 20 p. Mode of access: <http://www.institutdelors.eu/media/europeansocialdialogue-lapeyre-jdi-jan15.pdf?pdf=ok>

consultations, negotiations and common actions, undertaken by two sides – by trade unions and organisations of employers. At the European level, it has two main forms: bilateral (a direct dialogue between social partners under the control of the European Commission) and trilateral (with the involvement of other European institutions). In the international arena, the EU, while being an unconventional foreign policy actor and a multipartite entity at one and the same time, is capable of promoting alternative modes of governance, based on its own example.

Indirect influence

Since the 1970s, the EU's involvement in affairs of sport has been pushed through by private actors, demanding observance of the Single European Market (SEM) freedom of movement principle, as well competition rules, in the sport's sphere as well as elsewhere.¹⁵ The EU's freedom of movement law establishes a worker's right to travel within the territory of the EU in the pursuit of employment. Thus, in 2001, FIFA and UEFA on the one side, and the EC – represented by Commissioners Monti, Reding and Diamantopoulou – on the other side, reached an agreement concerning FIFA's rules on international football transfers, based on the European Court of Justice's (ECJ) Bosman preliminary verdict,¹⁶ in which the Court ruled that the old system of transfers placed an undue restriction on the free movement of footballers as workers and was, in fact, prohibited by Article 39(1) of the EC Treaty (now Article 45(1) of the Treaty on the functioning of the European Union). Jean-Marc Bosman, a Belgian professional footballer, and all other EU, as well as Icelandic, Lichtensteinian and Norwegian football players were subsequently given the right to a free transfer at the end of their contracts, with the provision that they

were transferring from a club within one EU association to a club within another EU association.

In 2005, in the Simutenkov ruling,¹⁷ the ECJ held that the 1994 EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement provisions (Art. 3 (1)) also protected Igor Simutenkov, a Russian citizen legally employed in Spain as a footballer, against discrimination in terms of working conditions, remuneration or dismissal. Revision of European football rules concerning the number of foreign players in teams was once again reconsidered. This new ECJ ruling meant that non-EU sportsmen covered by this and other agreements with similar clauses (for example, the ACP-EU Partnership Agreement,¹⁸ signed in Cotonou in 2000) should not be discriminated against, when legally employed within the EU, either.

The Bosman and Simutenkov cases proved quite influential for the whole international transfers situation in European football, leading to, in a practical sense, the end of any distinct category of person called a foreign player. Although national federations could still try to limit 'foreigners,' it became much easier for individuals to overcome these limitations. In other words, the EU successfully challenged the monopoly exercised by the governing bodies of the sport and legitimised the claims of players. Nevertheless, FIFA and UEFA remained the leading actors in football governance, making every effort to restrict any concessions to other stakeholders. Challenges brought before the ECJ and/or the EC to club ownership rules, selection criteria, the use of transfer windows to regulate player movement and the FIFA player-agent regulations remained unsuccessful.¹⁹

In 2007, the EC White Paper on sports noted that self-regulation allows for most challenges that affect sport to be dealt with, if

¹⁵ Croci, Osvaldo. Taking the Field: The European Union and Sport Governance / Innovative Governance in the European Union. The Politics of Multilevel Policymaking / Ed. by Ingeborg Tömmel and Amy Verdun. Boulder, Co: Lynne Rienner Publishers, 2009. P. 149.

¹⁶ La Rochefoucauld Estelle de. Collection of Sports-Related Case-Law. Pp. 9-11. Mode of access: http://www.olympic.org/Documents/Reports/EN/en_report_264.pdf

¹⁷ Schuilenburg, Katharina Anna. The ECJ Simutenkov Case: Is Same Level not Offside after All? // *Policy Papers on Transnational Economic Law*, 2005, No. 13, 8 p. Mode of access: <http://telc.jura.uni-halle.de/sites/default/files/telc/PolicyPaper13.pdf>

¹⁸ The Agreement the EU concluded with African, Caribbean and Pacific group of states.

¹⁹ Parrish, Richard. Social Dialogue in European Professional Football // *European Law Journal*, 2011, No. 17 (2), pp. 213–229.

good governance and EU law are respected.²⁰ In all honesty, changing the predominantly self-regulating mode of European football governance was beyond the means of the EU, even if it wanted to. That said, the Commission did strongly contribute to the development of co-regulation in addition to self-regulation, namely – to the creation of a structured dialogue with interested stakeholders. A European social dialogue between employers (clubs) and employees (footballers) was launched for the professional football sector in 2008, allowing for discussions, consultations and negotiations on labour related issues. The Commission of the EU provided important resources to the European sectoral Social dialogue committee for professional football (SDCPF) and supported its projects and studies.

In 2012, the social dialogue in European professional football, including parties such as UEFA, the European Professional Football Leagues (EPFL), the European Club Association (ECA) and the Fédération Internationale des Associations de Footballeurs Professionnels Division Europe (FIFPro Division Europe) – consisting of 29 member associations – concluded its first agreement on the minimum requirements for standard player contracts.²¹ At this point, FIFA remained the only excluded organisation that could be interested in participating in the SDCPF. According to Arnout Geeraert, “FIFPro’s participation in the social dialogue has unquestionably improved its representativeness and legitimacy, and has thus enhanced its position in the governance of European football. By providing expertise and indirect financial support through, for instance, the reimbursement of travel expenses, the Commission further contributed to the empowerment of FIFPro. Finally, by making sure that actors are brought together in a room, where they are obliged to dialogue, the Commission made sure that FIFPro was able to

influence the decisions made by the governance network”.²² Football’s powerful governing bodies could no longer afford to neglect previously marginalised interest groups such as clubs and players. The EU institutions were performing a useful monitoring function, ensuring that the activities of international football’s governing bodies’ do not extend beyond the limits set by EU law.

The EC has overseen measures against the use of doping and match-fixing, the activities of sports agents, and regarding transfer rules, demonstrating a regulatory approach to professional sport as an economic activity, with its regulating principles primarily established by states and not by private professional leagues. The EU has also brought about substantial change in football rules based on EU competition policy, legitimising the associated claims of clubs and players and putting into question the supremacy of the governing bodies such as FIFA and UEFA.

Direct competence

The 2007 Lisbon Treaty, which came into force at the end of 2009, for the first time endowed the EU with direct competence on matters of sport.²³ Articles 6 and 165 of the Treaty on the Functioning of the European Union empower the EU institutions ‘to support, coordinate or supplement the actions of Member States,’ though no European harmonisation of national laws has been admitted in this sphere. The emphasis has been on the social, cultural and educational particularities of sport, distinguishing it from other industries.

Article 165 allows the EU to directly fund sports-related programmes. The first budget line specifically dedicated to sport was opened

²⁰ Commission of the European Communities. White Paper on Sport (Brussels). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0391&from=EN>. P. 13.

²¹ Colucci, Michele; Geeraert, Arnout. The Social Dialogue in European Professional Football // *Comparative Labor Law and Policy Journal*, 2012, No. 33 (2), pp. 203–234.

²² Geeraert, Arnout. New EU Governance Modes in Professional Sport: Enhancing Throughput legitimacy // *Journal of Contemporary European Research*, 2014, No. 10 (3), pp. 302–321. Mode of access: <https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/451486/2/562-3270-1-PB.pdf>

²³ Parrish, Richard; García, Borja; Miettinen, Samuli. The Lisbon Treaty and EU Sports Policy. STUDY, 2010. 7 p. Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/cult/dv/esstudyusportpolicy/esstudyusportpolicyen.pdf

in 2014 as part of the seven year Erasmus+ programme. It envisions support for grassroots projects and cross-border challenges, such as combating match-fixing, doping, and violence and racism in particular.²⁴ Having acquired direct competence in the field of sport, the EU has become relatively assertive. At the same time, due to the EU's still limited competence in sports, its policy is ultimately defined not by the supranational EC, but by the Council, which consists of member-states' representatives. Since 2009 the Council has become a more active player in the field. In general, EU action in this sphere has started to provide added socio-cultural value to the efforts of member states.

According to Richard Parish, Article 165 establishes a formal rolling political agenda on the meaning of the 'specific nature of sport'.²⁵ In the Bernard case²⁶ Article 165 was cited to confirm the view of the ECJ that the specific characteristics of sport allow football clubs to seek compensation for training of their young players who then wish to sign their first professional contract with a club in another member state. Also, in 2013, the ECJ rejected FIFA and UEFA appeals over broadcast rights.²⁷ In this and other similar cases, it chose to side with those member-states who wanted to keep all of the World Cup and European Championship on free TV (the member states have the right to select a series of top sports events to be broadcasted on free television).²⁸

²⁴ Erasmus+ is the new EU programme for Education, Training, Youth, and Sport for 2014-2020.

²⁵ Parrish, Richard. Social Dialogue in European Professional Football // *European Law Journal*, 2011, No. 17 (2), p. 219.

²⁶ Hendrickx, Frank. The Bernard-case and Training Compensation in Professional Football // *European Labour Law Journal*, 2010, No. 3, pp. 380-397. Mode of access: https://pure.uvt.nl/ws/files/1305848/Hendrickx_The_Bernard-case_110209_publishers_embargo_1_y.pdf

²⁷ EU Court Slaps Down FIFA, UEFA over World Cup / Euro TV. July 18, 2013. Mode of access: <http://sports.ndtv.com/football/news/210990-eu-court-slaps-down-fifa-uefa-over-world-cup-euro-tv>

²⁸ The Television without Frontiers Directive 89/552/EEC lays down the conditions, guaranteeing free access to the broadcast of events of major importance to society. A Member State can decide what events, national or non-national, it considers to be of major

The traditional model of football governance in Europe was characterised by a pyramidal and hierarchical structure, running from international federations down to national federations and clubs. Lots of amateur clubs formed the basis for the top professional clubs playing on national and European level. In the 2000's, in part due to EU influence, the traditional model underwent some transformation, becoming relatively more democratic on the way. Unsatisfied stakeholders (such as football clubs, players and fans) turned to the assistance of EU institutions as an alternative way to settle disputes which had previously found no accommodation within the internal structures of football governance.²⁹ In this way the vertical channels of power which previously prevailed in the traditional governing pyramid of European football, were undermined, while structures of network governance emerged and developed in which different stakeholders exerted power in different ways and in different contexts in a complex web of interrelationships between public, private and non-profit actors.³⁰

The 2015 FIFA crisis

Good governance is a *sin qua non* condition of self-regulation for sports' governing bodies. Weak governance undermines financial stability and the potential any sport has to fulfil its social functions. It also opens a window of opportunity for arbitrary external political and ideological, as well as commercial, pressure. FIFA has for quite a long time been criticised for its flawed governance, lack of transparency and accountability.³¹ According to Pielke, who

importance to society and which must be broadcast in its territory on free television accessible to a substantial proportion of the population.

²⁹ García, Borja; Meier, Henk-Erik. Limits of Interest Empowerment in the European Union: the Case of Football // *Journal of European Integration* // 2012, No. 34 (4), pp. 359-378.

³⁰ Groeneveld, Margaret. European Sport Governance, Citizens, and the State. Finding a (co-) productive Balance for the Twenty-first Century // *Public Management Review*, 2009, No. 11 (4), pp. 421-440. DOI: 10.1080/14719030902989516

³¹ Tomlinson, Alan. The Supreme Leader Sails on: Leadership, Ethics and Governance in FIFA // *Sport in Society*, 2014, No. 17 (9), pp. 1155-1169. DOI: 10.1080/17430437.2013.856590

wrote an article evaluating the accountability mechanisms in the global politics of football, FIFA “demonstrated time and again that it has essentially no hierarchical, supervisory, peer or public reputational accountability, and minimal fiscal accountability”.³² Lack of adequate governance in international football was acknowledged in a number of EU documents, as well as by some member states, Britain and France in particular.

In the meantime, as Pieth argues, “FIFA – even though by law still a non-profit association – is in fact a potent corporate entity. This calls for a sequence of particular governance measures developed in the corporate world”.³³ In his judgement, FIFA has made distinct progress by introducing international accounting standards and professional auditing, yet there is still room to further upgrade their systems of internal control.

Most of FIFA revenue comes from the World Cups. For example, in 2011-2014, FIFA’s total revenue was \$5.718 mln, with operating profit of \$338 mln.³⁴ FIFA redistributes the majority of this revenue back into football through investment in development programmes, international football tournaments, football governance and organisation of the next FIFA World Cup. However, a proportion of any profit is held back to create a cash reserve, officially to be spent on insurance to cover the possibility of last-minute cancellation of a World Cup event. From a financial perspective, the last FIFA World Cup in Brazil in 2014 turned out to be a major success. Revenue significantly increased compared to the previous four-year period as a result of higher income from the sale of rights, particularly in the area of marketing and television.

The biggest scandal in the history of FIFA erupted at the end of May 2015 when

Swiss police detained its seven highest-ranking officials in Zurich on suspicion of corruption, fraud, racketeering and money laundering. Overall, charges were pressed against 14 current and former football bureaucrats. According to the data made public by the US Ministry of Justice, \$ 150 mln in bribes were received during 24 years.³⁵

Before the scandal broke, Britain called on UEFA head Platini to oppose the president of FIFA, Joseph Blatter, and come out for a boycott of the 2018 World Cup in Russia in retaliation for Russia’s policy towards Ukraine and the annexion of Crimea. Denmark proposed holding an alternative tournament in 2018 with the participation of countries of Europe and Southern America; in addition to this, a group of U.S. senators called for Russia to be removed as host of the 2018 World Cup as well. Neither Blatter, nor Platini, by all appearances, demonstrated enough willingness to yield to this political pressure and side with the West’s anti-Russian sanctions.

In the midst of its corruption scandal, the European Union has called for FIFA to quickly reform itself. Natalie Vandystadt, a spokeswoman for the EC, said: “Millions of fans around the world have lost patience and they deserve better”.³⁶ In June 2015 the European Parliament, with no power to take enforceable decisions related to sports, adopted a resolution recommending that FIFA’s decisions to award the 1998, 2010, 2018 and 2022 football World Cups to France, South Africa, Russia and Qatar respectively be reviewed. The move, attesting to how highly politicised the issue had become, was a direct result of the FIFA corruption and all of the suspicions of bribery hanging over its decisions.³⁷

³² Pielke, Roger. How Can FIFA Be Held Accountable? // *Sport Management Review*, 2013, No. 16, p. 262.

³³ Pieth, Mark. Governing FIFA: Concept Paper and Report, 2011. 39 p. Mode of access: <http://www.fifa.com/mm/document/affederation/footballgovernance/01/54/99/69/fifagutachten-en.pdf>. P.5

³⁴ FIFA. Financial Report 2014. Mode of access: http://www.fifa.com/mm/document/affederation/administration/02/56/80/39/fr2014weben_neutral.pdf

³⁵ The US part of the investigation was looking at corruption among members of the Concacaf and the Conmebol, the confederations representing national associations across the Americas and the Caribbean: Sargeant, Paul. How FIFA Makes and Spends Its Money // *BBC News*. May 29, 2015. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-europe-32923882>

³⁶ EU Urges FIFA to Reform After Corruption Scandal. June 1, 2015. Mode of access: <http://sports.yahoo.com/news/eu-urges-fifa-reform-corruption-scandal-164224816--sow.html>

³⁷ European Parliament Will Urge FIFA’S Sepp Blatter to Stand Down Immediately. June 10,

Tibor Navracscics, EU Commissioner for education, culture, youth and sport, was of the opinion that FIFA was no longer fit to run international football.³⁸ The European Commission, however, declined to back calls for a boycott of the World Cup scheduled to take place in Russia in 2018. Russia, in its turn, insisted that it won the right to host the next World Cup in a fair competition.

The President of Russia, Vladimir Putin, reacted to the whole situation by proposing that a resolution be adopted by the UN General Assembly that would confirm in international law the principle of sport as being depoliticized.³⁹ He announced this idea at the World Olympians Forum, which took place in Moscow in October 2015. However, no resolution is likely to stop present-day natural process of sport becoming politicised, especially at a time when public interest in sport has seriously increased.

Politicisation generally means that more and more decisions in the associated sphere will become publicly contested and that they will be discussed by representatives of civil society, and that there are conflicting positions as concerns solution of the problems. Today it seems impossible to stop the politicisation of football governance, though in international politics in general a lack of politicisation remained quite common till the late XX century. Also, the EU itself used to be a depoliticised polity not so long ago, demonstrating a predominantly functional way of decision-making. Now we are witnessing both the processes of the politicisation and (albeit slow and painful) democratization of European integration,⁴⁰ with

2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/football/2015/jun/10/european-parliament-fifa-sepp-blatter-stand-down>

³⁸ European Parliament Set to Call on FIFA's Blatter to Go Now. June 11, 2015. Mode of access: <http://www.gmanetwork.com/news/story/502174/sports/football/european-parliament-set-to-call-on-fifa-s-blatter-to-go-now#sthash.18ZORao6.dpuf>

³⁹ Putin Urges to Adopt UN General Assembly Resolution on Depoliticizing Sport. October 21, 2015. Mode of access: <http://tass.ru/en/politics/830607>

⁴⁰ Greenwood, Justin. Organised civil society and democratic legitimacy in the EU // *British Journal of Political Science*, 2007, No. 37 (2), pp. 333 – 357. Mode of access: <https://openair.rgu.ac.uk/bitstream/handle/10059/1298/Greenwood%20BJPS%202007%20Organized.pdf?sequence=1>

its politicisation being a direct consequence of the increasing authority of the EU.⁴¹

Conclusion

Football is a global sport that connects the world in a unique way. The European Union recognises the autonomy of international football organizations, and is far from assuming a primary responsibility for the sport.

While the concept of politicisation generally relegates us to an increased involvement of civil society in collective decision-making, the concept of democratisation implies reforms allowing civil society to actually participate in governing processes. There can be politicisation without democracy, as well democratization with or without politicisation. One can conclude that, overall, the EU is exerting a benign influence over football governance, helping to make it more democratic.

FIFA encompasses a wide spectrum of stakeholders ranging from its member associations to players, referees, players' agents, clubs, marketing professionals, the fan community and the public at large. This general interest, by itself, does not imply legal accountability to the general public. Yet, while formally non-governmental, FIFA is in practice expected to act as a quasi-public body. The EU in particular expects international and European football governing bodies to respect the core principles of law (especially the rule of law, the separation of powers, transparency, accountability and democracy).

All taken into consideration, these moves towards democratisation and the upgrading of football governance, and measures to increase its transparency and accountability – which are enhancing its legitimacy – are the best means to guarantee against (the unwelcome) intrusions from outside into football's affairs, irrespective of these intrusions' motives.

Литература / References:

Colucci, Michele; Geeraert, Arnout. The Social Dialogue in European Professional Football // *Comparative Labor Law and Policy Journal*, 2012, No. 33 (2), pp. 203–234.

⁴¹ Wilder, Pieter de; Zürn, Michael. Can the Politicization of European Integration Be Reversed? // *Journal of Common Market Studies*, 2012, No. 50 (S1), pp. 137–153. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02232.x

Commission of the European Communities. White Paper on Sport (Brussels). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0391&from=EN>

Croci, Osvaldo. Taking the Field: The European Union and Sport Governance / Innovative Governance in the European Union. The Politics of Multilevel Policymaking / Ed. by Ingeborg Tömmel and Amy Verdun. Boulder, Co: Lynne Rienner Publishers, 2009. Pp. 139–157.

Dehousse, Renaud. Regulation by Networks in the European Community: The Role of European Agencies // *Journal of European Public Policy*, 1997, No. 4 (2), pp. 246–261.

European Parliament Set to Call on FIFA's Blatter to Go Now. June 11, 2015. Mode of access: <http://www.gmanetwork.com/news/story/502174/sports/football/european-parliament-set-to-call-on-fifa-s-blatter-to-go-now#sthash.I8ZORa06.dpuf>

European Parliament Will Urge FIFA'S Sepp Blatter to Stand Down Immediately. June 10, 2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/football/2015/jun/10/european-parliament-fifa-sepp-blatter-stand-down>

EU Court Slaps Down FIFA, UEFA over World Cup / Euro TV. July 18, 2013. Mode of access: <http://sports.ndtv.com/football/news/210990-eu-court-slaps-down-fifa-uefa-over-world-cup-euro-tv>

EU Urges FIFA to Reform After Corruption Scandal. June 1, 2015. Mode of access: <http://sports.yahoo.com/news/eu-urges-fifa-reform-corruption-scandal-164224816-sow.html>

Experimentalist Governance in the European Union. Towards a New Architecture / Ed. by Charles F. Sabel and Jonathan Zeitlin. Oxford: Oxford University Press, 2010. 368 p.

FIFA. Financial Report 2014. Mode of access: http://www.fifa.com/mm/document/affederation/administration/02/56/80/39/fr2014weben_neutral.pdf

Hendrickx, Frank. The Bernard-case and Training Compensation in Professional Football // *European Labour Law Journal*, 2010, No. 3, pp. 380–397. Mode of access: https://pure.uvt.nl/ws/files/1305848/Hendrickx_The_Bernard-case_110209_publishers_embargo_1_y.pdf

Hoye, Russel; Cuskelly, Graham. Sport Governance. Books in the Sport Management Series. Oxford: Elsevier, 2007. 225 p. Mode of access: <http://basijcssc.ir/sites/default/files/0750669993.pdf>

Innovative Governance in the European Union. The Politics of Multilevel Policymaking / Ed. by Ingeborg Tömmel and Amy Verdun. Boulder, Co: Lynne Rienner Publishers, 2009. 363 p.

García, Borja; Meier, Henk-Erik. Limits of Interest Empowerment in the European Union: the Case of Football // *Journal of European Integration* // 2012, No. 34 (4), pp. 359–378.

Geeraert, Arnout. New EU Governance Modes in Professional Sport: Enhancing Throughput legitimacy // *Journal of Contemporary European Research*, 2014, No. 10 (3), pp. 302–321. Mode of access: <https://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/451486/2/562-3270-1-PB.pdf>

Geeraert, Arnout; Drieskens, Edith. The EU Controls FIFA and UEFA: a Principle-Agent Perspective // *Journal of European Public Policy*, 2015, No. 22 (10), pp. 1448–1466.

Geeraert, Arnout; Mrkonjic, Michaël; Chappelet, Jean-Loup. A Rationalist Perspective on the Autonomy of

International Sport Governing Bodies: towards a Pragmatic Autonomy in the Steering of Sports // *International Journal of Sport Policy and Politics*, 2015, No. 7 (4), pp. 473–488. DOI: 10.1080/19406940.2014.925953

Governance without Government: Order and Change in World Politics. Ed. by J. Rosenau and E.-O. Czempiel. New York, NY: Cambridge University Press, 1992. 311p.

Greenwood, Justin. Organised civil society and democratic legitimacy in the EU // *British Journal of Political Science*, 2007, No. 37 (2), pp. 333–357. Mode of access: <https://openair.rgu.ac.uk/bitstream/handle/10059/1298/Greenwood%20BJPS%202007%20Organized.pdf?sequence=1>

Groeneveld, Margaret. European Sport Governance, Citizens, and the State. Finding a (co-)productive Balance for the Twenty-first Century // *Public Management Review*, 2009, No. 11 (4), pp. 421–440. DOI: 10.1080/14719030902989516

Kerwer, Dieter. International Organizations as Meta-Organizations: The Case of the European Union // *Journal of International Organizations Studies*, 2013, No. 1 (4): Special Issue 'Sociological Perspectives on International Organizations and the Construction of Global Order', pp. 40–53. Mode of access: http://journal-iostudies.org/sites/journal-iostudies.org/files/JIOS2013-special-issue_Kerwer.pdf

Lapeyre, Jean. European Social Dialogue: 30 Years of Experience and Progress, but What does the Future Hold? // *Policy Paper of Notre Europe (Jacques Delors Institute)*, January 2015, No. 124. 20 p. Mode of access: <http://www.institutdelors.eu/media/europeansocialdialogue-lapeyre-jdi-jan15.pdf?pdf=ok>

La Rochefoucauld Estelle de. Collection of Sports-Related Case-Law. Mode of access: http://www.olympic.org/Documents/Reports/EN/en_report_264.pdf

Parrish, Richard. Social Dialogue in European Professional Football // *European Law Journal*, 2011, No. 17 (2), pp. 213–229.

Parrish, Richard; García, Borja; Miettinen, Samuli. The Lisbon Treaty and EU Sports Policy. STUDY, 2010. 7 p. Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/cult/dv/esstudyesportspolicy/esstudyesportspolicyen.pdf

Pielke, Roger. How Can FIFA Be Held Accountable? // *Sport Management Review*, 2013, No. 16, pp. 255–267.

Pieth, Mark. Governing FIFA: Concept Paper and Report, 2011. 39p. Mode of access: <http://www.fifa.com/mm/document/affederation/footballgovernance/01/54/99/69/fifagutachten-en.pdf>

Putin Urges to Adopt UN General Assembly Resolution on Depoliticizing Sport. October 21, 2015. Mode of access: <http://tass.ru/en/politics/830607>

Ruggie, John. Taking Embedded Liberalism Global: The Corporate Connection / in *Taming Globalisation: Frontiers of Governance*. Ed. by D. Held and M. Koenig-Archibugi. Cambridge: Polity Press, 2013. P. 93–129.

Sargeant, Paul. How FIFA Makes and Spends Its Money // *BBC News*. May 29, 2015. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-europe-32923882>

Schuilenburg, Katharina Anna. The ECJ Simutenkov Case: Is Same Level not Offside after All? // *Policy Papers on Transnational Economic Law*, 2005, No. 13. 8 p. Mode of access: <http://telc.jura.uni-halle.de/sites/default/files/telc/PolicyPaper13.pdf>

Sport Governance: International Case Studies / Ed. by Ian O'Boyle and Trish Bradbury. London and New York: Routledge, 2013. 296 p.

Tomlinson, Alan. The Supreme Leader Sails on: Leadership, Ethics and Governance in FIFA // *Sport in Society*, 2014, No. 17 (9), pp. 1155–1169. DOI: 10.1080/17430437.2013.856590

The Transformation of European Football: Towards the Europeanisation of the national game, 1st Edition. Ed. by

Arne Niemann, Borja Garcia and Wyn Grant. Manchester: Manchester University Press, 2011. 224 p.

Wilder, Pieter de; Zürn, Michael. Can the Politicization of European Integration Be Reversed? // *Journal of Common Market Studies*, 2012, No. 50 (S1), pp. 137–153. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2011.02232.x

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-45-54](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-45-54)

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УПРАВЛЕНИИ ФУТБОЛОМ

Марина Вадимовна Стрежнева

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 20 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 17 мая 2016 г.</p>	<p>Аннотация: Тот факт, что в европейском футболе отсутствует должное управление, был признан в ряде документов Европейского союза, а также некоторыми государствами – членами ЕС, в особенности Великобританией и Францией. Слабое управление подрывает финансовую стабильность футбольных клубов и способность спорта выполнять свои ключевые социальные функции. Оно, помимо прочего, открывает каналы для внешнего вмешательства в функционирование ФИФА и УЕФА как ключевых органов футбольного управления. Настоящая статья посвящена анализу эволюции форм управления в европейском и международном профессиональном футболе, которая происходит под влиянием европейской интеграции. В качестве аналитического подхода использовано глобальное управление. Данный подход помогает уточнить роль ЕС в разработке и поддержании правил и норм, ограничивающих свободу действия государственных и негосударственных акторов, вовлеченных в сферу футбола. На основании Лиссабонского договора 2007 г. ЕС был наделен прямой компетенцией в спортивной области. Но и сейчас было бы ошибкой утверждать, что европейские институты несут прямую ответственность за оформление новых структур футбольного управления. Однако их деятельность всё сильнее сказывается на жизни тех, кто в него вовлечён. Недовольные стейкхолдеры (футбольные клубы, игроки и болельщики) прибегают к содействию ЕС как к альтернативному способу регулирования споров, которые не находят разрешения во внутренних структурах футбольного управления. Тем самым подрываются вертикальные каналы власти, сформировавшиеся в традиционной пирамиде управления европейским футболом. Под влиянием ЕС облегчается переход к более демократичным структурам сетевого управления.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, заведующая Сектором институциональных проблем международных отношений ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России e-mail: integra1955@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Европейский союз; ФИФА; УЕФА; глобальное управление; футбол; Единый внутренний рынок; Европейская комиссия; Суд Европейского союза; политизация; демократизация.</p>	

Для цитирования: Strezhneva M.V. The Role of the European Union in Football Governance // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 45-54.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-45-54

For citation: Strezhneva, Marina V. The Role of the European Union in Football Governance // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 45-54.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-45-54

http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-55-60

USA IN THE EMERGING SYSTEM OF GLOBAL FINANCIAL REGULATION

Vasilisa K. Kulakova

Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21 January 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 10 June 2016</p>	<p>Abstract: In the globalizing world of financial and economic interdependence, a polycentric, multi-level, and hierarchical system of global financial regulation is emerging. The article highlights two vectors of recent development in international financial regulation: the rise of cooperation through the mechanisms of the Group of Twenty (G-20) on the one hand, and the efforts to maintain the US leading role in global finance, on the other hand. In the circumstances of the global financial crisis of 2008, the G-20 countries initiated an international reform of financial regulation. According to G-20 decisions, international standard-setting organizations developed transnational regulatory regimes in the fields of banking, derivatives and bankruptcy resolution, and the states now implement these regimes in their jurisdictions. The so-called “soft law system”, which is not legally binding, allows the states to sustain national sovereignty in their financial policy. The United States play a leading role in the international financial reform, as well as in the shaping of the global financial regulation system. The American regulators push for extraterritorial application of the US norms and take other unilateral actions on the international arena. The article also touches upon legitimacy problems of the emerging system of global financial regulation. The most important constraints are the excessive influence of the financial industry (“regulatory capture”), the weakness of civil society participation, and also the fact that for the rest of the world the American norms lack legitimacy, as they are adopted by regulators assigned by officials elected by population of a foreign territory.</p> <p><i>Acknowledgments:</i> The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 14-07-00050a.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Senior Research Fellow of the Center for North American Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: vasilisa-kulakova@yandex.ru</p>	
<p>Key words: financial regulation; global financial reform; network financial regulation; legitimacy; financial crisis of 2008; extraterritoriality; Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act; US leadership; the Great Twenty; transatlantic relations.</p>	

In the globalizing world of financial and economic interdependence, a system of global financial regulation is emerging, being now in the process of making. It is a multi-level system, which consists of interacting global, regional, state and sometimes local levels. This emerging system is polycentric and at the same time hierarchical which is reflected in two seemingly conflictual vectors of recent development in international financial regulation: the rise of cooperation through the G-20 and financial networks and, at the same time, the maintenance of the US leading role.

Concept and practice of network financial regulation and its limitations

Well before the financial crisis of 2008 a range of transgovernmental standard-setting/regulatory organizations – the Basel Committee

on Banking Supervision (BCBS), the International Organization of Securities Commissions (IOSCO), the Financial Stability Board (FSB), and some others – gained importance at the international level and overshadowed the traditional Bretton Woods era international financial regulatory institutions – the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank (WB). There are multiple interpretations of the role the network financial organizations play, as well as of the status of documents that they issue.

In the concept of network financial regulation, the BCBS, IOSCO and FSB are treated as global financial regulation already in existence.¹ Recommendations developed by

¹ Slaughter Anne-Marie. A New World Order. Princeton University Press. Princeton and Oxford. 2004. 341 p.

them are regarded as a soft law system which is supposed to be able to solve the legitimacy and efficacy problems of the global financial regulation.² There is a point of view that eventually these soft law norms tend to gain a more binding character and become more obligatory in nature.³

The transgovernmental organizations⁴ play less important role in other conceptions and analysis systems, in accordance to which global financial regulation is determined or should be determined either by extraterritorial reach of the American⁵ (or American and European) financial regulatory norms, or by substituted compliance with regulatory requirements of the stronger states.⁶ In this framework the role of the United States of America as a leading actor in the global finance prevails.

In the global financial regulation, supranational modes of governance are not used, except for the regional level in the European Union (EU). During and after the financial crisis, the architecture has been evolving where the Group of Twenty designs general directions of the global financial reform, translates them to the standard setting organizations – the BCBS, the IOSCO, the FSB, and they develop recommendations for the states. After that, the states implement the standards in their jurisdictions, i.e. enact national legislation, and then national regulatory agencies adopt rules and regulations, enforce them, and supervise the compliance with them by financial

companies. The role of states is central in this architecture.

The concept of network financial regulation and of actions taken by respective organizations is American in its very nature and reflects neo-liberal ideology. Unlike the IMF that works on the basis of an international treaty, the financial networks develop a soft law system that is not legally binding, but voluntary. This is a new quasilegal environment of the transnational financial regulation that some researchers qualify as a “law-like institution”.⁷ Network regulators use soft power instruments like persuasion, authority weight, and economic interest.

In the absence of binding rules, the global financial reform created transnational regulatory regimes that are based on the American model. The transnational regime of banking regulation (Basel III), the regime of derivatives regulation and that of resolution (or liquidation) of systemically important companies on the verge of bankruptcy have been elaborated, and the process of their implementation in countries began. So, these regimes are multi-level – the key points are agreed at the G-20 level, recommendations are developed at the level of standard-setting bodies, and the implementation takes place at the national level.

USA as the biggest factor in global financial regulation environment

Besides the transgovernmental organizations, the institutional environment of the emerging global financial regulation includes a vast range of actors. First, there are traditional Bretton Woods bodies of international monetary and financial regulation, the IMF and the WB. These two have an international treaty as a legal foundation for their work, but they failed to demonstrate strong leadership when the global financial crisis broke up in 2008-2009. The latter fact is supposed to contribute to the growing importance of network regulators.

Second, there is the financial industry, or transnational financial corporations, exerting big influence on the regulators at all levels,

² Zaring, David. Finding Legal Principle in Global Financial Regulation // *Virginia Journal of International Law*, 2012, Vol. 52, No. 3, pp. 683-722.

³ Brummer, Chris. *Soft Law and Global Financial System: Rule Making in the 21st Century*. Cambridge University Press, 2012. 296 p.

⁴ Verdier, Pierre-Hugues. Transnational Regulatory Networks and Their Limits // *The Yale Journal of International Law*, 2009, Vol. 34, No. 1, pp. 113-172.

⁵ Coffee John C. Jr. Extraterritorial Financial regulation: Why E.T. Can't Come Home // *Cornell Law Review*, 2014, Vol. 99, No. 6, pp. 1259-1302.

⁶ McKinstry, Lucy. Regulating a Global Market: the Extraterritorial Challenge of Dodd-Frank's Margin Requirements for Uncleared OTC Derivatives and a Mutual Recognition Solution // *Columbia Journal of Transnational Law*, 2013, Vol. 51, No. 3, pp. 776-832.

⁷ Zaring, David. Finding Legal Principle in Global Financial Regulation // *Virginia Journal of International Law*, 2012, Vol. 52, No. 3, pp. 683-722.

and the situation of regulatory capture is an important factor of the whole environment. During the financial crisis, the socio-economic consequences of negative externalities became so salient for the public, that steps had to be taken by governments to reduce the financial industry's influence on policy-making. But in the medium-term perspective we might expect it to reemerge.

Civil society groups should have constituted as a third important factor of the environment, but they are relatively weak when we consider the case of financial regulation. This, partly, is due to the technical complexity of financial regulation. But the major reason, of course, is the fact that civil society groups find it hard to compete with the financial industry, with its vast economic and political resources.

The fourth factor, actually the most important one, is the factor of the United States of America, a major power exporting its national financial regulation norms and standards to the rest of the world. In its national jurisdiction, the US has carried out a strict reform of financial regulation that became a model for other countries. The Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act were signed by President Obama on 21st of July, 2010, and the national regulators proceeded to develop the rules and regulations implementing the provisions of this Act. The rules adopted in US to implement Basel III are in certain aspects stricter than the international agreement itself. In implementing national reform in the field of derivatives' regulation the US is ahead of all other jurisdictions. The US regime for liquidation of bankrupt financial firms became a pilot for respective international liquidation regime.

The Board of Governors of the Federal Reserve System (the Fed), the Securities and Exchange Commission (SEC), and the Commodities Futures Trading Commission (CFTC) took active and effective part in developing key lines of the global financial reform during the financial crisis. The influence of the American Federal Reserve, not only as a monetary regulator but as a regulator of the banking holding companies and systemically important non-banking financial firms as well, spreads far beyond the borders of the US. Two

American securities and derivatives regulatory agencies – the SEC and the CFTC – also possess some influence over international regulation in respective sectors. They continuously elaborate new and alter existing norms of global financial regulation, shaping it in a way that serves American national interests, thus enhancing American leadership in global economy and finance. To exercise their influence, American regulators use channels provided for by the Group of Twenty, financial regulatory networks as well as traditional Bretton Woods institutions. Their influence is based on the axial role of US financial system in global finance and on the status of dollar as an international reserve currency and international means of payments.

The United States played a pioneering role in the global financial reform. Early documents of the Obama's administration on financial reform stressed the necessity of international cooperation.⁸ But later, while developing their national rules and regulations according to the Dodd-Frank Act, American regulators started contravening the Group of Twenty's decisions concerning the harmonization of the global financial regulation. Substituted compliance is a concept intended to help harmonize international rules, while implementation of the global reform is carried out at the national level. Substituted compliance allows a foreign company to work in a host country and to comply with its home country rules and regulations, thus lifting unnecessary regulatory burden of double regulation. This principle is endorsed by international financial organizations, but is either rejected in the US – as in the case of the Fed's regulation of foreign banking organizations operating in US, or receives limited American acceptance – as in the case of derivatives regulation by the SEC and the CFTC.

Moreover, American financial regulators insistently push forward the extraterritorial reach of their standards. The Dodd-Frank Act provides for extraterritorial implementation of the Volker rule, of the derivatives rules and

⁸ Financial Regulatory Reform. A New Foundation: Rebuilding Financial Supervision and Regulation. Department of the Treasury. June 2009. Mode of access: http://www.treasury.gov/initiatives/Documents/FinalReport_web.pdf

of its other regulations. European regulators and policymakers claim that this leads to fragmentation of transatlantic and global financial regulation, undermining its legitimacy and efficiency.⁹ But the US officials reply that as they have adopted a more stringent national standards, their extraterritorial reach will only enhance global financial stability.¹⁰

States and companies can hardly afford to lose access to the American financial markets. This is the major reason for them to comply with American rules. It is important to take into consideration that the extraterritorial application of laws of a state is a mechanism to create traditional, legally binding transnational financial regulation, which could be enforced onto competitors of the United States.

In the framework of its export control policy, the US government carries out a policy of financial control which is intermittently used as an instrument of extraterritorial sanctions. When applying these mechanisms, American regulators, especially the Federal Reserve, widen their global reach. For example, in summer 2014, the Fed fined French transnational bank BNP Paribas for violating American sanctions on Iran. Together with the French banking regulator, the Fed issued a joint order to BNP Paribas to adopt a program of compliance with the American sanctions laws, when acting globally.

Legitimacy challenges to the emerging global financial regulation

In general, legitimacy of decisions of network financial regulators depends on states. The input legitimacy of the global financial regulation, executed through the transgovernmental networks, stems from the national financial regulators. In their home countries they are nominated by the executive and confirmed by the legislative branches of power. In the financial regulatory networks,

heads and staff of national regulatory bodies cooperate, e.g. IOSCO is comprised of national securities and derivatives regulators, the BCBS – of central bankers and some other regulators of the banking activities.

The output legitimacy is determined by the efficacy of the decisions made, or augmentation of the public good, which in case of international financial regulation means global financial stability. In practice such efficacy is in question, especially in the last 2-3 years, as global financial reform loses momentum and the unification of normative base seems unreachable, but also due to the problems of redistribution and conflicts of interests.

If our intention is to measure legitimacy by transparency and openness of the system, we need to acknowledge the fact that network regulators move in this direction indeed. Regulators publish their proposals on the Internet, invite public comments, promulgate comment letters, and also inform the stakeholders on what has been changed in the original versions of the documents. Activity, principles and process of decision-making are highlighted on their websites. If the Basel I accord was concluded behind the closed doors, the development of the Basel II and Basel III was open to the public – the proposals were disclosed in advance, comments were invited and seriously considered when making the final version of the documents.

But in fact, what could have become an important contribution to enhancing of the legitimacy, becomes a limiting factor. The overwhelming majority of respondents to these calls for comment are financial companies, or other business groups. According to Pagliari and Young, in 1999-2013 civil society groups, such as consumer protection advocates, organized labour, research institutes and NGOs, wrote no more than 6% of aggregate public comment letters in response to a wide range of financial regulatory consultations in US, EU and at international level.¹¹

The most important limitation to the enhancement of legitimacy of the global financial

⁹ Calvino, Nadia. Financial Regulation in the US and EU: Integration or Fragmentation? Keynote address: The EU Policy Stance. Policy Discussion at Bruegel. July 3, 2013.

¹⁰ Tarullo, Daniel K. Regulation of Foreign Banking Organizations. Speech at the Yale School of Management Leaders Forum, New Haven, Connecticut, November 28, 2012.

¹¹ Pagliari, Stefano; Young, Kevin. The Interest Ecology of Financial Regulation: Interest Group Plurality in the Design of Financial Regulatory Policies // Socioeconomic Review, DOI: 10.1093/ser/mwv024.

regulation stems from the fact that for the rest of the world the American norms lack legitimacy, as they are adopted by regulators assigned by officials elected by population of a foreign territory.

Conclusion

The United States maintain leadership in the field of international financial reform, as well as in the shaping of the global financial regulation system. During the negotiations on the Transatlantic Trade and Investment Partnership, the European Union proposed to consider legally binding treaty provisions on the unification of financial regulation standards, but the American side did not support the idea. The reason might be that in the existing “soft law system” it is easier for the US to pursue its national interest in the world of global finance.

While promoting financial reform, the USA reserves a right for itself to execute a completely independent national financial regulatory policy, based on the territorial approach, without accepting new European norms. Presumably, one of the goals of the American policy, as concerns financial reform, is to sustain hierarchy in the US-EU relations.

During the financial crisis and right after it the European Union demonstrated its intention to become a leading player in the global financial regulation as well. But the analysis of actions taken by US and EU on certain directions of financial reform showed that the EU could not catch up and start to set global agenda. The Americans maintain leadership in generating ideas and realizing them in several fields, as well as in transatlantic financial competition. It became a clear competitive advantage of the US that it has the most developed expert and technical capacity to create standards of financial regulations and to try imposing them on the rest of the world.

The main actors working to sustain American global leadership in the financial field are the major American financial regulators themselves. The Federal Reserve, the SEC, the CFTC not only exercise functions of national financial regulation and supervision, but also take an active, and often leading part in developing international norms. Their

influence stretches to other countries, as the American regulators push for extraterritorial application of the US norms and take other unilateral actions in the field on international global regulation.

Литература / References

Brunner, Chris. Soft Law and Global Financial System: Rule Making in the 21st Century. Cambridge University Press, 2012. 296 p.

Calvino, Nadia. Financial Regulation in the US and EU: Integration or Fragmentation? Keynote address: The EU Policy Stance. Policy Discussion at Bruegel. July 3, 2013.

Coffee John C. Jr. Extraterritorial Financial regulation: Why E.T. Can't Come Home // Cornell Law Review, 2014, Vol. 99, No. 6, pp. 1259-1302.

Financial Regulatory Reform. A New Foundation: Rebuilding Financial Supervision and Regulation. Department of the Treasury. June 2009. Mode of access: http://www.treasury.gov/initiatives/Documents/FinalReport_web.pdf

Knaack, Peter. Global Financial Regulatory Reform and Government Networks: Issues of Governance and Capture. Paper presented at the FLACSO-ISA Conference, Buenos Aires 23-25 July 2014. 48 p. Mode of access: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/FLACSO-ISA%20BuenosAires%202014/Archive/fb19d68d-577e-40e0-a1e2-004563f6dd7f.pdf>

McKinstry, Lucy. Regulating a Global Market: the Extraterritorial Challenge of Dodd-Frank's Margin Requirements for Uncleared OTC Derivatives and a Mutual Recognition Solution // Columbia Journal of Transnational Law, 2013, Vol. 51, No. 3, pp. 776-832.

Pagliari, Stefano; Young, Kevin. The Interest Ecology of Financial Regulation: Interest Group Plurality in the Design of Financial Regulatory Policies // Socioeconomic Review, DOI: 10.1093/ser/mwv024.

Slaughter Anne-Marie. A New World Order. Princeton University Press. Princeton and Oxford. 2004. 341 p.

Tarullo, Daniel K. Regulation of Foreign Banking Organizations. Speech at the Yale School of Management Leaders Forum, New Haven, Connecticut, November 28, 2012.

Verdier, Pierre-Hugues. Transnational Regulatory Networks and Their Limits // The Yale Journal of International Law, 2009, Vol. 34, No. 1, pp. 113-172.

Young, Kevin; Pagliari, Stefano. Capital United? Business Unity in Regulatory Politics and the Special Place of Finance // Regulation & Governance, 2015, DOI: 10.1111/rego.12098.

Zaring, David. Finding Legal Principle in Global Financial Regulation // Virginia Journal of International Law, 2012, Vol. 52, No. 3, pp. 683-722.

США В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Василиса Константиновна Кулакова

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 21 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 10 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В мире финансово-экономической взаимозависимости формируется полицентричная, многоуровневая и иерархичная система глобального финансового регулирования. В данной статье освещаются два вектора развития: активизация международного сотрудничества по вопросам унификации финансовых норм в рамках Большой двадцатки, с одной стороны, и сохранение лидирующей роли Соединенных штатов в глобальных финансах – с другой. В условиях глобального кризиса 2008-2009 гг. страны Большой двадцатки инициировали международную реформу финансового регулирования. В соответствии с их решениями международные стандартустанавливающие организации, работающие по сетевому принципу, – Базельский комитет по банковскому надзору, Международная организация комиссий по ценным бумагам и др. – разработали транснациональные режимы регулирования в области банковской деятельности, торговли деривативами и ликвидации финансовых компаний-банкротов, а государства в настоящее время имплементируют эти режимы в своих юрисдикциях. Так называемая «система мягкого права», которая не связывает государства юридическими обязательствами, позволяет им сохранять национальный суверенитет в области финансовой политики. США играют ведущую роль в международной финансовой реформе, а также оказывает значительное влияние на формирование глобальной системы финансового регулирования. Американские ведомства финансового контроля – Федеральная резервная система, Комиссия по ценным бумагам и биржам и др. – активно продвигают экстерриториальное применение американских стандартов финансового регулирования, а также предпринимают другие действия одностороннего характера на международной арене. В статье также затрагиваются вопросы легитимности формирующейся системы глобального финансового регулирования. Самые важные факторы, которые ограничивают возможности повышения ее легитимности, – это чрезвычайно сильное влияние финансовой индустрии на принятие решений в области финансового регулирования, недостаточная активность организаций гражданского общества, а также тот факт, что распространение американских норм на глобальном уровне препятствует укреплению легитимности глобальной системы финансового регулирования.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Формирование институтов и принципов наднационального управления в мировой политике: концепции и деятельность» № 14-07-00050а.</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН e-mail: vasilisa-kulakova@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: финансовое регулирование; глобальная финансовая реформа; сетевое финансовое регулирование; легитимность; финансовый кризис 2008–2009 гг.; экстерриториальное применение законодательства; Закон Додда-Франка о реформе финансового сектора и защите потребителя; лидерство США; Большая двадцатка; трансатлантические отношения.</p>	

Для цитирования: Kulakova V.K. USA in the Emerging System of Global Financial Regulation // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 55-60.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-55-60

For citation: Kulakova, Vasilisa K. USA in the Emerging System of Global Financial Regulation // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 55-60.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-55-60

EUROPEAN UNION PARTICIPATION IN NEGOTIATIONS ON TRANSATLANTIC TRADE AND INVESTMENT PARTNERSHIP

Daria E. Rudenkova

Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21 January 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 25 May 2016</p>	<p>Abstract: This article contributes to the discussion surrounding involvement of interest groups in the political process on the European and global level. My purpose here is to examine how groups of interest can affect EU's role as a global actor and find out which mode of lobbying regulation could strengthen Europe's position in global governance. In this article, I am trying to bind concepts which at first glance might seem quite remote: groups of interests and global governance. By analyzing Europe's position on the Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) and the Trans-Pacific Partnership (TPP), I argue that European ambitions on international arena are undermined by inner tensions. These tensions are mainly caused by discrepancy in positions of different groups of interest who try to influence the outcome of the political process and, thus, make it less stable and predictable. At the same time, adequate lobbying regulation could increase accountability and transparency and, therefore, help to overcome inconsistencies in EU's position in global governance system. The results suggest that without proper backing from inside actors like business groups and civil society associations the EU will constantly wobble and will not be able to fully achieve its global goals.</p>
<p>About the author: Junior Research Fellow of the Department of International Politics, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: rudenkova.daria@gmail.com</p>	
<p>Key words: European Union (EU); Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP); Trans-Pacific Partnership (TPP); groups of interests; lobbying; lobbying regulation.</p>	

Being the second world's largest economy, the EU has been trying to promote its standards, values, norms, and mechanisms at various levels by enhancing foreign trade, institutional cooperation and taking part in global governance. At the same time, the EU's status as a global actor has been in relative decline mainly because of the Eurozone crisis. Therefore, integrated Europe had to lower its appetite and turn back to more practical interests, shifting its focus and ambitions along the scale from idealism to realism. The whole process of negotiations on the TTIP provides us with a clearer vision of Europe's fears and inconsistencies regarding its role in global governance.

This article constitutes an attempt to clarify the essence of the dependency between lobbying regulation within the EU and the

Union's potential to act globally. The first section presents a summary of the EU's approach to global governance. This is followed by study of the TTIP case with the due attention given to the issue of impact of lobbyist and groups of interest and their role in shaping the agreement both in the USA and the EU. The next section applies theoretical framework to practical context and describes different ways for lobbying regulation in the EU and anticipated results of it. Finally, the conclusion sums up the main findings on Europe's position in TTIP negotiations regarding the lack of lobbying regulation in the EU.

EU in global governance

The European aspirations to play an important part in global governance were formulated in time of globalisation, EU's

enlargement and strengthening on the international political arena. The EU has to fortify internal governance in order to be able to promote its principles and ideas of “good governance” in the entire world.¹ It is worth mentioning that the concept of “good governance” lies at the core of the European external strategy together with “effective multilateralism” and “transatlantic partnership.” However, good governance has no clear definition. In general, it covers fundamental principles of state-society interactions and encompasses rules, procedures, interests’ articulation, management of resources, and the way the power is exercised. “Good governance” is aimed at protecting human rights and democratic values, promoting development and reducing inequalities.

The EU is constantly looking for new opportunities to promote its principles of good governance abroad—as it happened, for instance, with Cotonou Agreement in 2000. Europe showed readiness to use trade and foreign policy aid as a means to export its values and to bind issues of trade and development with political ones. Another example is European Neighbourhood Policy which suggests the quality for the EU’s relationships with its neighbouring countries depending on their adherence to European values.²

Another strand in the EU’s strategy of global governance is multilateralism. The concept of multilateralism is challenging in itself. Generally accepted interpretation was given by Robert O. Keohane who considered multilateralism as “the practice of coordinating national policies in groups of three or more states, through ad hoc arrangements or by means of institutions. It thus involves (exclusively) states and often (not exclusively) institutions, defined as ‘persistent and connected sets of rules, formal and informal,

that prescribe behavioural roles, constrain activity, and shape expectations.”³ But understanding of multilateralism could not be complete without such qualitative notions as justice, international obligations under treaties and respect for law.

The EU is strongly committed to the principles of effective multilateralism in the Union’s foreign policy. According to European Security Strategy, an international order should be based on effective multilateralism. Realising its interests, the EU sees its role as a promoter of the European model and systematic attitude on the global level.⁴ This contributes to the EU’s strategic choice.

Transatlantic partnership is another core element of the EU foreign policy. Despite existing divergence between European and American concepts and practices of global governance, transatlantic relations remain ‘irreplaceable’ in fostering the EU’s role as a global actor. A new European Security Strategy proclaims: “The strategic relationship between the European Union and the United States is of primary importance to transatlantic prosperity and stability, with the EU and the USA accounting for over 30% of the world trade and over 50% of global GDP”.⁵ Europe shows its strong commitment to act together with the US not only when dealing with security issues such as international terrorism, weapons of mass destruction, conflict prevention and peace keeping, but also when working on economic and legal issues. Having moved from the policy of “building bridges across the Atlantic” in 1995⁶ to “essential partnership”

¹ Communication from the Commission to the Council, the European Parliament and the European Economic and Social Committee – Governance and development. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52003DC0615>

² Börzel, T. A. Good Governance in the European Union / T.A. Börzel, Y. Pamuk, A. Stahn. P. 8. Mode of access: http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/international/europa/arbeitspapiere/2008-7-Boerzel_et_al_GoodGovernance.pdf

³ Keohane, Robert O. Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*, Vol. 45, No. 4, pp. 732-764.

⁴ European Council. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsupload/78367.pdf>

⁵ European Parliament. Towards a New European Security Strategy? Assessing the Impact of Changes in the Global Security Environment. Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU\(2015\)534989_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU(2015)534989_EN.pdf)

⁶ European Union External Action. The New Transatlantic Agenda-EU-US Summit, Madrid, December 3, 1995 / European Union External Action. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf

in 2011⁷ and then to “unique partnership” in 2014,⁸ today the EU-US relations represent full-featured partnership encompassing non-governmental and parliamentary cooperation.

EU-US cooperation is organised through on-going dialogues on most issues covered by the action plan of the Transatlantic Economic Partnership (TEP) launched in 1998 on London Summit including the Transatlantic Business Dialogue (TABD), the Transatlantic Consumer Dialogue (TACD), the Transatlantic Policy Network (TPN), the Transatlantic Environmental Dialogue (TAED), and the Transatlantic Legislators Dialogue (TALD). These formal structures have contributed to wide engagement of lobbyists, groups of interests, non-governmental organisations and civil society activists. Representatives from firms and corporate lobbyists took part in the work of the Transatlantic Economic Council and advised the European Commission and the US government. From the very beginning, lobbyists were incorporated into the process of negotiations. Deepening transatlantic cooperation facilitated formation of influential transatlantic lobbies both in the EU and the US with whom we are dealing in current TTIP talks.

TTIP as a means to global governance

The US and the EU, taken together, represent over 60% of the global GDP, 33% of the world trade in goods and 42% of the world trade in services in particular. A free-trade agreement between these two largest economies after China would establish the biggest zone of economic integration covering 46% of the world GDP. Despite close economic cooperation between Europe and US, which are very important trade partners for each other, they compete for the global markets and have long-lasting economic conflicts, some of them currently being under the World Trade Organisation (WTO) examination.

⁷ European Union External Action. EU and USA. An Essential Partnership. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/2011_usa_partnership_en.pdf

⁸ European Union External Action. A Unique Partnership. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/2014_eu_us_leaflet.pdf

Some sort of transatlantic free trade area was first proposed by Germany in the 1990s, but at that time it was not appreciated. Later on, in 2006 the German Chancellor Angela Merkel returned to this issue. However, the 2008 financial crisis provoked growing protectionism on both sides of the Atlantic and yet again delayed the beginning of respective negotiations. Finally, in 2011 a group of high-ranking international experts launched the work on preparing recommendations for a wide-ranging free-trade agreement. On February 12th, 2013 the then EU Commission President Jose Manuel Barroso and President Barack Obama officially announced the beginning of talks on the future agreement.

TTIP is more ambitious and expansive than any standard trade agreement. It is divided into 24 chapters, grouped into 3 parts: market access, regulatory cooperation, and rules. The negotiations are mainly focused on the most controversial issues which are tariffs reductions or eliminations, technical barriers to trade (TBT) and non-tariff barriers (NTBs). Potential gains from TTIP depend heavily on the extent to which tariffs, technical barriers and non-tariff barriers are eliminated. The main goal of TTIP is to remove divergent standards between EU and US – which is very ambitious and challenging. Mutual recognition of equivalent rules and standards could lead not only to economic growth of participants but also to setting very important international norms and standards.

An idea of transatlantic economic integration is a far-reaching geopolitical implication that aims at boosting transatlantic economic growth amidst rising threats from China and other emerging economies.⁹ Here, Europe has both positive and negative motivation for closer binding with the USA because the very idea of transatlantic cooperation promises not only economic and political benefits but also guaranty that Europe won't be excluded from the global governance, keeping its market closed for the others and staying aside of the others markets at the same time. By slowing

⁹ Hamilton, Daniel S. *The Geopolitics of TTIP: Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World*. Washington: Center for Transatlantic Relations, 2014. 170 p.

down negotiations on TTIP with the USA, the EU risked to speed up America's talks on TPP and cut itself from the world most important market in twenty years from now.¹⁰ The 11th round of negotiations on TTIP (which took place on 19-23 October 2015 – soon after the draft agreement on TPP was adopted by 12 countries) has showed European concern and readiness to make substantial concessions in order to stay involved in global economic cooperation.¹¹

Lobbying TTIP in Europe

Although aspirations and predicted effects of the free-trade agreement are mostly positive, potential economic gains remain a subject of heated discussions. TTIP affects a huge number of industries, sectors, and enterprises. Not surprisingly, the negotiations launched attracted unprecedented attention and provoked protests from both civil society and certain business structures.

Major European fears stem from the risks of standards harmonization at consumer's expense. Large number of protests were conducted by European farmer's associations who are concerned about competitiveness of high-standard European agricultural sector in comparison to the American one, where genetically modified food and hormones are widely used to make the final price of the product lower. After several rounds of behind-closed-doors EU-US negotiations, the level of social anxiety in Europe was particularly high. Taking into consideration concerns about democratic deficit and the lack of transparency, the Council decided to publish the European Commission's mandate and make the whole process more open. The Commission launched public consultations, and several groups of experts under DG Trade and DG Enterprise tried to enroll players affected by TTIP. Now business groups, trade unions, consumer, health and other interest groups were granted an opportunity to express their position and concerns. Along with that, in November 2014

¹⁰ Ibid.

¹¹ Bercero, Ignacio G. Statement by EU Chief Negotiator. TTIP Round 11. Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153910.pdf

the new European Trade Commissioner Cecilia Malmström promised that civil society would be more involved into the TTIP negotiations.¹²

The whole TTIP issue became a subject of heavy media coverage in Europe. Widely known internet resources like *EurActive.com*, *corporateeurope.org*, and lots of others published series of reports or report-like investigations dedicated to TTIP and its ill effects. They launched an anti-TTIP campaign which resulted in civil interest being mobilized. Self-organised European citizen's initiative against TTIP called "STOP TTIP" is worth mentioning here. This initiative was officially refused a registration under the European Commission¹³ but they continue their outside lobbying campaign along with gathering signatures contra TTIP. One of the major arguments voiced by "STOP TTIP" campaign leader Pia Eberhardt is that Commission officials, who were not democratically elected, have the right to decide on agreement that contradicts the principles of democracy and affects every single European citizen. Moreover, Commission is suspected of conducting behind-the-closed-door negotiations with business lobbyists, sacrificing democratic rights to satisfy corporate interests. Under harsh criticism Commission had to announce open consultations on TTIP. But almost a year after the Commissioner Malmström's claim, the consultation policy on TTIP has not become less business-biased. Out of the total number of meetings with groups of interest, only 16,7% are held with the public interest groups and only one out of five business lobbyists registered, which can easily be checked by analyzing the list of the Commissioner's meetings.

It is difficult to deny the fact that organised civil interest groups can make a real impact on perceptions of TTIP by the public and officials.

¹² European Parliament. TTIP 'Fresh Start' Means More Clarity, Debate, and Realism, Malmström Tells MEPs (2012). Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/content/20141201IPR81714/html/TTIP-%E2%80%9C9CFresh-start%E2%80%9D-means-more-clarity-debate-and-realism-Malmstr%C3%B6m-tells-MEPs>

¹³ European Commission. Refused Request for Registration – European Citizens' Initiative. Mode of access: <http://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/initiatives/non-registered/details/2041>

The issue of the effectiveness of public groups' ability to shape opinion can be additionally clarified by analyzing the example of the Anti-Counterfeiting Trade Agreement (ACTA) defeat. By the Treaty of Lisbon, the European Parliament was given the right to approve or reject international trade agreements. ACTA is a curious case when a campaign initiated by a small number of citizen groups against the agreement ratification in the EP turned out to be successful. The TTIP scenario does not have to be exactly the same, but still is a good example to show the influence of civil groups and possible outcome of interest mobilisation.

US position on TTIP

In the USA the TTIP issue receives less public attention and is definitively perceived not as negatively as in Europe. Americans do not seem to be concerned with consumer protection weakening as much. Instead of that, major US worries circle around possible erosion of the US energy advantage and of weakening the US financial regulation. The United States were hardly hit by the recession caused by the 2008 financial crisis and want to exclude another overheating of markets and to prevent risky transactions. Now that the American economy shows signs of improvement, no serious agreement is to jeopardize the hard-won and delicate economic balance. Another sensitive issue is the US energy market. Shale gas boom, along with improvements in technology and efficiency, make it possible to keep the price on energy resources considerably low. Exporting liquefied natural gas would make the prices higher, anyway.

The interests of huge transnational American companies are articulated by the American Chamber of Commerce, which is the most powerful pro-TTIP lobby group. The main national discussion on TTIP is concentrated within the Senate which includes 'trade liberalisers', 'fair traders' and 'trade skeptics'. Despite that division, the Senate is generally considered to be in favour of the TTIP.

It should be mentioned that lobbying regulation and practice of interest representation in the USA is different from the one in the EU. Lobbyists and groups of interest traditionally play an active role in the American decision-

making processes, and the regulation of their activity is much stricter, than in Europe. According to the Lobbying and Disclosure Act of 1995, all lobbyists are required to register with the Clerk of the House and the Secretary of the Senate and to provide semiannual reports of their activities and expenditures. Lobbying activity in general is highly controversial and is often negatively depicted in mass media. At the same time, this occupation is subject to extensive rules and regulations which can lead to prosecution, if not followed. It is worth mentioning that, in contrast to Europe, in the US officials are not allowed to conduct meetings with non-registered lobbyists.

Professional lobbyists form a layer between officials and civil servants, on the one hand, and business associations and trade union, on the other hand. The activity of professional lobbyists is interpreted as the right for free speech, which is constitutionally protected by the First Amendment of the American Constitution. The US faces its own challenges regarding immense number of lobbyists and growing lobbying budgets, but it is hard to deny that this kind of tightly regulated interest representation system works well, when it concerns consolidation of public position on an issue and then finding a compromise in the Congress, which enables the American government to act in a cohesive way.

For the US TTIP is equally a question of geostrategic importance. Congressional debates on TTIP usually focus on general topics – like overall economic impact and implications for global governance and international standards. Creating new global norms, technical standards, and regulatory convergence is meant to boost the US economy along with the EU one and to confront growing Asian influence, which threatens US positions in the global arena. During negotiations, the Congress has referred to the situation in Ukraine as a reason to pursue transatlantic efforts to help its macro-economic revitalisation. If signed, TTIP will definitively have a serious impact on the future of global economy and on multilateral structures, like the World Trade Organisation. Therefore, neither US, no EU want to stay on the sidelines of this agreement.

In the meantime, the USA is conducting negotiations with Asia-Pacific countries on the Trans-Pacific Partnership – a full-fledged alternative to TTIP in creating the biggest free-trade area. This agreement was drafted on 5 October 2015 after 7 years of negotiations and is now under ratification by its 12 signatories.

Democratic deficit in the European Union

European Commission is constantly engaged in designing various initiatives in order to increase participation of interests groups, particularly NGOs, in politics and therefore to increase the level of the democratic legitimacy of the EU: “Regulation of lobbyists refers to the notion that there should be rules which the interest groups must abide by when trying to influence public decision-making”.¹⁴ However, during TTIP negotiations the Commission has faced harsh criticism for the lack of transparency in the ways interest groups and particularly corporate lobbyists participate in policy-making process.

A democratic political system should envisage regulation of political actors’ behaviour, and the EU cannot be an exception here. Lobbying regulation is particularly important, because the political system of the EU is characterized by high degree of reliance on civil society. It is widely agreed, that lobbying regulation has two major aspects: public officials’ behaviour and lobbyists’ code of conduct. Speaking of lobbying regulation, I consider both of these notions. Bringing together theoretical considerations on democratic deficit with lobbying regulation approaches, I argue that an adequate regulation of interest groups’ representation increases accountability and transparency and, therefore, can be considered a method of dealing with democratic deficit and contributing to consolidation of Europe’s position on international arena.

A clear definition of democratic deficit is given by Beetham, who says that democracy is about popular control and political equality.¹⁵

¹⁴ Kanol, Direnc. Should the European Commission Enact a Mandatory Lobby Register? // *Journal of Contemporary European Research*, 2012, Vol. 8, No. 4, pp. 522.

¹⁵ Beetham, David. *Democracy and Human Rights*. Cambridge: Polity Press, 1994. Pp. 4-5.

Both concepts require accountability which is the key element in any democratic system, be it national or supranational. In a democratic system of governance, rulers should be accountable for their actions as they defend public interests and represent people who have elected them. Here we come to the second major characteristic feature of democracy which is transparency. It is obvious that transparency itself is presupposed by accountability. Lack of transparency compromises accountability.¹⁶ There might be plenty of other more sophisticated designs of democratic systems depending on interpretations, positions and scholars’ opinions. But talking about democracy in respect to the EU, while trying to not compromise any of the complexity of interest representation practices, would only make it tangled.

The issue of the democratic deficit in the European Union seems to have been there forever. Yet there is no common attitude to it among scholars. On the one hand, we have such prominent intellectuals as Giandomenico Majone and Andrew Moravcsik, who argued that the EU should not necessarily meet all the expectations in what is considered to be democratic, meaning that the EU is already as democratic as it could, or should, be. On the other hand, there is a polar point of view, articulated by Simon Hix, who called the EU policy-making an “enlightened form of benevolent authoritarianism”.¹⁷ Most researchers’ position falls somewhere in-between.

A “standard version” of democratic deficit elaborated by Weiler and his colleagues¹⁸ and, later, by Simon Hix still reflects the EU situation today. Five major claims, described by Simon Hix and Andreas Follesdal, are still relevant, though reforms under the Treaty of

¹⁶ Gustavsson, Sverker. *The Illusion of Accountability in the European Union* / Sverker Gustavsson, Christer Karlsson, Thomas Persson. New York: Taylor & Francis. P. 144.

¹⁷ Jans, Theo. *The Role of National Parliaments in European Decision-Making* / Theo Jans, Sonia Piedrafitra. P. 534. Mode of access: http://www.eipa.eu/files/repository/eipascope/20090709111616_Art3_Eipascoop2009_01.pdf

¹⁸ Weiler, Joseph H.H. *European Democracy and Its Critique* / Joseph H.H. Weiler, Ulrich R. Haltern, Franz Mayer // *West European Politics*, 1995, No. 18(3), pp. 4-39.

Lisbon came into force.¹⁹ Obviously, we are witnessing “an increase in executive power and a decrease in national parliamentary control”²⁰ which became especially problematic in light of the Eurozone crisis.

One would argue that growing role of the European Parliament is a step forward on the path to a more democratic Union. There is a clear tendency of the enforcement of the European Parliament’s role that has been described by democratic deficit scholars since the mid-1980s. The Lisbon Treaty extended Parliament’s legislative power, making it a lawmaker equal to the Council. Among other important decision-making procedures and budgetary powers, the role of Parliament is bolstered by the election of the President of the Commission.

Finally, there is a clear tendency of a neo-liberal “policy drift” on the supranational level. The EU takes political decisions that are not popular in member states. The whole institutional system of the EU empowers governments to conduct policies at the European level that they could hardly follow at the national level, because at the domestic level they are controlled by national political actors like parliaments, courts, groups of civil and corporate interests. Common Agricultural Policy and the Single Market regulation may be good examples here. Such a “policy drift” is highly criticized by most social democratic scholars for the lack of transparency, lack of accountability²¹ and absence of groups of interest’ from the decision-making process.²²

Conclusion

Among all European institutions, the Commission has been criticized for the lack of transparency more than the others have.²³ Therefore, from the late 1990`s The European Commission launched several new initiatives trying to fix the issue of its technocratic lack of accountability. It has deliberately drawn groups of interests in capacity of experts into decision-making process, both to compensate the lack of democratic participation and improve the effectiveness of policy outcomes.²⁴

Today’s situation has not changed dramatically, except for the post of the Commission’s President who is to be elected by the European Parliament according to the Treaty of Lisbon. The Commission has also launched new initiatives to grant access for those lobbyists who are able to provide them with technical expertise on issues that exceed competences of its members.²⁵ As Henri Hauser notes, “By involving a range of public and private interests in discussions concerning policy initiatives, the Commission circumvents “obstruction of national governments”.”²⁶ Interest groups’ participation in the decision-making process allows the Commission to find a consensus among key stakeholders. At the same time, the analysis of TTIP negotiations has shown that the lack of proper normative regulation of lobbying in the EU creates misbalance in the system of interests’ representation which lead to social tensions and undermines positions of the EU as

¹⁹ Follesdal, Andreas. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik / Andreas Follesdal, Simon Hix // *Journal of Common Market Studies*, 2006, Vol. 44, No. 3, p. 533.

²⁰ Follesdal, Andreas. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik / Andreas Follesdal, Simon Hix // *Journal of Common Market Studies*, 2006, Vol. 44, No. 3, p. 534; Willis, Andrew. EU Lobby Register Blasted as Wildly Inaccurate. P. 19. Mode of access: <https://euobserver.com/news/30910>

²¹ Cini, Michelle. European Union politics / Michelle Cini, Nieves P.-S. Borragan. New York: Oxford University Press, USA. Pp. 377-389.

²² Scharpf, Fritz. W. Governing in Europe: Effective and Democratic? Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 72-89.

²³ Featherstone, Kevin. Jean Monnet and the Democratic Deficit in the European Union // *International Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32(2), p. 154; Keohane, Robert O. Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*, Vol. 45, No. 4, p. 180; Heard-Lauréote, Karen. European Union Governance: Effectiveness and Legitimacy in European Union Commission. London: Taylor & Francis Group, 2010. Pp. 31-33.

²⁴ Gustavsson, Sverker. The Illusion of Accountability in the European Union / Sverker Gustavsson, Christer Karlsson, Thomas Persson. New York: Taylor & Francis. Pp. 25-29.

²⁵ Hauser, Henry. European Union Lobbying Post-Lisbon: An Economic Analysis // *Berkeley Journal of International Law*, 2011, Vol. 29, No. 2, p. 689.

²⁶ Ibid. P. 696.

a global actor. Here we come to the conclusion that the only way to decide who merits participation in the political process is at least proper legal regulation of access for lobbyists. While self-regulation of lobbying activity has already shown its ineffectiveness.²⁷

As Chari has noticed, “The basic rationale behind implementing regulations is that the public should have some insight into, as well as oversight of, the mechanisms that draw lobbyists into the policy-making environment, in order to better understand how they influence policy outputs”.²⁸ Enacting a mandatory lobbying register could increase the level of transparency and accountability. Mandatory lobbying registration could make it clear who is lobbying and for what. Introduction of penalizing codes of conduct for lobbyists could also increase the level of transparency and accountability in the Commission and promote political equality. The process of TTIP negotiations shows the need for open democratic debate which is only possible along with lobbying regulation. All these measures could help the EU to make its position more substantive, stable and predictable which is an indispensable condition for action on the global level.

On the whole, the EU represents a complex public-sector organizational system with its own specific features and unique path of development. In this article I wanted to examine an impact of interest representation and lobbying regulation on the outcome of multifaceted negotiations and shaping the global governance. Stricter lobbying regulation can contribute to strengthening the EU’s position on the global level as it was shown by analyzing TTIP case. For now, we may assume that lobbying regulation could foster coherence

inside Europe and thus improve its performance in global governing which is essential for the EU especially taking into consideration the USA’s intentions to switch on Asian partners for closer cooperation.

Литература / References:

Beetham, David. Democracy and Human Rights. Cambridge: Polity Press, 1994. 240 p.

Bercero, Ignacio G. Statement by EU Chief Negotiator. TTIP Round 11. Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153910.pdf

Börzel, Tanja A. Good Governance in the European Union / Tanja A. Börzel, Yasemin Pamuk, Andreas Stahn. Mode of access: http://www.polsoz.fu-berlin.de/polwiss/forschung/international/europa/arbeitspapiere/2008-7-Boerzel_et_al_GoodGovernance.pdf

Chari, Raj S. Regulating Lobbying: A Global Comparison / Raj S. Chari, John Hogan, Gary Murphy. Manchester: Manchester University Press, 2010. 208 p.

Cini, Michelle. European Union politics / Michelle Cini, Nieves P.-S. Borragan. New York: Oxford University Press, USA. 485 p.

Communication from the Commission to the Council, the European Parliament and the European Economic and Social Committee – Governance and development. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52003DC0615>

European Commission. Refused Request for Registration – European Citizens’ Initiative. Mode of access: <http://ec.europa.eu/citizens-initiative/public/initiatives/non-registered/details/2041>

European Council. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsupload/78367.pdf>

European Parliament. TTIP ‘Fresh Start’ Means More Clarity, Debate, and Realism, Malmström Tells MEPs (2012). Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/content/20141201IPR81714/html/TTIP-%E2%80%9Cfresh-start%E2%80%9D-means-more-clarity-debate-and-realism-Malmstr%C3%B6m-tells-MEPs>

European Parliament. Towards a New European Security Strategy? Assessing the Impact of Changes in the Global Security Environment. Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU\(2015\)534989_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU(2015)534989_EN.pdf)

European Union External Action. The New Transatlantic Agenda-EU-US Summit, Madrid, December 3, 1995 / European Union External Action. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf

European Union External Action. EU and USA. An Essential Partnership. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/2011_usa_partnership_en.pdf

European Union External Action. A Unique Partnership. Mode of access: http://eeas.europa.eu/us/docs/2014_eu_us_leaflet.pdf

Featherstone, Kevin. Jean Monnet and the Democratic Deficit in the European Union // *Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32(2), 154 p.

Follesdal, Andreas. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik / Andreas

²⁷ Kanol, Direnc. Should the European Commission Enact a Mandatory Lobby Register? // *Journal of Contemporary European Research*, 2012, Vol. 8, No. 4, p. 324; Jans, Theo. The Role of National Parliaments in European Decision-Making / Theo Jans, Sonia Piedrafitra. P. 4. Mode of access: http://www.eipa.eu/files/repository/eipascope/20090709111616_Art3_Eipascope2009_01.pdf

²⁸ Chari, Raj S. Regulating Lobbying: A Global Comparison / Raj S. Chari, John Hogan, Gary Murphy. Manchester: Manchester University Press, 2010. P. 2.

Follesdal, Simon Hix // *Journal of Common Market Studies*, 2006, Vol. 44, No. 3, pp. 533-562.

Greenwood, Justin. The Lobby Regulation Element of the European Transparency Initiative: Between Liberal and Deliberative Models of Democracy // *Comparative European Politics*, 2011, Vol. 9, No. 3, pp. 1317-1343.

Greenwood, Justin. Interest Representation in the European Union. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2011. 288 p.

Gustavsson, Sverker. The Illusion of Accountability in the European Union / Sverker Gustavsson, Christer Karlsson, Thomas Persson. New York: Taylor & Francis. 208 p.

Hamilton, Daniel S. The Geopolitics of TTIP: Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington: Center for Transatlantic Relations, 2014. 170 p.

Hauser, Henry. European Union Lobbying Post-Lisbon: An Economic Analysis // *Berkeley Journal of International Law*, 2011, Vol. 29, No. 2, pp. 680-709.

Heard-Lauréote, Karen. European Union Governance: Effectiveness and Legitimacy in European Union Commission. London: Taylor & Francis Group, 2010. 264 p.

Jans, Theo. The Role of National Parliaments in European Decision-Making / Theo Jans, Sonia Piedrafitra. Mode of access: http://www.eipa.eu/files/repository/eipascope/20090709111616_Art3_Eipascope2009_01.pdf

Kanol, Direnc. Should the European Commission Enact a Mandatory Lobby Register? // *Journal of Contemporary European Research*, 2012, Vol. 8, No. 4, pp. 519-529.

Keohane, Robert O. Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*, Vol. 45, No. 4, pp. 732-764.

Kohler-Koch, Beate. The transformation of Governance in the European Union / Beate Kohler-Koch, Rainer Eising. London: Routledge, 1999. 306 p.

Messlerlin, Patrick. The TPP and the EU Policy in East Asia (China Mainland Excluded). Mode of access: <http://ecipe.org/publications/tpp-and-eu-policy-east-asia-china-mainland-excluded/>

Scharpf, Fritz. W. Governing in Europe: Effective and Democratic? Oxford: Oxford University Press, 1999. 256 p.

Weiler, Joseph H.H. European Democracy and Its Critique / Joseph H.H. Weiler, Ulrich R. Haltern, Franz Mayer // *West European Politics*, 1995, No. 18(3), pp. 4-39.

Willis, Andrew. EU Lobby Register Blasted as Wildly Inaccurate. Mode of access: <https://euobserver.com/news/30910>

УЧАСТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПЕРЕГОВОРАХ О ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОМ ТОРГОВОМ И ИНВЕСТИЦИОННОМ ПАРТНЕРСТВЕ

Дарья Эдуардовна Руденкова

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 21 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 25 мая 2016 г.</p>	<p>Аннотация: Европейский союз является одним из крупнейших участников мировой экономики, что в какой-то мере оправдывает его стремление продвигать свои стандарты и ценности по всему миру. В то же время амбиции ЕС играть одну из ведущих ролей в глобальном хозяйственном управлении наталкиваются на внутренние противоречия – как среди стран-участниц, так и среди представителей деловой среды. Анализ процесса переговоров по Трансатлантическому торгово-инвестиционному партнерству (ТТИП) показывает, что, по сравнению с США, отсутствие у ЕС консолидированной позиции ставит его в невыгодное положение и вынуждает тратить немалые ресурсы для поиска компромисса между группами интересов и гражданским обществом, которые разделены на сторонников и противников заключения ТТИП. Вместе с тем, для интегрированной Европы партнерство с США крайне важно с геополитической точки зрения, поскольку позволит сдерживать или, по меньшей мере, конкурировать с растущим влиянием стран Азиатско-тихоокеанского региона, а также утвердиться в статусе актора глобального хозяйственного управления. Однако для США создание зоны свободной торговли с ЕС не является единственно возможным выбором: параллельные переговоры по заключению Транстихоокеанского партнерства (ТТП) продвинулись гораздо дальше – 5 октября 2015 г. стороны достигли компромисса по предварительному варианту соглашения, который, в случае ратификации, поставит единый европейский рынок в крайне невыгодное положение и сделает неустойчивыми позиции ЕС в глобальном управлении. Для ЕС представляется крайне важным ввести регулирование лоббизма на европейском уровне, что не только сделало бы более прозрачным процесс принятия решений, но и предоставило бы равный доступ и право донести свое мнение заинтересованным группам интересов до европейских институтов. В отсутствие регулирования представительства интересов ЕС имеет ограниченные возможности консолидировать позиции своих внутренних акторов, что негативно сказывается на его положении в качестве глобального актора и вынуждает умерить свои запросы в переговорах с США.</p>
<p>Об авторе: Младший научный сотрудник, Отдел международно-политических проблем, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН e-mail: rudenkova.daria@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: финансовое регулирование; Европейский союз (ЕС); Трансатлантическое торгово- инвестиционное партнерство (ТТИП); Транстихоокеанское партнерство (ТТП); группы интересов; лоббисты; регулирование лоббизма.</p>	

Для цитирования: Rudenkova D.E. European Union Participation in Negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnership // *Сравнительная политика.* – 2016. – № 3. – С. 61-70.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-61-70

For citation: Rudenkova, Daria E. European Union Participation in Negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnership // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 61-70.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-61-70

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-71-84](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-71-84)

EUROPEAN UNION IN GLOBAL CLIMATE GOVERNANCE: TO PARIS AND BEYOND

Ekaterina V. Savorskaya

*Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21 January 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 17 June 2016</p>	<p>Abstract: Since the 1990s, the European Union is aspiring global leadership in the area of climate change, which is reflected in its active participation in the negotiations on the international climate change regime. However, those ambitions have not always turned out to be appropriate or justified. Despite the fact that the European Union was able to achieve certain results during the Kyoto Protocol negotiations and even more significant results in the process of its ratification, for the most part EU negotiation strategy based on normative considerations, had not been successful, it was especially evident during the 2009 United Nations Climate Change Conference in Copenhagen. Partly the disappointing results of EU performance during the Copenhagen negotiations are to be blamed on some of the key features of EU functioning logic, for example, the overall tendency to rely on scientific evidence in policy-making, which did not allow the EU to assess other parties' interests adequately. As the results of the negotiations of parties to the UNFCCC in December 2015 in Paris have shown, the European Union did manage to work out its previous mistakes and build a broad informal international coalition. Contrary to the pessimistic expectations, the agreement was adopted and it took into account quite a few of the EU proposals. However, the Paris Treaty has a number of flaws and inaccuracies, so the ability to eliminate them in a timely manner by the international community and the EU in particular, will determine the future of the new international climate change regime.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Research Fellow of the Department of International Politics, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of International Organizations and World Politics, School of World Politics, Moscow State University</p> <p>e-mail: esavorskaya@gmail.com</p>	
<p>Key words: European Union; EU; global governance; climate change; international climate; change regime; COP; Paris Agreement</p>	

Over the past few decades, the international community has faced increasingly destructive effects of human activity on the environment, among which climate change has become one of the most debated issues, not only among environment specialists, but also among policy-makers and civil society groups.

According to the United Nations Environment Programme (UNEP) data, the average surface temperature has already risen by 0,89°C from 1901 to 2012,¹ while 2014 has become the hottest

year since the beginning of observations.² Among other possible effects of global climate change one should point out the transformation of global and regional hydrological cycles, increased intensity of extreme weather events and natural disasters, accelerated glaciers' melting, reduced ice and snow depth (including permafrost), the rise of the sea-level, changes of ecosystems' characteristics. Without adequate measures undertaken on the international level, these trends are likely to develop further in mid- and longer-

¹ Annual Report 2014 / UNEP, 2014. Mode of access: http://www.unep.org/annualreport/2014/ru/pdf/ru_UNEP_Annual_Report_2014.pdf

² Blunden, Jessica. State of the climate in 2014 / Jessica Blunden, Derek S. Arndt // *Bulletin of the American Meteorological Society*, 2015, Vol. 96, No. 7, pp. ES1–ES32.

term perspective, as well as dramatically affect the international relations.

Back in the 1972, the UNEP has laid the basis for international coordination in the field of environmental governance. In 1976, the World Meteorological Organization released its first assessment report, exposing the anthropogenic causes of climate change.³ The main findings of this report were afterwards confirmed by the report of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) in 1990.⁴ Subsequently, the evaluations and conclusions of the latter report were incorporated into fundamental international treaties that form the legal basis of modern international climate change regime: the UNFCCC, signed at the “Earth Summit” in Rio de Janeiro in 1992, entered into force in 1994, and the Kyoto Protocol on Climate Change to the UNFCCC,⁵ in 1997, entered into force in 2004. These documents define the essential measures to combat climate change.

It is particularly interesting to analyze the role of the European Union in the development of global climate change regime. While in the 1970s the EEC countries were developing their own environmental practices, following in the wake of the environmental leader of that time (the US),⁶ by the 1990s the EU itself was widely perceived as a valid actor in the sphere of international environmental policy. Moreover, when matters of global climate change were considered, the European Union was now internationally recognized as a global leader.

It is also very important to mention here, that European Union studies require application of slightly different theories, than

those of national states. In this article we will be using organization theory approach that will allow us to look into some of the functioning logic of the European Union climate policy, bearing in mind, that the EU is an exceptional example of a very deep regional integration and thus can neither be considered a state, nor an organization. Essentially, it is something in between.

The EU climate change policy relies on the principles of multilateralism and international law, commitment to sustainable development, and the precautionary principle.⁷ The EU promotes the principle of effective multilateralism, i.e. it seeks to sign multilateral treaties that could improve the efficiency of international cooperation in response to various global challenges. In terms of climate change policy, such efforts are justified by the impossibility to limit the greenhouse gas emissions within the borders of the EU only, as it will not provide the desired effect on the global scale. According to the Netherlands Environmental Assessment Agency 2014 Report, 28 EU Member States, taken together, are responsible for 11% of the total amount of greenhouse gas emissions, while, for example, China emits 29%, US – 15%, India – 6%, Russia – 5% and Japan – 4%.⁸ Therefore, in order to reduce the emissions by the amounts recommended by the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), a collective action of all states (or at least the major emitters among them) is required.

All the EU Member States are committed to sustainable development, as it appears to be one of the major guiding principles of the EU’s policies. Sustainable development involves a balance between three policy areas: economic development, social equity and environmental protection.

³ Kellogg William W. *Effects of Human Activities on Global Climate: a Summary, with Consideration of the Implications of a Possibly Warmer Earth*. Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1976.

⁴ First IPCC Assessment Report. Overview Chapter, 1990. Mode of access: https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf

⁵ Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change, 1998. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>

⁶ Bretheron, Charlotte. *The European Union as a Global Actor* (2nd ed.) / Charlotte Bretheron, John Vogler. London: Routledge, 2006.

⁷ Van Schaik, Louise. Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor? / Louise Van Schaik, Simon Schunz // *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 169–186.

⁸ Trends in global CO2 emissions: 2014 Report / PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2014. Mode of access: http://edgar.jrc.ec.europa.eu/news_docs/jrc-2014-trends-in-global-co2-emissions-2014-report-93171.pdf

The precautionary principle deserves special consideration, since it reflects the general tendency to rely on scientific and expert data during policy formulation due to the need to find compromise between a large number of Member States, with often conflicting national interests. Even though the precautionary principle may be named amongst guiding principles for the European Union environmental policy since 1991, when it was included in the EU treaties, it was never fully defined by the EU. Some insights on this principle may be found in the Communication from the Commission from 2 February 2000, which states that it will be applied to situations “where scientific information is insufficient, inconclusive, or uncertain and where there are indications that the possible effects on the environment, or human, animal or plant health may be potentially dangerous and inconsistent with the chosen level of protection”.⁹ It is also stressed in this document, that the use of the precautionary principle must not lead to discriminative or inconsistent policy, moreover – the policy measures must be reexamined and if necessary modified when new scientific data becomes available.

In addition to adhering to the precautionary principle in domestic policy, the EU is actively promoting its implementation on the global level. In particular, it was included in the UNFCCC. The European Union’s cooperation with the IPCC may serve as an example of practical implementation of this principle. In 1996, the EU defined its vision of the objectives and actions required to reduce the greenhouse gas emissions, based on the IPCC data, which, in particular, included the goal to prevent global surface temperature rise above 2 degrees Celsius compared to pre-industrial levels. The Council of the EU confirmed the 2-degrees target in 2005. According to Van Schaik and Shunts, despite the fact that this target was based on somewhat uncertain scientific evidence, choosing a target, expressed in a simple number, seemed politically and functionally justified. It allowed to develop precautionary measures, based on a model, that

connected the global temperature rise to the concentration of the greenhouse gas emissions in the atmosphere, which in turn were regularly monitored by the IPCC.¹⁰

In addition to the aforementioned guiding principles, one may certainly find common interest of the Member States serving as the drivers of the EU climate change policy. First of all, the development and introduction of renewable and alternative energy technologies, as well as improvement of the energy efficiency can help to reduce the dependence of the EU on imported fossil fuels, which connects the issue of combating climate change to energy security. Secondly, the development and introduction of innovative and environmentally friendly energy technologies, in addition to the obvious benefits for the environment, enables the EU to achieve significant competitive advantage in the future, as an exporter of developed technologies. Additionally, these actions may include many co-benefits, such as the reduction of potential costs of eliminating the impacts of climate change and benefits to health and ecosystems. According to the 2015 estimates, the monetary value of reduced import of fossil fuel could be around 500 billion Euros by the year 2030. Moreover, co-benefits to healthier life conditions from reduced air pollution on their own could prevent 6000 premature deaths per year by 2030.¹¹ Thirdly, as S. Shunz points out, the EU climate change policy and actions in the field on the global level came in very handy, providing some justification for the further integration.¹²

¹⁰ Van Schaik, Louise. Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor? / Louise Van Schaik, Simon Schunz // *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 169-186.

¹¹ Day, Thomas; Gonzales, Sofia. Assessing the Missed Benefits of Countries’ National Contributions: Quantifying Potential Co-benefits / Thomas Day, Niklas Höhne, Sofia Gonzales. Cologne, New Climate Institute. 2015. Mode of access: <https://newclimateinstitute.files.wordpress.com/2015/10/cobenefits-of-indes-october-2015.pdf>

¹² Schunz, Simon. Beyond Leadership by Example: Towards a Flexibly EU Foreign Climate Policy / Working Paper. Global Issues Division. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2011.

⁹ Communication from the Commission on the precautionary principle. Commission of the European Communities. COM 1 final, 2000. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2000:0001:FIN:en:PDF>

When speaking about the legal basis of European Union's climate change policy, one should mention that environmental issues lie within the area of the shared competence of the EU and its Member States (with the exception of the conservation of marine biological resources under the Common Fisheries Policy which belongs to the exclusive competences), i.e. the Member States have the right to exercise their competence only in so far as the European Union has not already done so.¹³ The international agreements in the field of environmental protection are to be signed both by the EU and its Member States. The legal obligations undertaken by the European Union within the framework of international agreements on environmental protection and climate change complement those of the Member States. In the case of non-compliance with any of the provisions of a respective treaty, such as, for example, any commitments to reduce greenhouse gas emissions by 8%, pledged in the Kyoto Protocol, the responsibility lies not only on the European Union, but also on the individual Member States that failed to meet their obligations. After the ratification, such international agreements become an integral part of the EU law. The responsibility to monitor their implementation and settle any possible disputes falls within the jurisdiction of the Court of Justice of the European Union.¹⁴

The EU is recognized as a rightful participant the international climate change regime in accordance with Article 22 of the UN Framework Convention on Climate Change, which states, that "Regional Economic Integration Organizations" are allowed to participate in all activities on the same terms as the national states.¹⁵ Therefore,

¹³ The Treaty on the Functioning of the European Union, TFEU // *Official Journal of the European Union*. 2008/C115/47 (09.05.2008). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:-2008-:115:0047:0199:EN:PDF>

¹⁴ Tabau Anne-Sophie. Non-Compliance Mechanisms: Interaction between the Kyoto Protocol System and the European Union / Anne-Sophie Tabau, Sandrine M. Dubois // *European Journal of International Law*, 2010, Vol. 21, No. 3, p. 750.

¹⁵ United Nations Framework Convention on Climate Change, 1992. Mode of access: https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf

the EU presence in the international climate regime also complements that of the Member States, which in turn gives rise to a number of problems that other international actors do not have. Although the shared competence in the field of environmental protection is a purely internal phenomenon for the EU, it often creates many difficulties for third parties and the EU itself. It dictates the need to harmonize the interests of individual Member States, as well as to articulate a common European position prior the negotiations.¹⁶ In case the common position does not fully meet the national interests of one of the Member States, according to the UNFCCC principles, they are free to present them individually. This, however, contradicts the logic of the functioning of the EU.

Since the 1990s, the European Union pretends for a leading role in the global climate change governance by actively participating in the negotiations on the international climate change. As some European authors suggest, an important element of the EU strategy was to develop internal mechanisms to combat climate change, which were to become a role model for the international community,¹⁷ as well as to promote fundamental principles and rules specific for its own perception of required measures to combat climate change on the international level.

During the UNFCCC and the Kyoto Protocol negotiations, the EU managed to become one of the key players in the process, despite periodic internal disagreements (in particular, according to S. Oberthür, the European Commission has been deprived of the right to represent the EU

[ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf](https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf)

¹⁶ Pavese Carolina B. The Contribution of the European Union to Global Climate Change Governance: Explaining the Conditions for EU Actorness / Carolina B. Pavese, Diarmuid Torney // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2012, Vol. 55, pp. 125-143.

¹⁷ Kelemen R. Daniel. Globalizing European Union Environmental Policy // *Journal of European Public Policy*, 2010, Vol. 17, No. 3, pp. 335-349; Parker Charles F. Climate Change and the European Union's Leadership Moment: An Inconvenient Truth? / Charles F. Parker, Christer Karlsson // *Journal of Common Market Studies*, 2010, Vol. 48, No. 4, pp. 923-943.

in the negotiations under the UNFCCC).¹⁸ From 1995 to 1997, the European Union was generally successful in asserting its vision of the Kyoto Protocol goals, particularly in terms of commitments to reduce the greenhouse gas emissions, taken by developed countries (8% for the EU, 7% for the United States and 6% for Japan). At the same time, the EU made a limited impact on the formulation of most of the Protocol mechanisms, in particular with regard to the adoption of its “flexible mechanisms”,¹⁹ which were pushed into the agreement by the United States.²⁰ In its internal policy, the EU did not adopt the carbon/energy tax, on which the Member States have failed to work out a common position in 1992.²¹

In 2001 it became evident that the United States have abandoned the idea to ratify the Kyoto Protocol and began attempts to refocus climate change actions from global to regional level (e.g., by promoting such platforms as the Asia-Pacific Partnership on Clean Development and Climate Change).²² The EU, in its turn, made considerable efforts to counter such attempts.

The EU actively negotiated with all the parties to the Kyoto Protocol in order to accelerate the ratification process and to prevent the collapse of the newly formed climate change regime. By doing so, the European Union, according to some of the authors, has gained the fame of the Kyoto Protocol’s savior.²³

The EU has also put a lot of effort to convince such countries, as the Russia and Japan, to ratify the Kyoto Protocol, so that it would initially enter into force by 2005 despite the US actions. The price for the ratification was rather high: the EU had to comply with weakened accounting rules, which was more favorable for Canada, Russia and Japan, and the lack of restrictions on the use of “flexible mechanisms”. Since the beginning of the 2000’s states with growing economies, such as Brazil, India and China, started playing a more prominent role in the negotiations on the international climate change regime. This fact has not been ignored by the EU, and after 2005 it launched bilateral dialogue processes and signed bilateral agreements on cooperation in the climate field with Australia, Brazil, Canada, India, Mexico, Russia, the USA, South Africa and Japan in order to provide some support for internal European climate change policy development and, more importantly, to stand a chance to influence the negotiating position of these countries.

It seemed that in 2009 the American administration of the newly elected Barack Obama was ready to support the EU global climate change policy vision at the 15th Conference of the Parties to the UNFCCC in Copenhagen. The goals were indeed ambitious, as the EU hoped to sign a new, legally binding international agreement on climate for the period after 2012. Given the importance of the talks, the negotiation process was carried out on three levels, instead of the usual two: at the level of working groups, at the ministerial

¹⁸ Oberthür, Sebastian. *The Role of the EU in Global Environmental and Climate Governance / The European Union and Global Governance* / Telo M. (ed.). London: Routledge, 2009.

¹⁹ Flexible mechanisms include *Emission Trading* (allows to purchase the right to emit more carbon dioxide from a country that emits less), *the Clean Development Mechanism* (that allows a developed country to invest into emission reduction projects on the territory of a developing country and with a benefit of receiving emission reduction credits for its own portfolio) and *Joint Implementation* (provides an opportunity for a developed country to invest into an emission reduction project on the territory of another developed country for emission reduction credits).

²⁰ Van Schaik, Louise. *Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor?* / Louise Van Schaik, Simon Schunz // *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 169-186.

²¹ Skjærseth, Jon B. *The Climate Policy of the EC: Too Hot to Handle?* // *Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32, No. 1, pp. 25-45.

²² Van Schaik, Louise. *Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor?* / Louise Van Schaik, Simon Schunz // *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2012, Vol. 50, No. 1, p. 180.

²³ Damro, Chad. *Emissions Trading at Kyoto: From EU Resistance to Union Innovation* / Chad Damro, Pillar L. Meñdez // *Environmental Politics*, 2003, Vol.12, No. 2, pp. 71-94; Hovi, Jon; Skodvin, Tora; Andresen, Steinar. *The Persistence of the Kyoto Protocol: Why Other Annex I Countries Move on Without the United States* // *Global Environmental Politics*, 2003, Vol. 3, No. 4, pp. 1-23.

level and at the level of the Heads of States and Governments. However, to the great disappointment of the EU, the final document of the Copenhagen 2009 Summit did not replace the Kyoto Protocol and did not contain any legally binding emission reductions targets. Despite the EU efforts, the final Copenhagen accord, largely prepared by the United States and the BASIC countries,²⁴ with close to zero involvement of the EU,²⁵ mentioned the 2-degrees goal, and contained only voluntary and abstract commitments to reduce the greenhouse gas emissions by 2020, taken upon themselves by some of the parties. It was also agreed to establish the Green Climate Fund, formally founded at the annual Conference of Parties (COP) in Cancun in 2010, and set a goal to draw funding for climate projects to be realized in developing countries from various sources for a total amount of 100 billion dollars per year by 2020.²⁶ According to experts from the Massachusetts Institute of Technology, such voluntary approach can contribute to the reduction of GHG emissions, but would not allow to reach 2-degrees target,²⁷ which could be regarded by the EU as a serious setback in terms of its own regulatory-oriented approach to the issue. However, it is crucial to look at the possible causes of the lack of EU's influence on the negotiation process.

During the preparations for the Copenhagen negotiations, the Member States and the European Commission managed to settle on the idea

that the EU should play a leading role in the international negotiations on a new agreement, and the new document should contain a legally binding commitment to reduce GHG emissions. At the same time, Member States failed to agree on specific indicators: Italy and Poland opposed the 30% emissions reduction target by 2020, which eventually forced the EU to look for a compromise at the summit itself. Groena, Niman and Oberthür have collected very interesting information on the negotiation process in Copenhagen during interviews with individuals who were directly involved in the process. Firstly, under the conditions of economic crisis there was no unity in matters of the financial support for developing countries. If Britain, Germany, France, Denmark, the Netherlands and Sweden were ready to allocate funds for this cause, the Eastern EU Member States seemed not so eager. Thus the compromise was never found. Secondly, the situation was additionally complicated by the need to coordinate the positions on external obligations with all Member States, which resulted in the overly averaged vision on some of the items, such as, for example, the position on reducing greenhouse gas emissions from forestry.²⁸ And since the EU could not participate in the negotiations without an established common position of the Member States, its ability to respond promptly to incoming offers was dramatically undermined.

Another possible reason for the lack of success in Copenhagen was, quite paradoxically, the excessive openness of the EU's position. Other parties knew exactly what they will be offered, realized the importance of the new agreement to the EU and expected it to sign any version of the final document. EU proposal to cut its own emissions by 30% instead of 20% by 2020, did not have any practical effect, since it didn't have any real value to other parties, that built their negotiation strategy on the basis

²⁴ The BASIC countries is a coalition of four large industrialized countries – Brazil, South Africa, India and China, created to form a common position during the climate negotiations since late 2009.

²⁵ Curtin, Joseph. *The Copenhagen Conference: How Should the EU Respond?* Dublin: Institute of International and European Affairs, 2010.

²⁶ Report of the Conference of the Parties on its fifteenth session, held in Copenhagen from 7 to 19 December 2009. Addendum. Part Two: Action taken by the Conference of the Parties at its fifteenth session. UN Framework Convention on Climate Change. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/11a01.pdf>

²⁷ Jacoby, Henry D. *Expectations for a New Climate Agreement* / Henry D. Jacoby, Y.-H. H. Chen // Joint Program on the Science and Policy of Global Change. Report No. 264. Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, USA. August 2014. P. 21.

²⁸ Groen, Lisanne. *The EU's Role in International Climate Change Policy-Making: A Global Leader in Decline?* / Lisanne Groen, Arne Niemann, Sebastian Oberthür / *Global Power Europe. Vol. 2: Policies, Actions and Influence of the EU's External Relations* / Astrid Boening, Jan-Frederik Kremer, Aukje van Loon (eds.), 2013, Vol. 2, pp. 40-42.

of national interests rather than normative objectives. The European Union has also underestimated the fact that the United States and the BASIC countries have taken a very conservative negotiating position, preferring to minimize possible international interference into their domestic policies. Given the lack of a plan “B” or any valuable bargaining chip on the EU side, except for increased emission reduction goals, the EU was actually outplayed by other parties.

As in the case with the Kyoto Protocol negotiations, during the Copenhagen talks, the EU was too focused on its normative considerations, in particular on the idea that international climate change policy should be based on the recommendations of the scientific community without political interference, and partially neglected the interests of its partners. The inability to adequately assess external conditions could have been also caused by the Brussels bubble phenomenon, defined by Shpaner B. as a “limited to an elite circle of mostly Brussels-based politicians, lobbyists and interest groups and the sphere of “arcane” policy, i.e. a setting in which participants exclusively operate behind closed doors and with a prime emphasis on interpersonal communication”.²⁹ The nature of the information circulating within the “Brussels bubble” can be judged by the content of publications in such transnational media as «EUObserver», «European Voice» and «The Financial Times», the main target audience of which are the Brussels’ residents. Most publications in this media are filled with optimism, regarding the European integration and the ability of the EU to influence global environmental policy.³⁰ It is obvious that the officials involved in the process of developing a common EU position climate change may be trapped within the “Brussels bubble”, which imposes certain restrictions on the information and opinions they receive.

²⁹ Spanier, Berndt. Europe, Anyone? The “Communication Deficit” of the European Union Revisited. Baden-Baden: Nomos, 2012. P. 93.

³⁰ Nitoiu, Cristian. Supporting the EU’s Approach to Climate Change: The Discourse of the Transnational Media Within the “Brussels Bubble” // *Journal of European Integration*, 2015, Vol. 37, No. 5, pp. 535-552.

Further meetings of the Parties of the UNFCCC have somewhat advanced the course of the negotiations. However, the formulation of the emission reduction goals set has never occurred. According to Biedenkopf K. and K. Dupont, the EU has temporarily withdrawn itself from actively promoting this idea.³¹ The Cancun conference in 2010 resulted in securing some elements of the Copenhagen accord into the UNFCCC framework. Given the failure in Copenhagen, the EU has more easily reached a common position prior the event, and, due to the lower level of politicization of this conference, which was not aimed at securing any obligations, the USA and the BASIC countries were more inclined to cooperate. Therefore, there were no difficulties during the final document formulation, which suited all parties, including the EU.

The Durban conference in 2011, in its turn, has become a micro-breakthrough for the European Union, since the parties arranged the exact date to sign a new agreement to replace the Kyoto Protocol. Despite some resistance from a number of countries, including India, which the EU managed to overcome during the high-level talks with the representatives of those countries literally in the final hours of the summit,³² the parties agreed to sign a new agreement in 2015.

The summit in Doha in 2012 has not brought any significant results: the participants have agreed on a second commitment period for the GHG emissions reduction from 2013 to 2020 under the amendment to the Kyoto Protocol.³³ The extent of its impact turned out to be very limited. Since the participating

³¹ Biedenkopf, Katja A Toolbox Approach to the EU’s External Climate Governance / Global Power Europe / A. Boening, J-F. Kremer, A. van Loon (eds.), 2013. Vol. 1. Pp. 181-199.

³² Groen, Lisanne. The EU’s Role in International Climate Change Policy-Making: A Global Leader in Decline? / Lisanne Groen, Arne Niemann, Sebastian Oberthür / Global Power Europe. Vol. 2: Policies, Actions and Influence of the EU’s External Relations / Astrid Boening, Jan-Frederik Kremer, Aukje van Loon (eds.), 2013, Vol. 2, p. 52.

³³ The Doha Climate Gateway. UN Framework Convention on Climate, 2012. Mode of access: http://unfccc.int/key_steps/doha_climate_gateway/items/7389.php

countries are only responsible for 14% of global GHG emissions, the US, Canada, Russia and Japan did not sign the amendment.

The main result of the Warsaw conference in 2013 was the proposal to establish the Warsaw mechanism for loss and damage, which involves compensation for irreversible damage from climate change to developing countries. However, the parties failed to agree on the specific details of this mechanism, and the initiative will be revisited in 2016.³⁴

The Lima conference in 2014, which was burdened by the developing countries' discontent with the amount of promised financial support in exchange for a transition to a low carbon economy and clean energy technologies development, has ended with moderate results. All 196 UN Member States agreed to take concrete commitments to reduce GHG emissions in the framework of an Intended Nationally Determined Contribution (INDC)³⁵ mechanism. A coordinated position of the European Union, the United States and China, announced at the very beginning of the summit, played its role in this process. The final document of the summit ("Lima Call for Climate Action") included streamlined wording of a very modes set of procedural steps and reflected "work in progress" instead of concrete suggestions for the Paris 2015 Conference. It is also very noteworthy that the legal status for the Paris agreement remained undecided.

During the preparations for the Paris Conference of the Parties of the UNFCCC, the European Union was advocating a strong legally binding agreement, aimed at an overall reduction of GHG emissions by 60% by 2050 compared to 2010 indicators. It would have implied that the INDC of all states should include specific targets for GHG emissions reduction and those of the developed countries should be more ambitious.³⁶

³⁴ Warsaw Outcomes. UN Framework Convention on Climate Change, 2013. Mode of access: http://unfccc.int/key_steps/warsaw_outcomes/items/8006.php

³⁵ Lima Call for Climate Action Puts World on Track to Paris 2015. Press Release, 14.12.2014. UN Framework Convention on Climate Change, 2014. Mode of access: <http://newsroom.unfccc.int/lima/lima-call-for-climate-action-puts-world-on-track-to-paris-2015/>

³⁶ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: The Paris

The European Union declared its readiness to reduce emissions by 40% by 2030 and became the first major economy to submit its INDC in March 2015. The decision was made despite the strong resistance from "Visegrad Group plus two"³⁷ Member States, that insisted on smaller 25% reduction, fearing unaffordable financial costs.³⁸ The EU also called for strict rules and procedures for measuring, reporting, and monitoring compliance with the provisions of the agreement, as well as for a five-year cycle to review and clarify the obligations in accordance with the scientific data updates, changes in domestic circumstances and capacities of the parties. According to the EU position, the new agreement was to allow the emission trade between markets as well as commitment transfer between countries. The EU believed that the agreement should provide a framework for investment in programs and practices aimed at reducing GHG emissions and the negative effects of climate change, and that all the parties needed to improve their investment climate. At the same time, as noted by G. Erbach, the volume of the climate finance will depend on the ambition and the quality of the INDCs, national investment and adaptation plans.³⁹

The Paris Conference outcomes turned out to be by far more promising, than those of previous meetings, primarily because the parties

Protocol – A blueprint for tackling global climate change beyond 2020. COM 81 final, 2015. Mode of access: http://ec.europa.eu/priorities/energy-union/docs/paris_en.pdf

³⁷ "Visegrad Group plus two" includes Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia, Bulgaria and Romania.

³⁸ Невельский А. Восточноевропейские страны могут помешать планам ЕС сократить вредные выбросы // *Vedomosti.ru*, 20.10.2014. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/10/20/vostochnoeuropejskie-strany-mogut-pomeshat-planam-es> [Nevel'skij A. Vostochnoeuropejskie strany mogut pomeshat' planam ES sokratit' vrednye vybrosy (Eastern European Countries Might Put a Stop to EU Emission Reduction Plans) // *Vedomosti.ru*, 20.10.2014. Mode of access: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/10/20/vostochnoeuropejskie-strany-mogut-pomeshat-planam-es>].

³⁹ Erbach, Gregor. Negotiating a New UN Climate Agreement: Challenges on the Road to Paris // *European Parliamentary Research Service*, March 2015. P. 33.

managed to adopt a universal treaty, which is due to enter into force in 2020 in case 55 nations representing no less than 55% of global GHG emissions ratify it. Although, as with the Kyoto Protocol, it is possible that some states, such as the United States in particular, might not seek ratification. In the latter case, much will depend on how the terms of Paris Agreement implementation will be reflected before and during Presidential elections that will take place at the beginning of November 2016.

The Paris Agreement⁴⁰ removes strict differentiation between developed and developing countries and introduces a common framework that commits all parties to take action in combating climate change, based on their Intended Nationally Determined Contributions, which are expected to be revised and strengthened over years. All parties are expected to submit reports on emission levels and policy implementation efforts for international review. Therefore, the new treaty can be characterized by hybrid nature of its approach, since it includes both bottom-up elements, that provide flexibility and maximize participation, and top-down rules, that ensure accountability. The legal status of the treaty is equally hybrid. While some of its provisions are indeed legally binding, the rest of them, such as, for example, some aspects of emission reduction targets and finance, are either vague or voluntary.

It also seems that many of the European Union's views on the agreement have found their way into the final text, due to its considerable diplomatic efforts in building an efficient coalition with various states and a very determined leadership of the hosting country (France). The parties managed to push for the compromise despite existing disagreements even among the old alliances, such as G77⁴¹ and the BASIC countries, which eventually dissolved during the talks because of different interests. This can be considered as a major breakthrough

for the EU negotiation strategy. The EU was once again true to inclination towards informal mechanisms when building the secret "High Ambition Coalition", which managed to bring together the EU Member States, the US and 79 African, Caribbean and Pacific countries, including Brazil, to form a common position 6 month prior the negotiations.⁴²

As a result, the 2-degrees goal was once again affirmed, but the governments agreed to aim at even more ambitious goal to limit the global temperature increase to 1.5 degrees, supporting the request from the vulnerable developing countries. What is still more important, the Paris Climate Agreement commits all nations, regardless of their development status, to work towards it. The five-year cycle mechanism that encourages parties to review their nationally determined contributions was also included in the document and has legal force. The first 'soft' deadline to voluntarily review and possibly raise the INDCs is 2018. It is not yet clear how countries will respond to this call.

The new agreement, however, does not introduce any legally binding financial obligations, meant for developing countries, and even though the 100 billion dollars annually by 2020 for mitigation and adaptation commitment was again included in the text, it is neither clear how those funds will be accumulated, nor what the contribution from the developing countries themselves will be, since their participation remains voluntary.⁴³

The compromise was found on the very sensitive question of the role of emission trading systems and flexibility mechanisms. The new agreement, as stated in Article 6, introduces three different approaches, that would initially suit parties advocating either

⁴² Mathisen, Karl. Climate Coalition Breaks Cover in Paris to Push for Binding and Ambitious Deal / Karl Mathisen, Fiona Harvey // *The Guardian*, 08 Dec. 2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/environment/2015/dec/08/coalition-paris-push-for-binding-ambitious-climate-change-deal>

⁴³ Adoption of the Paris Agreement / Conference of the Parties. 30 November to 11 December 2015. UN Framework Convention on Climate Change, 2015. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf>. Article 1.

⁴⁰ Adoption of the Paris Agreement / Conference of the Parties. 30 November to 11 December 2015. UN Framework Convention on Climate Change, 2015. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf>

⁴¹ G77 is a coalition of developing countries, which was formed to collectively promote member countries' interests within the UN framework.

in favor of market mechanisms or against them. First of them introduces a voluntary “cooperative approach that involves the use of internationally transferred mitigation outcomes towards nationally determined contributions”, in other words allowing the linkage of emission trading systems; the second – a “mechanism to contribute to the mitigation of greenhouse gas emissions and support sustainable development” is probably succeeding the Clean Development Mechanism, established by the Kyoto Protocol and the third one creates a framework for non-market approaches “to assist in the implementation of their nationally determined contributions, in the context of sustainable development and poverty eradication”.⁴⁴ The accounting rules for the first approach have not been specified in the Paris agreement and will likely be developed over the next few years, the main problem here remains to be the possibility of double-counted emission reductions.

Whatever the fact all of the three initiatives will require further development and clarification in order to ensure their efficiency and accountability. While the new treaty awaits its ratification, this work will be undertaken by a new Ad Hoc Working Group on the Paris Agreement, that will meet for the first time in Bonn in May 2016, the next COP meeting is set for November 2016 in Marrakech.

The European Union seems very optimistic about the new agreement, as the EU Climate Action and Energy Commissioner Miguel Arias Cañete has stated: “This agreement is a major win for Europe. But more importantly, it is a major win for the global community. Europe has led the efforts in Paris to get an ambitious and legally binding global climate deal. <...> Now, what has been promised must be delivered. Europe will continue to lead the global low-carbon transition we have agreed”.⁴⁵ But apparently delivering, what has been promised, might require considerable efforts.

⁴⁴ Adoption of the Paris Agreement / Conference of the Parties. 30 November to 11 December 2015. UN Framework Convention on Climate Change, 2015. Article 6. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf>

⁴⁵ Historic Climate Deal in Paris: EU Leads Global Efforts, 2015. Mode of access: http://ec.europa.eu/clima/news/articles/news_2015121201_en.htm

The new agreement was signed in rather unfortunate international conditions: a moderately high level of global political uncertainties and the oil price volatility. While it is yet hard to estimate, how certain international tensions might affect the deal, the fall in oil price is very likely to have its negative outcomes. A protracted period of low prices with a certain degree of confidence might stimulate oil consumption and negate the efforts of transition to a greener economy. The signal was sent to energy industries to end business as usual strategies and shift the investment into the dimension of low-carbon technologies, however ensuring that this message was heard, will probably require governmental support and political will to keep the industry compatible with the zero carbon aspirations.

The Paris Agreement has the potential to become a turning point in global climate change governance, but without deliberate and verified details on the finance and accountability it is not likely to form a strong international climate change regime. Additionally its performance relies heavily on the review of the Intended Nationally Determined Contributions on a five-year cycle. It will require a joint effort from all parties to ensure its effectiveness, and since the European Union has seemingly worked on its previous mistakes the future of the agreement might as well be very optimistic.

Литература:

Adoption of the Paris Agreement / Conference of the Parties. 30 November to 11 December 2015. UN Framework Convention on Climate Change, 2015. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf>

Annual Report 2014 / UNEP, 2014. Mode of access: http://www.unep.org/annualreport/2014/ru/pdf/ru_UNEP_Annual_Report_2014.pdf

Biedenkopf, Katja A. Toolbox Approach to the EU's External Climate Governance / Global Power Europe / A. Boening, J-F. Kremer, A. van Loon (eds.), 2013. Vol. 1. Pp. 181-199.

Blunden, Jessica. State of the climate in 2014 / Jessica Blunden, Derek S. Arndt // *Bulletin of the American Meteorological Society*, 2015, Vol. 96, No. 7, pp. ES1-ES32.

Bretheron, Charlotte. The European Union as a Global Actor (2nd ed.) / Charlotte Bretheron, John Vogler. London: Routledge, 2006.

Communication from the Commission on the precautionary principle. Commission of the European Communities. COM 1 final, 2000. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2000:0001:FIN:en:PDF>

Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: The Paris Protocol – A blueprint for tackling global climate change beyond 2020. COM 81 final, 2015. Mode of access: http://ec.europa.eu/priorities/energy-union/docs/paris_en.pdf

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Mainstreaming sustainable development into EU policies: 2009/Review of the European Union Strategy for Sustainable Development, 2009. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52009DC0400>

Curtin, Joseph. The Copenhagen Conference: How Should the EU Respond? Dublin: Institute of International and European Affairs, 2010.

Damro, Chad. Emissions Trading at Kyoto: From EU Resistance to Union Innovation / Chad Damro, Pillar L. Me'ndez // *Environmental Politics*, 2003, Vol.12, No. 2, pp. 71-94.

Day, Thomas; Gonzales, Sofia. Assessing the Missed Benefits of Countries' National Contributions: Quantifying Potential Co-benefits / Thomas Day, Niklas Höhne, Sofia Gonzales. Cologne, New Climate Institute. 2015. Mode of access: <https://newclimateinstitute.files.wordpress.com/2015/10/cobenefits-of-indcs-october-2015.pdf>

Erbach, Gregor. Negotiating a New UN Climate Agreement: Challenges on the Road to Paris // *European Parliamentary Research Service*, March 2015.

Europe 2020. European Commission. Mode of access: http://ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/priorities/index_en.htm

First IPCC Assessment Report. Overview Chapter, 1990. Mode of access: https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf

Groen, Lisanne. The EU's Role in International Climate Change Policy-Making: A Global Leader in Decline? / Lisanne Groen, Arne Niemann, Sebastian Oberthür / *Global Power Europe*. Vol. 2: Policies, Actions and Influence of the EU's External Relations / Astrid Boening, Jan-Frederik Kremer, Aukje van Loon (eds.), 2013, Vol. 2, pp. 37-54.

Historic Climate Deal in Paris: EU Leads Global Efforts, 2015. Mode of access: http://ec.europa.eu/clima/news/articles/news_2015121201_en.htm

Hovi, Jon; Skodvin, Tor; Andresen, Steinar. The Persistence of the Kyoto Protocol: Why Other Annex I Countries Move on Without the United States // *Global Environmental Politics*, 2003, Vol. 3, No. 4, pp. 1-23.

Jacoby, Henry D. Expectations for a New Climate Agreement / Henry D. Jacoby, Y.-H. H. Chen // *Joint Program on the Science and Policy of Global Change*. Report No. 264. Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, USA. August 2014.

Kelemen R. Daniel. Globalizing European Union Environmental Policy // *Journal of European Public Policy*, 2010, Vol. 17, No. 3, pp. 335-349.

Kellogg William W. Effects of Human Activities on Global Climate: a Summary, with Consideration of the Implications of a Possibly Warmer Earth. Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1976.

Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change, 1998. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>

Lima Call for Climate Action Puts World on Track to Paris 2015. Press Release, 14.12.2014. UN Framework Convention on Climate Change, 2014. Mode of access: <http://newsroom.unfccc.int/lima/lima-call-for-climate-action-puts-world-on-track-to-paris-2015/>

Mathisen, Karl. Climate Coalition Breaks Cover in Paris to Push for Binding and Ambitious Deal / Karl Mathisen, Fiona Harvey // *The Guardian*, 08 Dec. 2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/environment/2015/dec/08/coalition-paris-push-for-binding-ambitious-climate-change-deal>

Nitoiu, Cristian. Supporting the EU's Approach to Climate Change: The Discourse of the Transnational Media Within the "Brussels Bubble" // *Journal of European Integration*, 2015, Vol. 37, No. 5, pp. 535-552.

Oberthür, Sebastian. The Role of the EU in Global Environmental and Climate Governance / The European Union and Global Governance / Telo M. (ed.). London: Routledge, 2009.

Our Common Future Report of the World Commission on Environment and Development, 1987. Mode of access: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf>

Parker Charles F. Climate Change and the European Union's Leadership Moment: An Inconvenient Truth? / Charles F. Parker, Christer Karlsson // *Journal of Common Market Studies*, 2010, Vol. 48, No. 4, pp. 923-943.

Pavese, Carolina B. The Contribution of the European Union to Global Climate Change Governance: Explaining the Conditions for EU Actorship / Carolina B. Pavese, Diarmuid Torney // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2012, Vol. 55, pp. 125-143.

Report of the Conference of the Parties on its fifteenth session, held in Copenhagen from 7 to 19 December 2009. Addendum. Part Two: Action taken by the Conference of the Parties at its fifteenth session. UN Framework Convention on Climate Change. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/11a01.pdf>

Review of the EU Sustainable Development Strategy (EU SDS), 2006. Mode of access: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2010917%202006%20INIT>

Schunz, Simon. Beyond Leadership by Example: Towards a Flexibly EU Foreign Climate Policy / Working Paper. Global Issues Division. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2011.

Skjærseth, Jon B. The Climate Policy of the EC: Too Hot to Handle? // *Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32, No. 1, pp. 25-45.

Spanier, Berndt. Europe, Anyone? The "Communication Deficit" of the European Union Revisited. Baden-Baden: Nomos, 2012.

Strategy for Sustainable Development, 2001. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:l28117>

Tabau Anne-Sophie. Non-Compliance Mechanisms: Interaction between the Kyoto Protocol System and the European Union / Anne-Sophie Tabau, Sandrine M. Dubois // *European Journal of International Law*, 2010, Vol. 21, No. 3, pp. 749-763.

The Doha Climate Gateway. UN Framework Convention on Climate, 2012. Mode of access: http://unfccc.int/key_steps/doha_climate_gateway/items/7389.php

The Treaty on the Functioning of the European Union, TFEU // Official Journal of the European Union. 2008/C115/47 (09.05.2008). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:-2008-:115:0047:0199:EN:PDF>

Trends in global CO2 emissions: 2014 Report / PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2014. Mode of access: http://edgar.jrc.ec.europa.eu/news_docs/jrc-2014-trends-in-global-co2-emissions-2014-report-93171.pdf

United Nations Environment Programme (UNEP) - Home Page. Mode of access: <http://www.unep.org/>

United Nations Framework Convention on Climate Change, 1992. Mode of access: https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf

Van Schaik, Louise. Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor? / Louise Van Schaik, Simon Schunz // *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 169-186.

Warsaw Outcomes. UN Framework Convention on Climate Change, 2013. Mode of access: http://unfccc.int/key_steps/warsaw_outcomes/items/8006.php

Невельский А. Восточноевропейские страны могут помочь плану ЕС сократить вредные выбросы // *Vedomosti.ru*, 20.10.2014. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/10/20/vostochnoevropejskie-strany-mogut-pomeshat-planam-es>

References:

Adoption of the Paris Agreement / Conference of the Parties. 30 November to 11 December 2015. UN Framework Convention on Climate Change, 2015. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf>

Annual Report 2014 / UNEP, 2014. Mode of access: http://www.unep.org/annualreport/2014/ru/pdf/ru_UNEP_Annual_Report_2014.pdf

Biedenkopf, Katja A. Toolbox Approach to the EU's External Climate Governance / Global Power Europe / A. Boening, J-F. Kremer, A. van Loon (eds.), 2013. Vol. 1. Pp. 181-199.

Blunden, Jessica. State of the climate in 2014 / Jessica Blunden, Derek S. Arndt // *Bulletin of the American Meteorological Society*, 2015, Vol. 96, No. 7, pp. ES1-ES32.

Bretheron, Charlotte. The European Union as a Global Actor (2nd ed.) / Charlotte Bretheron, John Vogler. London: Routledge, 2006.

Communication from the Commission on the precautionary principle. Commission of the European Communities. COM 1 final, 2000. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2000:0001:FIN:en:PDF>

Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: The Paris Protocol – A blueprint for tackling global climate change beyond 2020. COM 81 final, 2015. Mode of access: http://ec.europa.eu/priorities/energy-union/docs/paris_en.pdf

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Mainstreaming sustainable development into EU policies: 2009. *Review of the European Union Strategy for Sustainable Development*, 2009. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52009DC0400>

Curtin, Joseph. The Copenhagen Conference: How Should the EU Respond? Dublin: Institute of International and European Affairs, 2010.

Damro, Chad. Emissions Trading at Kyoto: From EU Resistance to Union Innovation / Chad Damro, Pillar L. Me'ndez // *Environmental Politics*, 2003, Vol.12, No. 2, pp. 71-94.

Day, Thomas; Gonzales, Sofia. Assessing the Missed Benefits of Countries' National Contributions: Quantifying Potential Co-benefits / Thomas Day, Niklas Höhne, Sofia Gonzales. Cologne, New Climate Institute. 2015. Mode of access: <https://newclimateinstitute.files.wordpress.com/2015/10/cobenefits-of-indcs-october-2015.pdf>

Erbach, Gregor. Negotiating a New UN Climate Agreement: Challenges on the Road to Paris // *European Parliamentary Research Service*, March 2015.

Europe 2020. European Commission. Mode of access: http://ec.europa.eu/europe2020/europe-2020-in-a-nutshell/priorities/index_en.htm

First IPCC Assessment Report. Overview Chapter, 1990. Mode of access: https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf

Groen, Lisanne. The EU's Role in International Climate Change Policy-Making: A Global Leader in Decline? / Lisanne Groen, Arne Niemann, Sebastian Oberthür / *Global Power Europe*. Vol. 2: Policies, Actions and Influence of the EU's External Relations / Astrid Boening, Jan-Frederik Kremer, Aukje van Loon (eds.), 2013, Vol. 2, pp. 37-54.

Historic Climate Deal in Paris: EU Leads Global Efforts, 2015. Mode of access: http://ec.europa.eu/clima/news/articles/news_2015121201_en.htm

Hovi, Jon; Skodvin, Tor; Andresen, Steinar. The Persistence of the Kyoto Protocol: Why Other Annex I Countries Move on Without the United States // *Global Environmental Politics*, 2003, Vol. 3, No. 4, pp. 1-23.

Jacoby, Henry D. Expectations for a New Climate Agreement / Henry D. Jacoby, Y.-H. H. Chen // *Joint Program on the Science and Policy of Global Change*. Report No. 264. Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, USA. August 2014.

Kelemen R. Daniel. Globalizing European Union Environmental Policy // *Journal of European Public Policy*, 2010, Vol. 17, No. 3, pp. 335-349.

Kellogg William W. Effects of Human Activities on Global Climate: a Summary, with Consideration of the Implications of a Possibly Warmer Earth. Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1976.

Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change, 1998. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>

Lima Call for Climate Action Puts World on Track to Paris 2015. Press Release, 14.12.2014. UN Framework Convention on Climate Change, 2014. Mode of access: <http://newsroom.unfccc.int/lima/lima-call-for-climate-action-puts-world-on-track-to-paris-2015/>

Mathisen, Karl. Climate Coalition Breaks Cover in Paris to Push for Binding and Ambitious Deal / Karl Mathisen, Fiona Harvey // *The Guardian*, 08 Dec. 2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/environment/2015/dec/08/coalition-paris-push-for-binding-ambitious-climate-change-deal>

Nevel'skiy A. Vostochnoevropejskie strany mogut pomeshat' planam ES sokratit' vrednye vybrosy

(Eastern European Countries Might Put a Stop to EU Emission Reduction Plans) // *Vedomosti.ru*, 20.10.2014. Mode of access: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/10/20/vostochnoevropejskie-strany-mogut-pomeshat-planam-es>

Nitoiu, Cristian. Supporting the EU's Approach to Climate Change: The Discourse of the Transnational Media Within the "Brussels Bubble" // *Journal of European Integration*, 2015, Vol. 37, No. 5, pp. 535-552.

Oberthür, Sebastian. The Role of the EU in Global Environmental and Climate Governance / The European Union and Global Governance / Telo M. (ed.). London: Routledge, 2009.

Our Common Future Report of the World Commission on Environment and Development, 1987. Mode of access: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf>

Parker Charles F. Climate Change and the European Union's Leadership Moment: An Inconvenient Truth? / Charles F. Parker, Christer Karlsson // *Journal of Common Market Studies*, 2010, Vol. 48, No. 4, pp. 923-943.

Pavese Carolina B. The Contribution of the European Union to Global Climate Change Governance: Explaining the Conditions for EU Actorness / Carolina B. Pavese, Diarmuid Torney // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2012, Vol. 55, pp. 125-143.

Report of the Conference of the Parties on its fifteenth session, held in Copenhagen from 7 to 19 December 2009. Addendum. Part Two: Action taken by the Conference of the Parties at its fifteenth session. UN Framework Convention on Climate Change. Mode of access: <http://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/11a01.pdf>

Review of the EU Sustainable Development Strategy (EU SDS), 2006. Mode of access: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2010917%202006%20INIT>

Schunz, Simon. Beyond Leadership by Example: Towards a Flexibly EU Foreign Climate Policy / Working Paper. Global Issues Division. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2011.

Skjærseth, Jon B. The Climate Policy of the EC: Too Hot to Handle? // *Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32, No. 1, pp. 25-45.

Spanier, Berndt. Europe, Anyone? The "Communication Deficit" of the European Union Revisited. Baden-Baden: Nomos, 2012.

Strategy for Sustainable Development, 2001. Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:l28117>

Tabau, Anne-Sophie. Non-Compliance Mechanisms: Interaction between the Kyoto Protocol System and the European Union / Anne-Sophie Tabau, Sandrine M. Dubois // *European Journal of International Law*, 2010, Vol. 21, No. 3, pp. 749-763.

The Doha Climate Gateway. UN Framework Convention on Climate, 2012. Mode of access: http://unfccc.int/key_steps/doha_climate_gateway/items/7389.php

The Treaty on the Functioning of the European Union, TFEU // Official Journal of the European Union. 2008/C115/47 (09.05.2008). Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:-2008-:115:0047:0199:EN:PDF>

Trends in global CO2 emissions: 2014 Report / PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2014.

Mode of access: http://edgar.jrc.ec.europa.eu/news_docs/jrc-2014-trends-in-global-co2-emissions-2014-report-93171.pdf

United Nations Environment Programme (UNEP) - Home Page. Mode of access: <http://www.unep.org/>

United Nations Framework Convention on Climate Change, 1992. Mode of access: https://www.ipcc.ch/ipccreports/1992%20IPCC%20Supplement/IPCC_1990_and_1992_Assessments/English/ipcc_90_92_assessments_far_overview.pdf

Van Schaik, Louise. Explaining EU Activism and Impact in Global Climate Politics: Is the Union a Norm- or Interest-Driven Actor? / Louise Van Schaik, Simon Schunz // *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2012, Vol. 50, No. 1, pp. 169-186.

Warsaw Outcomes. UN Framework Convention on Climate Change, 2013. Mode of access: http://unfccc.int/key_steps/warsaw_outcomes/items/8006.php

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ КЛИМАТИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ: ДО И ПОСЛЕ ПАРИЖА

Екатерина Владимировна Саворская

Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), г. Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 21 января 2016 г.</p> <p><i>Принята к печати:</i> 17 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: Начиная с 1990-х гг. Европейский союз стремится к лидерству в вопросах борьбы с глобальным изменением климата, что выражается в активном участии в переговорах по международному климатическому режиму. Впрочем, не всегда эти амбиции оказывались уместными или оправданными. Невзирая на то, что Европейскому союзу удалось достичь определенных успехов в переговорах по Киотскому протоколу и значительных результатов в процессе его ратификации, по большей части выбранная ЕС стратегия, основанная на соображениях нормативности его позиции, не возымела успеха, особенно это было очевидно во время саммита в Копенгагене. Частично причиной неудач ЕС в переговорном процессе стала особенность логики функционирования Европейского союза, в частности, склонность ориентироваться на научные данные при выработке политики, что не позволило ЕС адекватно оценить интересы других сторон. Как показали результаты переговоров по новому соглашению, прошедших на саммите сторон РКИК в декабре 2015г. в Париже, Европейскому союзу все же удалось провести работу над ошибками и сформировать широкую неформальную международную коалицию: вопреки ожиданиям, договор был подписан и в нем был учтен целый ряд предложений ЕС. Впрочем, Парижский договор не лишен целого ряда недостатков и неточностей и от того, удастся ли международному сообществу и ЕС, в частности, их своевременно устранить, будет зависеть будущее нового международного климатического режима.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН; доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: esavorskaya@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Европейский союз; ЕС; глобальное управление; международный климатический режим; климатическая политика ЕС; борьба с изменением климата; Парижский договор.</p>	

Для цитирования: Savorskaya E.V. European Union in Global Climate Governance: to Paris and Beyond // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 71-84.
DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-71-84

For citation: Savorskaya, Ekaterina V. European Union in Global Climate Governance: to Paris and Beyond // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 71-84.
DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-71-84

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-85-106](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-85-106)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СВЕРХКРУПНЫХ СТРАН НА СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

*Размышляя над книгами исследователей ИМЭМО РАН
«Индийская цивилизация в глобализирующемся мире» и
«Китайская цивилизация в глобализирующемся мире»*

Сергей Иванович Лунев
Алексей Дмитриевич Воскресенский

МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 09 сентября 2015 г. <i>Принята к печати:</i> 01 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: Авторы статьи исследуют особенности и механизмы воздействия цивилизационных факторов на социально-политическое развитие Индии и Китая, двух крупнейших азиатских стран, к которым в настоящее время приковано значительное внимание экспертов. Статья написана в форме размышления над изданными в ИМЭМО РАН книгами «Индийская цивилизация в глобализирующемся мире» и «Китайская цивилизация в глобализирующемся мире» (в 2-х томах). Авторы проводят сравнительный анализ цивилизационного кода Индии и Китая, выделяя наиболее характерные черты культурного и социально-политического развития обеих стран, оценивают траектории их исторического развития, характеристики современных политических систем, религиозный и идеологический факторы развития в их связи с цивилизационными особенностями. Более того, современное развитие двух стран рассматривается с точки зрения внешнеполитических условий и уровня социально-экономического развития. В статье делается ряд выводов о сходствах и различиях не только двух древнейших цивилизаций, но и обеих моделей модернизации.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 15-03-00338.</i></p>
<p>Об авторах: <i>С.И. Лунев</i>, д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России и Департамента международных отношений НИУ ВШЭ e-mail: silounev@gmail.com <i>А.Д. Воскресенский</i>, д.полит.н., профессор, PhD (Манчестерский университет), Декан Факультета политологии, Кафедра востоковедения МГИМО МИД России; e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; Индия; цивилизации; модернизация; экономическое развитие; государство; международные отношения; сравнительный анализ.</p>	

В рамках крупного междисциплинарного проекта “Цивилизации в глобализирующемся мире”, предпринятого в ИМЭМО РАН в содружестве с экспертами из других главных научных центров страны, были опубликованы работы, посвященные Индийской и Китайской цивилизациям¹.

¹ Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунев С.И., Хороса В.Г. –

М.: ИМЭМО РАН, 2005. – 229 с. [Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005. 229 p.]; Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – 203 с. [Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. 203 p.]; Китайская цивили-

Эти труды просто подталкивают к необходимости дальнейшего глубокого научного анализа влияния цивилизационного фактора в сверхкрупных азиатских странах на специфику процесса функционирования парастратегии Китая и Индии, что дает возможность исследовать пути трансформации всей мировой системы, перспективы противостояния / взаимозависимости постиндустриального и индустриального миров, основные разнонаправленные векторы политических, социально-экономических и культурно-цивилизационных процессов в развитом и развивающемся мире. Крупнейшие полупериферийные страны, среди которых Китай и Индия выделяются особо, стали играть важнейшую роль в новой мировой системе. Азиатские гиганты при участии сопряженных с ними экономик их соседей-партнеров, по-видимому, уже превратились в центры особых подсистем международных отношений и в ближайшем будущем могут стать новыми геополитическими центрами, существенно трансформирующими ранее бесспорно единоличное мировое лидерство США. История повторяется – соперники появляются на периферии, но сможет ли кто-либо из них оспорить или трансформировать мировое лидерство, зависит от взаимодействия очень многих факторов. Анализ единичного, особенного и общего в полистратегии крупнейших азиатских держав позволяет получить и новое знание в выявлении потенциала жизнеспособности России, в оценке направленности ее геэкономических и геополитических интересов, в выделении эндогенных и экзогенных измерений, способствующих / ограничивающих реализацию этих интересов.

У Китая и Индии существуют разные культурно-цивилизационные модели. Некоторые исследователи даже предполагают, что существует дихотомия Китай – Запад, а Индийская цивилизация противостоит Ки-

тайской вместе с Западной². Существуют и геополитики, считающие, что Индийская цивилизация противостоит западной совместно с Китайской. Следует особо выделить эгалитаризм Китайской цивилизации и элитарность Индийской. Помимо этого, Китаю, как и ряду других стран Восточной Азии, свойственен путь, близкий к явно коллективистскому вектору (приоритет групповых интересов над индивидуальными). Возможно, этим отчасти объясняется довольно легкое приобщение китайского общества (как и вьетнамского, и северокорейского) к социалистическому опыту. Конечно, нельзя абсолютизировать и коллективизм Китая. Выбор китайскими руководителями в 1950-е и особенно в 1960-е годы модели, не соответствовавшей традиционным нормам, вызвал огромные потрясения, потерю людских и материальных ресурсов и замедление экономического развития. Важнейшую роль здесь сыграли и отказ от обычной эволюционности, и стремление революционными радикальными действиями (“большой скачок”, “культурная революция”) обеспечить прорыв страны. Возврат же Китая на более традиционный путь в 1980-е годы (отказ как от радикализма, так и от слепого копирования западных политических систем; проведение определенных рыночных реформ в условиях сохранения контроля единого центра над основными рычагами управления страной) за одно десятилетие позволил ему выйти на второе место в мире по объему экономики. Китайский опыт также в очередной раз демонстрирует, что любая попытка выбрать “чужой” путь или закрыться от внешнего мира чревата колоссальными издержками, а наибольших социально-экономических успехов добивается та страна, которая идет путем, соответствующим правильно понятым цивилизационным характеристикам

² Кобзев А.И. Китайская цивилизация на оси «Восток – Запад» / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 38 [Kobzev A.I. Kitaiskaia tsivilizatsiia na osi «Vostok – Zapad» (Chinese Civilization on the Axis West-East) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. p. 38].

зация в глобализирующемся мире / под Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.2. – 190 с. [Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.2. 190 p.].

общества, вписанным, а не противопоставленным объективным закономерностям мирового развития.

Для Индийской цивилизации свойствен срединный путь – развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов (признание приоритета личных интересов), что в целом свойственно и Российской цивилизации, несмотря на радикалистские периоды ее исторического развития, в ходе которых превалировала идея коренного разрыва с предшествующими периодами, а не сохранение преемственности. На историческом пути Российской цивилизации также наблюдается дихотомия радикалистского разрыва преемственности, сопровождающаяся отсутствием модернизации, или даже застоєм в другой исторический период, что отсутствует у Индийской цивилизации.

При всех существенных отличиях от западной модели, именно определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и позволила Индии установить политическую систему, которая – по сравнению почти со всеми странами не-Запада – не просто наиболее соответствует большинству западных параметров, но и позволяет динамично развиваться.

По-видимому, определяющую роль здесь играет именно специфика Индийской цивилизации. Во внутренней жизни подавляющего большинства незападных стран не было особых попыток создания хоть какого-то подобия гражданского общества³,

³ Сейчас практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам, но, как правило, на глубинном уровне нет сходства с тем, что принято считать едиными базовыми нормами западной демократии. Подобная ситуация ведет к потере четких ориентиров и у западного сообщества, нередко затрудняющегося определить, какие страны и регионы Юга в реальности соответствуют представлениям о демократии. Эта проблема решается крайне просто: “демократическими” и “идущими к демократии” либо “недемократическими” и “тоталитарными” объявляются страны в зависимости от соответствия их парастратегии интересам западного сообщества.

а Индия дает нам пример весьма успешной демократизации не только «сверху» – через импортирование политических институтов, но и «снизу» – через развитие автохтонных демократических начал самого индийского общества. В условиях низкого уровня социально-экономического развития в Индии не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они уже не были заложены в цивилизационном комплексе в ходе его исторического развития. Например, уже три тысячи лет назад в Индии существовали “панчаяты”, самоуправляющиеся общины. Общины были во множестве стран, но нигде, пожалуй, вмешательство государства, которое было традиционно слабым, в их дела не было столь ограничено. В царской России «мир» русской деревни также давал примеры внутреннего демократического самоуправления, при том, что сам этот «мир» как социальный институт был вписан в вертикаль централизованного монархического управления страной, пока традиционные социальные институты не стали размываться в ходе эндогенного ускоренного капиталистического развития конца XIX – нач. XX вв., на вызов которого, в конечном счете, и оказался неспособным ответить монархический режим.

В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь, с индуизмом. Такие основополагающие понятия, как карма (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рождениях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и дхарма (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на общество или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой ли жизни или в предыдущих. Особое значение для Индии всегда играл и принцип ахимсы (непричинение зла), впервые упомянутый еще в одной из ранних, «главных» упанишад – Чхандогья–упанишаде⁴. Он

⁴ См. Chapple, Christopher. *Ecological Nonviolence and the Hindu Tradition, Perspectives on Nonviolence* / Ed. by Kool V.K. New York, Springer-Verlag, 1990. Pp. 168-177.

предполагает не только запрет на убийства, но и отвергает причинение какого-либо вреда действием или словом. Ахимса является первым предписанием для джайнов (которые распространяют его действие и на растения) и буддистов. Данный принцип лежал и в основе мировоззрения Махатмы Ганди. С этими общими нормами связано то обстоятельство, что индийское национально-освободительное движение в основном своем потоке базировалось на принципах ненасилия. А ведь именно это движение самым активным образом воздействовало на политические традиции, ориентации, массовое сознание и культуру индийского общества. Большую роль играет и то, что индийской цивилизации присуща эволюционность развития. Революционный путь всегда в мировой истории давал обоюдоострые результаты, в том числе и для утверждения демократии.

Немалое значение имели и британские колониальные методы, которые способствовали вызреванию современной индийской политической элиты, постепенно привыкшей к демократическим правилам и нормам. В Индии, как и в других колониальных странах, возникла своеобразная «двухэтажная» модель общества. Верхний этаж, представленный иностранцами, жил по принципам, представлениям и нормам европейской цивилизации (см., к примеру, романы и новеллы Р. Киплинга). Более того, с помощью своих моральных и правовых норм, репрессивного аппарата и т. п. он влиял на местную цивилизацию, сдерживая и формируя или деформируя ее эволюцию. Нижний этаж – подавляющая масса жителей данной страны – продолжал жить по религиозным, моральным, культурным и пр. нормам своей цивилизации, поскольку условия жизни и производства не претерпели заметных изменений.

В Индии, как и в большинстве колоний, была отодвинута верхушка традиционной элиты, являвшаяся носителем и гарантом автохтонной, но при этом и неконкурентоспособной, цивилизации, а ее место заняли низшие слои старой традиционной элиты либо слои и группы, возникшие уже в ходе колониального господства в немалой степе-

ни при поддержке колонизаторов, которые нуждались в более эффективной системе управления. При этом в Индии традиционная элита, утратив функции управления на уровне государства, сохранила их на более низких уровнях.

Новая элита оказалась в достаточно противоречивом положении. Выполнять свои функции посредника между колониальными властями и колонируемыми она могла, лишь сохраняя тесные связи со своим народом (этика, язык, культура), одновременно приобретая атрибуты европейской цивилизации (язык, одежда, образование, манера поведения, четкое различие сакрального и мирского). Гарантацией процветания была своеобразная нейтральность как к своей, так и европейской цивилизации. Отсюда постоянная раздвоенность, противоречие между поведением и сознанием. Доля новой элиты была весьма высока, что было связано с методами колониального управления.

Благодаря всем этим факторам после завоевания независимости политическая элита страны, в подавляющем большинстве вестернизированная в колониальный период и относившаяся к высшим кастам, смогла сформировать институт национального согласия (консенсуса), который позволяет относительно мягко решать основные политические и социальные проблемы. Индийскому обществу удалось прийти к достаточному единству взглядов на главные внутриполитические и внешнеполитические макропроблемы. Здесь почти единодушно полагают, что общецивилизационная идея, которая становится общенациональной по мере превращения Индии в современную нацию-государство, ориентирует на превращение страны в великую мировую державу, проведение модернизации (не полностью соотносящейся с вестернизацией), осуществление догоняющего развития в рамках общемирового процесса и достижение в перспективе социально-экономического уровня развитых стран, развитие современных институтов образования при сохранении индийских цивилизационных ценностей и норм, постепенное повышение жизненного уровня всего населения, предпочтение эволюционного развития (без революционных потрясений).

Национальное согласие в Индии – не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры.

Многие специалисты обычно признают, что для индийской традиции характерно ясное понимание губительности классовой борьбы, разрушающей естественные связи между людьми, и осознание необходимости разрешать все конфликты мирным путем – с помощью диалога и компромисса, а национальное согласие для современного индийца органически связано с гандистским пониманием отношений целей и средств борьбы. Современная индийская политическая традиция опирается на необходимость “социальной самодисциплины” для всех граждан общества. Согласно гандистской традиции, политических и социальных целей можно добиваться исключительно ненасильственными методами, а свобода и ответственность – основные и взаимодополняющие принципы демократии. Если сравнить Индию в этом вопросе с Китаем, то китайские политики после начала реформ 1978 г. дополнили марксизм с его универсалистскими глобальными принципами, обеспечивающими Китаю вписанность в глобальное развитие, конфуцианскими идеями институционально сильного, но при этом благожелательного по отношению к людям государства, а потом соединили эти принципы в идеологических концепциях «гармоничного общества» (Ху Цзинтао) и воплощения «китайской мечты» (Си Цзинпин) о сильном, справедливом и благополучном государстве.

По-видимому, именно цивилизационные факторы сыграли важнейшую роль в том, что за полвека развития Республика Индия смогла избежать крупномасштабных катаклизмов, которые казались неизбежными по социально-экономическим и этнополитическим причинам. Распада государства не произошло, и страна подала пример весьма успешной демократизации. Гораздо более медленная демократизация и реформа управления происходит на низовом уровне в Китае. Но именно это, в конечном, счете не только позволило избежать гражданской войны после свержения «банды четырех», но и убрать главное препятствие для форми-

рования Большого Китая – экономическую и управленческую отсталость политического режима материковой части.

Срединный путь Индии, в свою очередь, давал основания «записывать» страну в различные категории. Существенная роль государства в экономике, значительные ограничения на деятельность предпринимателей позволяли многим советским ученым и политическим деятелям причислять Республику чуть ли не к «странам социалистической ориентации», а американские президенты называли ее «самой большой демократией в мире» благодаря развитию института частной собственности и «Вестминстерской» политической модели. При этом сама страна не тратила силы в бесплодных дискуссиях о своем политическом строе, а продолжала развиваться вполне по деняопиновскому завету «не важно какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей».

Установление в Индии системы представительной демократии в достаточно строгом западном варианте более полувека назад было, возможно, определенным «забеганием вперед», что провоцировало неизбежный «откат» (блестящий теоретический анализ этих категорий был проведен Н.А. Симонией⁵). Эти процессы характерны для всей зоны Юга. После получения независимости местная элита пришла на место чиновников из метрополии. Воспитанная в европейском духе, она старалась способствовать установлению западной системы ценностей. Но по мере смены элиты влияние традиционных цивилизационных ценностей на власть возрастало⁶.

Достаточно отметить, что в индийском парламенте 50 лет назад около половины депутатов имели «европейское образование»,

⁵ См. Симоניה Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: «Наука-ГРВЛ», 1975 [Simoniia N.A. Strany Vostoka: puti razvitiia (Asian and African Countries. Ways of Development). Moscow: «Nauka-GRVL», 1975].

⁶ См. Лунев С.И., Широков Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М.: «Academia», 2001 [Lunev S.I., Shirokov G.K. Transformatsiia mirovoi sistemy i krupneishie strany Evrazii (World System Transformation and the Biggest States of Eurasia). Moscow: «Academia», 2001].

а сейчас – около четверти. При этом сами индийские университеты сделали существенный рывок с точки зрения улучшения системы образования и научных исследований, а филиалы мировых издательств или совместные филиалы Оксфорд Юниверсити Пресс и других мировых издательств обеспечили «вписанность» индийской политической и экономической мысли в мировые стандарты. В то же время стали заметны существенные отличия индийской системы от западной модели, что дает основание многим экспертам причислять страну к «авторитарно-парламентскому» типу. Такая репрессивная мера как введение президентского правления (отстранение законодательной и исполнительной ветви власти в штате и прямое управление им Дели – на определенный срок) применялась в Индии более ста раз, причем она направлялась не только против экстремистов и террористов, но и против правой и левой оппозиции: так, в «красной» Керале президентское правление вводилось десятком раз. Однако «откат» в Индии оказался значительно меньшей длины по сравнению с подавляющим большинством развивающихся стран, и большинство элементов «забегания вперед» оказалось прочно утвержденных на индийской почве, что, безусловно, связано с цивилизационными отличиями Индии. Элементы «авторитарной модернизации» практикуются и в Китае, но при этом они обеспечивают стабильное поступательное движение в финансово-экономической области, а в области образования и исследований китайские университеты стремительно вошли в мировые рейтинги и даже ввели лицензирование деятельности зарубежных университетов в Китае, что позволило создать совместные с зарубежными университетами, ориентированные на самый высокий мировой уровень.

В этих условиях становится понятным сохранение полупартийной политической системы в Китае и отход от складывавшейся было двухпартийной системы и повышение роли региональных партий в Индии. Это тоже своеобразное возвращение к традициям древности и средневековья, для Китая – сохранение, но при этом и трансформация централизирующего начала

с требованием центральной власти к региональным руководителям обеспечить выполнение, прежде всего, экономических параметров развития и опора на меритократию, а для Индии – возвращение к тому периоду ее истории, когда регионы в значительной своей части были свободны от контроля и тем более диктата Центра. В этом контексте для Индии достаточно естественны и потеря Индийским национальным конгрессом монополии на власть, и приход к власти Бхаратия Джаната парти (БДП), настроенной значительно более фундаменталистски по сравнению с ИНК и левоцентристским блоком.

Активизация политического индуизма пока не привела к кардинальному изменению ситуации в стране. Даже западные средства массовой информации перестали постоянно приклеивать ярлык «националистическая» к БДП. Коммуналистские столкновения (особенно часто упоминаются события в Гуджарате в 2002 г.) не перешли на качественно иной уровень при правлении БДП в 1998-2004 гг. и вряд ли перейдут после возвращения Бхаратия джаната парти к власти в 2014 г. На данном этапе можно говорить о росте религиозного ревайвализма в Индии, но данный процесс характерен практически для всех регионов земного шара. Наблюдается он и в Китае. Хотя китайские власти относятся к нему гораздо более настороженно, чем в Индии или других азиатских странах. В этом плане укрепление индуистского фундаментализма является достаточно объективным и относительным – о чем говорит поражение БДП на выборах 2004 г. и 2009 г. Цивилизационные факторы (особенно отметим относительную толерантность) до сих пор позволяли Индии не погрузиться в бездну гражданских войн, этнических, конфессиональных и социальных боев. Сходную роль играет и реабилитация конфуцианства в пореформенном Китае.

Даже во внешнеполитической сфере наблюдается определенный возврат к традиционным нормам: Индия, как и Китай, стала гораздо менее активной на мировой арене. Что касается «миролюбия» страны, то в принципе она его демонстрировала в течение всего периода после получения не-

зависимости. Очевидным исключением стал южноазиатский регион. В целом Индийская цивилизация в рамках мирового сообщества проявляет себя толерантно, с одной стороны, и не проявляет пока особой тенденции к утрате своей идентичности в условиях глобализации, с другой. В то же время роль марксистской традиции в китайской системе государственного управления позволяет соседям с известной долей недоверия относиться к тому, насколько крепки идеи гармоничного развития и гармоничного мира в самом Китае.

Коллективизм, присущий китайской цивилизации, традиционно мощное государство, обожествление на определенных этапах личности правителя (в Индии обожествлялся институт монархии, но не сам царь⁷), культ государства, а не религии, постоянное восприятие централизации и унификации как базовых основ общества (в Индии это происходило в отдельных, исторически коротких фазах)⁸, отсутствие в политической культуре понимания необходимости создания партийно-политической структуры⁹

⁷ Ванина Е. Основные ценности и институты индийской цивилизации (древность и средневековье) / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – с. 42. [Vanina E. Osnovnye tsennosti i instituty indiiskoi tsivilizatsii (drevnost' i srednevekov'e) (Key Values and Institutes of Indian Civilization (Ancient and Middle Ages)) / Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005. P. 42].

⁸ Кондрашова Л.И. Институциональная матрица Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 48-49. [Kondrashova L.I. Institutsional'naia matritsa Kitaiskoi tsivilizatsii (Institutional Matrix of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. Pp. 48-49].

⁹ Хорос В.Г. Попытка синтеза различных срезов Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.2. – с. 58 [Khoros V.G. Popytka sinteza razlichnykh srezov

и разделения властей¹⁰ привели к тому, что политическая система в Китае была намного менее либеральной, чем в Индии (жестко авторитарная и тоталитарная в маоистский период¹¹), а в современности сложился тот строй, который характеризуется как социализм с китайской спецификой¹².

Не менее серьезно сказывается и такой базовый цивилизационный параметр как примат эгалитаризма в Китае и элитарности в Индии.

Элитарный путь развития Индии непосредственно связан с кастовым наследием. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков,

Kitaiskoi tsivilizatsii (An Attempt of Synthesis of Various Aspects of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.2. P. 42].

¹⁰ Виноградов А.В. Преемственность и коллективизм китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 64-65 [Vinogradov A.V. Preemstvennost' i kollektivizm kitaiskoi tsivilizatsii (Continuity and Collectivism of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. Pp. 64-65].

¹¹ Непомнин О.Е. Китайские циклы и модернизация / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 64-90 [Nepomnin O.E. Kitaiskie tsikly i modernizatsiia (Chinese Cycles and Modernization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. Pp. 64-90].

¹² Ломанов А.В. «Мягкая сила» и поиск путей выхода китайской культуры во внешний мир / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 195 [Lomanov A.V. «Miagkaia sila» i poisk putei vykhoda kitaiskoi kul'tury vo vneshnii mir (Soft Power and Trying to Project Chinese Culture Outward) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 195].

занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у представителя зарегистрированных каст (как стали называть бывших «неприкасаемых») за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Политика индийских правительств в рамках борьбы с кастовой дискриминацией после завоевания независимости была направлена на улучшение положения обездоленных в политической и социально-экономической сферах. Так, существует система резервирования мест для бывших неприкасаемых и низкокастовых в учебных заведениях, на государственной службе и в выборных органах; для бедных по-прежнему существуют талоны на товары первой необходимости по символическим ценам; государство самым активным образом развивает мелкий бизнес, способствует созданию новых рабочих мест; за полвека уровень жизни индийских низов вырос очень сильно и т.д. Все это вело к постепенной интеграции низов общества в политическую и социальную жизнь. Весьма активны и общественные организации, защищающие права низов общества: во многом именно их позиция не позволяет элите страны свернуть с избранного курса на обеспечение более достойного существования низших страт. У бывших неприкасаемых существует собственная партия – «Бахуджан самадж парти» (Партия большинства народа), которая на всеобщих выборах в мае 2009 г. получила 6,2% голосов и 21 место в центральном парламенте (в 2004 г. у партии было 19 мандатов), что стало четвертым результатом. Правда, на выборах 2014 г. БСП не завоевала ни одного места, хотя по числу полученных голосов она заняла третье место – после БДП и ИНК.

Существование кастовой системы в течение тысячелетий привело к совпадению социального и экономического статуса, а бедные в своей подавляющей массе происходят из традиционно бедных страт общества (система была, конечно, достаточно гибкой: случалось как возвышение каст, так и их «падение»). Кастовая дискриминация была отменена Конституцией 1950 г., хотя многие эксперты (А. Сен, А. Куценков и другие) полагают, что она сохраняется, но происходит размывание кастовой системы¹³.

С точки зрения чисто гуманистических взглядов, кастовую систему можно называть «пережитком далекого прошлого» и тормозом на пути демократического развития. Но с практической точки зрения, она по-прежнему играет важнейшую роль, железным обручем стягивая самое гетерогенное в мире общество и играя важнейшую роль в плане смягчения социальной напряженности.

В Китае классовый характер властной системы марксистского государства был подвергнут реальным эволюционным преобразованиям в 1978 г. с началом реформ, затем доктринально закреплена через введение системы тройного представительства «сяньгэ дайбяо» при Цзян Цзэмине, а затем через концепцию «гармоничного развития социалистического общества» при Ху Цзинтао, а затем снова подкреплена концепцией «китайской мечты» Си Цзиньпина. Постепенное же реальное правовое и юридическое равноправие обеспечивается верховенством закона и строительством правового государства, демократизацией и экономической децентрализацией снизу при существенном количественном расширении КПК и введением норм меритократического отбора и реальной внутрипартийной выбор-

¹³ См., например: Sen, Amartya. *The Argumentative Indian. Writings on Indian Culture, History and Identity*. London, Penguin Books, 2005. Pp. 34-39; Куценков А.А. Социальный индуизм / Древо индуизма / Под ред. Глушковой И.П. – М.: Восточная литература, 1999. – с. 441-442 [Kutsenkov A.A. *Sotsial'nyi induizm (Social Hinduism) / Drevo induizma* / Ed. by Glushkova I.P. Moscow: Vostochnaia literatura, 1999. Pp. 441-442].

ности при сохранении полупарламентной политической системы.

Элитарная парадигма Индии способствует тому, что ей, по сравнению с подавляющим большинством государств бывшего третьего мира, свойственна качественно более высокая степень восприятия достижений новейшей технологии, умения населения пользоваться ими¹⁴. Это обеспечивает способность Индии осуществить анклавную экономическую модернизацию и не только осваивать высокие импортные технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования, проводить экономическую модернизацию и встать на новую ступень НТР, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афро-азиатском мире. Конечно, ситуация с образованием в целом в Индии пока весьма далека от идеальной, но следует учитывать изначально тяжелое положение, в каком она находилась.

С другой стороны, существование огромного массива неквалифицированного неграмотного населения затрудняет внедрение новейших технологий (крайне низкая стоимость ручного труда в Индии, необходимость обеспечивать работой население и т. д.). Обладая колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня (правда, преимущество перед Китаем здесь уменьшается в результате оттока в развитые страны именно данных групп населения), Индия заметно проигрывает по качеству обычной квалифицированной рабочей силы.

Все попытки улучшения в Индии политического, социального и экономического положения нижних страт (и реальные достижения на этом пути), разрывы в социально-экономическом развитии – между различны-

ми кастами, городом и деревней, различными регионами – имеют ограниченный успех. Разрывы снижаются, и будут снижаться очень медленно. В то же время снижение мирового уровня бедности за последние десятилетия было связано, прежде всего, именно с успехами на этом направлении правительства КНР и правящей партии КПК, которые смогли превратить китайскую экономику во вторую экономику мира, которая хотя и замедлила темпы своего развития в ходе мирового финансово-экономического кризиса, пропустив вперед Индию, но создала такой экономический и внешнеполитический задел, который не позволяет национальной экономике остановиться.

В Индии в конце 1990-х годов (как и в предшествовавший период) в зоне бедности находилось 36% населения, хотя суммарное личное потребление росло в 1980–1990-х годах на 2,6% в год¹⁵. В стране существует национальная программа ликвидации нищеты; ставилась задача довести долю бедных к 2012 г. до 5%, однако она не реализована. В 2001 г. индийское правительство объявило, что доля бедных снизилась до 27%, однако индийские экономисты полагают, что речь идет о простом изменении методики подсчета бедных¹⁶. В 2005 г., по национальной методологии, число бедных оценивалось в 27,5% (в городе – 26%, на селе – 28%)¹⁷. До 2005 г. индийское правительство в своих расчетах опиралось на потребление калорий населением, а после этого официальной методологией стала концепция “минимальной продовольственной корзины” и “прожиточного минимума”¹⁸. В результате оценки бед-

¹⁴ См. более подробно Лунев С.И., Любимов Ю.В. Может ли Восток догнать Запад (развитие науки в крупнейших странах Азии). – М.: Изд-во МГИМО-Университета, 2011. – 208 с. [Lunev S.I., Liubimov Yu.V. *Mozhet li Vostok dognat' Zapad (razvitie nauki v krupneishikh stranakh Azii)* (Can Asia and Africa Catch Up with the West? (Development of Science in the Biggest States of Asia)). Moscow: Izd-vo MGIMO-Universiteta, 2011. 208 p.]

¹⁵ *Overcoming Human Poverty*. United Nations Development Programme. Poverty Report 2000. New York, 2000, pp. 24, 108.

¹⁶ *Debatable figures // Newstime (Delhi)*, 26.03.2001.

¹⁷ *Perspectives on Poverty in India*. Stylized Facts from Survey Data. Washington: The World Bank, 2011, p. 17. Mode of access: <http://indiamicrofinance.com/wp-content/uploads/2011/05/India-Poverty-Report-2011.pdf>

¹⁸ См. Report of the Expert Group to Recommend the Detailed Methodology for Identification of Families Living below Poverty Line in the Urban Areas. Planning Commission. Perspective Planning Division. Government of India. December 2012. Mode of access: <http://>

ности первоначально возросли – до 37,2% в 2004/2005 фин. г., однако уже в 2011/2012 фин. г. правительство давало цифру 21,92%¹⁹, при этом прожиточный минимум оценивался в 27 рупий в день в сельской местности (примерно 0,5 доллара США) и 33 рупии в городской²⁰. При применении международной методологии ситуация, естественно, выглядит хуже: в 2005/2006 фин. г. на сумму менее 1,25 долларов в день жили 41,6% индийцев²¹, на сумму менее 2 долларов – 75,6%, а по Индексу многомерной бедности в этой группе оказалось 51,1% индийцев²².

Показатели развития Республики Индия в трудовой сфере также весьма низки. В 2008 г., по национальной методологии, не учитывающей временно и частично занятых, норма безработных составляла 6,8%, в 2009 г. – 9,4% и в 2013 г. – 4,9%²³. При этом следует учесть, что в 2009/2010 фин. г. 84,9% занятых приходились на неформальный сектор²⁴. Применение международной методологии дает гораздо более высокие цифры безработицы, и, не случайно, социологические опросы показывают, как

правило, что данный вопрос вызывает наибольшую обеспокоенность индийцев.

По социальным показателям ситуация оставалась тяжелой в начале XXI века: 71% населения жили в антисанитарных условиях, 25% не имело доступа к медицинскому обслуживанию²⁵. Если неравенство (по коэффициенту Джини) ранее снижалось, то в последние 20 лет оно росло, особенно в городах, и к 2005 г. вернулось на уровень начала 1980-х годов²⁶. С 1993 г. по 2010 г. доля потребления беднейшего квинтиля (20%) сельского бедного населения даже снизилась с 9,6% до 9,5%, а городского – с 8% до 7%²⁷. При этом официальные цифры по индексу Джини по Индии даются по потреблению на душу населения, а, если рассчитывать показатель по доходу, то Индия оказывается в категории стран с наименьшим равенством. Именно для бедных характерны наиболее негативные показатели по всему социальному комплексу.

В Китае с самого начала развивалась идея природного равенства людей²⁸. В на-

planningcommission.gov.in/reports/genrep/rep_hasim1701.pdf

¹⁹ Handbook of Statistics on Indian Economy 2013-14. Reserve Bank of India. Mumbai: Jyoti Enterprises, 2014. Pp. 258-260.

²⁰ Singh, Kumar. New Poverty Line: Rs 32 in Villages, Rs 47 in Cities // *Times of India*, 07.07.2014.

²¹ Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. – М.: Весь мир, 2011. – с. 144 [Doklad o chelovecheskom razvitii 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnostei: Luchshee budushchee dlia vseh (Report on Human Development 2011. Sustainable Development and Opportunities Equality). Moscow: Ves' mir, 2011. P. 144].

²² Данные Программы развития ООН (UN Development Programme). Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/content/table-6-multidimensional-poverty-index-mpi>

²³ Report on Fourth Annual Employment / Unemployment Survey (2013-14). Volume I. Government of India. Ministry of Labour & Employment. Labour Bureau. Chandigarh: Labour Bureau, 2014. P. 27.

²⁴ World Employment and Social Outlook – The Changing Nature of Jobs 2015. Geneva: International Labour Office, 2015. P. 88.

²⁵ Деброй Б. Вызов глобализации и перспективы Индии / Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. Красильщиков В.А., Хорос В.Г. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – с. 413 [Debroi B. Vyzov globalizatsii i perspektivy Indii (Challenges of Globalization and Prospects for India) / Postindustrial'nyi mir i Rossiia / Ed. by Krasil'shchikov V.A., Khoros V.G. Moscow: Editorial URSS, 2001. P. 413].

²⁶ Perspectives on Poverty in India. Stylized Facts from Survey Data. Washington: The World Bank, 2011. P. 190. Mode of access: <http://indiamicrofinance.com/wp-content/uploads/2011/05/India-Poverty-Report-2011.pdf>

²⁷ Millennium Development Goals, India Country Report 2011 / Central Statistical Organization, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. New Delhi, 2011. P. 29. Mode of access: http://mospi.nic.in/Mospi_New/upload/mdg_2011_24apr12.pdf

²⁸ Васильев Л.С. Китайская цивилизация: сложение основ / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 36 [Vasil'ev L.S. Kitaiskaia tsivilizatsiia: slozhenie osnov (Chinese Civilization: Stem Composition) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruushchem mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 36].

стоящий момент базовыми объявлены конфуцианские принципы: обеспечение «гармонии интересов», роль мощи государства при повышении благосостояния людей, а человек считается конечной целью преобразований²⁹, что отразилось в лозунге «жэнь вэй бэнь» (человек – основа всему), который записан в партийных программных документах.

В сфере образования наглядно проявляются отличия цивилизационных парадигм азиатских гигантов. Если для Китая свойственна идея равенства и равных возможностей для доступа общества к управлению, то в Индии в целом господствует элитаризм. Заметно существенное превосходство Китая в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования. Грамотных в Индии, по данным переписи 2011 г., насчитывалось 74,04%³⁰ (20 лет назад эта цифра составляла 57%³¹), в то время как в Китае неграмотно менее 6%³² (20 лет назад – 15%³³). В 2011 г. средняя продолжительность

обучения в Индии составила 4,4 года, а в КНР – 7,5 лет³⁴. На мировых форумах Индию критикуют за гендерную ситуацию в сфере образования. В 2005 г. доля девочек и девушек в отношении мальчиков и юношей в начальном образовании составляла 94%, среднем образовании – 80% и высшем – 70%³⁵. В этом плане можно продекларировать почти полное равноправие в Китае, где эти показатели равны соответственно 99%, 100% и 95%³⁶. В «зоне безграмотности» в Индии оказались, кроме женщин, низкокастовые, жители сельской местности и северных штатов (Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Орисса и Раджастхан).

Ситуация начинает меняться в сфере высшего образования. Высшим образованием сейчас охвачены 12% индийской молодежи, и правительство ставит задачу довести эту цифру до 30% к 2025 г. Китай, правда, в последнее время совершил качественный скачок по развитию высшего образования и начал даже перегонять Индию. Нельзя, правда, не отметить, что по оценкам экспертов, хотя в Китае получение высшего образования стало носить массовый характер, уровень образования в КНР в целом все же значительно уступает западному (и индийскому).

Совершенно разные подходы две величайшие цивилизации демонстрируют в плане общей унификации. В Индии наглядно проявляется «единство в многообразии», которое многие рассматривают как основу Индийской цивилизации. Индия является

²⁹ Кондрашова Л.И. Цивилизационные факторы реформ в современном Китае / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 160 [Kondrashova L.I. Tsivilizatsionnye faktory reform v sovremennom Kitae (Civilizational Factors of Reforming Modern China) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow.: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 160].

³⁰ Literacy Rate in India / India online, 2012. Mode of access: <http://www.indiaonlinepages.com/population/literacy-rate-in-india.html>

³¹ Ramachandaran, Vimala K.; Rawal, Vitas; Swaminathan, Madhura. Investment Gaps in Primary Education. A Statewide Study // *Economic and Political Weekly*, Vol. 22, No. 1-2, 1997, p. 39.

³² Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии. 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. М.: «Весь Мир», 2011, с. 159 [Programma razvitiia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Doklad o chelovecheskom razvitiie 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnopei: Luchshee budushchee dlia vsekh (UN Development Programme. Report on Human Development 2011. Sustainable Development and Equal Opportunities: the Best Future for All). Moscow: «Ves' Mir», 2011. P. 159].

³³ Biers, Dan; Siddhva, Shiraz. *Life in the Slow*

Lane // *Far Eastern Economic Review*, No. 34, 21/08/1997. P. 72.

³⁴ Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии. 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. М.: «Весь Мир», 2011, с. 128-129 [Programma razvitiia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Doklad o chelovecheskom razvitiie 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnopei: Luchshee budushchee dlia vsekh (UN Development Programme. Report on Human Development 2011. Sustainable Development and Equal Opportunities: the Best Future for All). Moscow: «Ves' Mir», 2011. Pp. 128-129].

³⁵ Human Development Report 2008. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 336.

³⁶ Ibid. P. 335.

самой многонациональной страной в мире, на ее территории говорят более чем на 1600 языках, причем относящимся к различным языковым семьям. К индоарийской группе принадлежит 9, а к дравидской группе – т.е. расово отличной – 4 народа с численностью более 10 млн. человек (а есть еще австроазиатская и сино-тибетские семьи, каждая с численностью населения среднего европейского государства). На территории Индии проживают 4 расы и представители различных религий (индусы, мусульмане, сикхи, джайны, буддисты, парсы, христиане и т.д.). Особая этно-конфессиональная пестрота существует на северо-востоке страны.

Правда, самоидентификация в Индии осуществляется на цивилизационной, а не национальной, основе. В ней даже отсутствует четкое название наиболее многочисленного народа – “хиндустанцев” или “людей, говорящих на хинди”. На низовом уровне они ассоциируют себя либо со всей цивилизацией, либо с локальными сообществами. В Индии в последнее время действительно существует определенное акцентирование субнациональной идентичности. Возникли существенные различия между построенными по национально-лингвистическому принципу штатами, что ведет к политическим противоречиям между ними. В штатах существуют различные структуры экономики; несовпадающие доли промышленности, сельского хозяйства и услуг в ВВП; сельского и городского населения, высококастовых и низкокастовых индийцев; разные темпы экономического роста и рождаемости; различные доли бедных и безграмотных и разные тенденции в их снижении³⁷ и т. д. Стремление к унификации³⁸ привело к тому, что этноконфесси-

ональная обстановка в Китае, в принципе, носит более спокойный характер. Важнейшую роль играет то обстоятельство, что в принципе Китай – мононациональная страна (а это, во многом, результат целенаправленной политики, поскольку, например, существует огромное число антропологических типов китайцев и совершенно различных диалектов китайского языка, и наличествуют серьезные региональные культурные различия³⁹, но все они считаются принадлежащими к одному этносу), и ханьцы составляют 91,6% численности населения⁴⁰. Более того, национальные округа расположены на границах Китая и в целом составляют более половины площади страны. Хотя с 1950 г. китайские власти проводили политику переселения ханьцев в эти районы для уменьшения доли национальных меньшинств, Пекин крайне настороженно воспринимает деятельность уйгурских экстремистов-мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и тибетцев-буддистов в Тибете, в том числе и из-за опасений того, что это может дать толчок сепаратистским настроениям и в других национальных округах.

Одновременно нельзя не отметить цивилизационное единство Китая, пожалуй, еще более глубокое, чем в случае Индии. Китай никогда не отказывался от своих цивилизационных основ, даже в воззрениях партийных деятелей Гоминьдана. А позже

[Khoros V.G. Popytka sinteza razlichnykh srezov Kitaiskoi tsivilizatsii (An Attempt of Synthesis of Various Aspects of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.2. P. 45].

³⁷ Так, в 1972/1973 финансовом году в южном штате Тамилнад насчитывалось 59,7% бедных, а в северном штате Бихар – 54,5%, то в 1993/1994 финансовом году – соответственно 15,6% и 29,2% (Malhotra, Rajeev. Incidence of Poverty in India: Towards a Consensus on Estimating the Poor // *The Indian Journal of Labour Economics*, Vol. 40, No. 1, 1997, pp. 84-87).

³⁸ Хорос В.Г. Попытка синтеза различных срезов Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.2. – с. 55

³⁹ Кондрашова Л.И. Институциональная матрица Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 40. [Kondrashova L.I. Institutional'naiia matritsa Kitaiskoi tsivilizatsii (Institutional Matrix of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol. 1. P. 40].

⁴⁰ Официальный сайт ЦРУ США Режим доступа: <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ch.html>

и КПК (по-разному в разные периоды исторического развития страны) глубинными основополагающими пластами являлись традиционные представления.

Важнейшей отличной цивилизационной характеристикой является и совершенно отличное положение религии в обществе. В Индии религия⁴¹ (индуизм – даже гораздо более широкое понятие, чем просто религия) всегда играла основополагающую роль. Интересно, что в подавляющем большинстве индийские северяне сейчас поддерживают в Шри Ланке тамилы (индуистов), выходцев с дравидского юга Индии (т. е. расово отличных), а не сингалов (буддистов), выходцев с “арийского” севера. В этом плане представляется, что наибольшую угрозу единству Индии представляют религиозные меньшинства, и прежде всего, мусульмане (около 12% населения)⁴².

Мусульманская община Индии во многом вытолкнута из института национального согласия (консенсуса) и в отношении нее

⁴¹ А вот роль церкви в Индии всегда была менее существенной, чем в христианском мире, учитывая, что в Индии никогда не было такой иерархизированной и строгой церковной структуры (Ванина Е. Основные ценности и институты индийской цивилизации (древность и средневековье) / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – с. 42. [Vanina E. Osnovnye tsennosti i instituty indiiŕskoi tsivilizatsii (drevnost' i srednevekov'e) (Key Values and Institutes of Indian Civilization (Ancient and Middle Ages)) / Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005. P. 42]).

⁴² Статистические данные регистрируют, что индекс человеческого развития у мусульман продолжает понижаться по сравнению с индуистами. Правда, это во многом связано не столько с целенаправленной деятельностью правительства, сколько с тем обстоятельством, что мусульмане (как и христиане) представляют, как правило, низы общества, поскольку на территории Индии именно эти группы населения меняли религию в целях освобождения от кастовой системы, обрекающей их на приниженное положение, а в современной Индии они не имеют тех льгот, которые предоставляются «зарегистрированным кастам и племенам», поскольку они не попадают в данную категорию.

крайне слабо реализуются основные принципы политического компромисса. Есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны даже мусульманских верхов. В Индии не проводят специальные исследования положения отдельных профессиональных групп, однако можно предположить, что мусульманская община все больше отстает в политическом, социальном и культурном плане от индусской. Положение осложняется внешней поддержкой индийских исламистских экстремистов, прежде всего, со стороны Пакистана. Однако в стране практически не имеется компактного расселения мусульман (за исключением Кашмира⁴³), поэтому индо-мусульманские противоречия будут, как и прежде, решаться на уровне локальных конфликтов и погромов. Глобальное же противостояние возможно лишь в случае массовой поддержки мусульман со стороны какого-либо крупного блока исламских государств, что маловероятно в обозримом будущем.

В Китае же уже в древности существовала продуманная и разветвленная идеологическая система⁴⁴, и идеология и государство по существу заняли место религии⁴⁵. Для на-

⁴³ В 1947 г. 57% населения штата было мусульманами, в 1981 г. – 64%. Индуисты и буддисты жаловались на дискриминационную политику мусульман, но главным фактором процентного увеличения численности мусульман была более высокая рождаемость у представителей этой религии. Так, в 1951 г. лишь 9,9% индийцев были мусульманами, а в 1991 г. – уже 12,12% (Panandiker, Pai V.A. The Political Economy of Centre-State Relations / India's Economic Reforms and Development, New Delhi: Oxford University Press. P. 388).

⁴⁴ Васильев Л.С. Китайская цивилизация: сложение основ / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 45 [Vasil'ev L.S. Kitaiskaia tsivilizatsiia: slozhenie osnov (Chinese Civilization: Stem Composition) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 45].

⁴⁵ Кондрашова Л.И. Институциональная матрица Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 49. [Kondrashova L.I. Institutcional'naia

циональных меньшинств путь наверх лежит через китайскоязычную систему образования, партийную и государственную карьеру. Относительно мусульманской общины в Китае в различные периоды по-разному реализовались основные принципы политического компромисса. Так же, как и в случае с Индией, есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны мусульманских верхов и можно предположить, что мусульманская община все же отстает в политическом, социальном и культурном плане от китайского населения.

При этом у Индийской и Китайской цивилизации существуют и схожие параметры, которые способствуют наличию много общего в полистратегии. Они интровертны⁴⁶, и в азиатских странах нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Севера. Его не было ни в период английского господства в Индии, ни в начальные годы после достижения независимости, тогда одной из беднейших стран мира, ни в период полуколониального положения Китая и расчленения его территории на зоны влияния, ни в период полной зависимости от Советского Союза, когда Сталин был в состоянии дик-

товать кадровые перемены в китайском руководстве. В азиатских гигантах отсутствует осознание приниженности, и как следствие этого – проявления подобострастности или, напротив, агрессивности. Индия и Китай – две величайшие цивилизации мира, и они (вместе с Древним Египтом и некоторыми другими) олицетворяли человеческое развитие в течение четырех тысяч лет, что никогда не забывалось в азиатских государствах. Не следует забывать, что гегемония Севера насчитывает не более 300 лет, и в Азии не воспринимают европоцентричный взгляд на мир и его историю. Индийцы и особенно китайцы относились к диктату Севера как к временному явлению (понятие времени отличается от европейского у китайцев в корне, а у индийцев – в некоторой степени). Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран является базой для появления даже определенного комплекса превосходства над европейской цивилизацией, которое, по-видимому, и питает в значительной степени ориентацию в целом на бесконфликтное развитие, которое дает надежду на продолжение в целом беспрепятственного дальнейшего экономического развития.

Культурно-цивилизационные особенности китайского и индийского обществ способствуют укреплению позиций азиатских гигантов и в том плане, что ряд школ их философии издавна придавал большое значение человеку, его гармоничному совершенствованию и развитию моральных идеалов. Для Китая на определенных этапах истории было свойственно стремление к самоизоляции⁴⁷ и достаточно презрительное отношение к окружающему миру, но представляется, что в настоящий момент, после всех уроков XX века, этот культурологический пласт не оказывает серьезного воздействия на его

matritsa Kitaiskoi tsivilizatsii (Institutional Matrix of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 49].

⁴⁶ Виноградов А.В. Преемственность и коллективизм китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 64 [Vinogradov A.V. Preemstvennost' i kollektivizm kitaiskoi tsivilizatsii (Continuity and Collectivism of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 64]; Алаев Л.Б. Историческая динамика Индийской цивилизации / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – с. 83-99 [Alaev L.B. Istoricheskaia dinamika Indiskoi tsivilizatsii (Historical Dynamics of Indian Civilization) / Indiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Indian Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005. Pp. 83-99].

⁴⁷ Лычагин А.И. Экономические параметры эволюции Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 136 [Lychagin A.I. Ekonomicheskie parametry evoliutsii Kitaiskoi tsivilizatsii (Economic Parameters of Chinese Civilization Evolution) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 136].

стратегию развития. Соответственно, и в Индии колониальный период “растворил” ощущение своего превосходства и восприятие других как “варваров”⁴⁸. Сейчас индийцы и китайцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта (в Китайской цивилизации традиционно была более высокая степень активной и умелой переработки заимствований⁴⁹), что и составляет основу их успешной стратегии развития.

Лидерству Китая и Индии способствует и роль китайской и индийской диаспор, чье положение, прежде всего, в экономической жизни Юго-Восточной Азии, США, Великобритании, Австралии, ЮАР и других важнейших держав дает возможность оказывать серьезное воздействие на внешний курс стран их проживания в пользу бывшей родины. Эмиграция из Китая и Индии носила, прежде всего, экономический характер и связи китайского и индийского государств с диаспорами никогда не прерывались, и даже в самые сложные периоды развития, такие как «культурная революция», хорошие отношения с диаспорой служили инструментом внешней политики и расширения внешнеэкономических связей.

Для китайской диаспоры характерны многочисленность, высокая степень сплоченности, представительство в различных слоях общества, умение отстаивать свои интересы. Мигрировавший в чужую страну китаец всегда продолжал осознавать свое происхождение, и хуацяо оказали самую активную

помощь развитию экономики КНР: их общие инвестиции в Китай превышают 330 млрд долл. США, то есть более 60% реально использованного иностранного капитала⁵⁰.

Специфика Индийской цивилизации (где по существу настоящим индустриальным может быть лишь тот, кто проживает на территории Южной Азии) определяет положение ее диаспор. Существовало три волны индийской миграции. Классическая культурная и торговая экспансия индийцев в сопредельные страны, прежде всего, Юго-Восточную Азию, проходила еще в древности. Однако связи индийских мигрантов с бывшей родиной вскоре оказались практически прерванными. Вторая волна миграции была связана с “экспортом” кули британскими колонизаторами. С 1833 по 1917 г. около 30 млн индийцев были вывезены с полуострова Индостан по всему периметру Индийского океана – в Южную и Восточную Африку, на Маврикий и Фиджи, в Юго-Восточную Азию, Шри-Ланку и в район Карибского бассейна. Выходцы из Индии не только оказались отрезанными от родины, но и столкнулись с огромными сложностями в плане занятия значимых позиций в странах своего проживания. Диаспора «второй волны», называемая «безнадежной диаспорой»⁵¹, как правило, не имеет доминирующих позиций в странах своего проживания. Во-первых, очень часто индийцы сталкиваются с открытой дискриминацией, особенно со стороны черного населения в Африке и на Карибах (большинство исследователей настолько привыкли к анализу “белого расизма”, что просмотрело феномен “черного расизма”, нередко проявляющегося в гораздо более грубых формах). Во-вторых, индийская диаспора обычно не функционирует как единая группа, не имеет общей организации. Важную роль играет культурологический фактор: индийцы традиционно ориентированы на свою семью (правда, как и

⁴⁸ Хорос В.Г. Заключение / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – с. 222 [Khoros V.G. Zakliuchenie (Conclusion) / Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005. P. 222].

⁴⁹ Васильев Л.С. Китайская цивилизация: сложные основы / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 36 [Vasil'ev L.S. Kitaiskaia tsivilizatsiia: slozhenie osnov (Chinese Civilization: Stem Composition) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 36].

⁵⁰ Стровский Л.Е. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ. – 2008. – № 2. – с. 70. [Strovskii L.E. Rol' khuatsiao v razvitiu kitaiskoi ekonomiki (The Role of Overseas Chinese in Developing Chinese Economy) // Vestnik UGTU-UPI, 2008, No. 2, p. 70].

⁵¹ Цит. по Anjum Z.H. An Ode to the Indian Diaspora // *Little India*, 11.12.2006.

китайцы⁵²), а не на большие группы, что препятствует их активному участию в политической жизни. В-третьих, индийские правительства проявляли мало заботы о положении лиц индийского происхождения. В-четвертых, натурализация индийцев мешают их расовые и религиозные отличия от автохтонов, в том числе и в Юго-Восточной Азии⁵³. В-пятых, не может не сказываться профессиональный уровень индийских переселенцев. В далекие страны вывозились, прежде всего, плантационные работники и чернорабочие. Высококостовых индийцев, даже представителей нижних элитарных слоев практически не было среди мигрантов. Низкий образовательный уровень индийцев второй волны эмиграции сдерживал повышение роли индийских общин в экономической и политической жизни их новой родины.

С 1960-х годов прошлого века началась третья (современная) волна индийской миграции. Это лица, проживающие за границей, но часто сохраняющие индийское гражданство. Их можно разделить условно на две категории: нефтяников (от инженеров до чернорабочих) в зоне Персидского залива и «профессионалов» (интеллигенцию и элиту), выехавших преимущественно в западные страны (но они есть и в зоне Персидского залива). Индийцы, выехавшие

в развитые страны, представляют, в первую очередь, высокоинтеллектуальные группы населения (в США 62% граждан индийского происхождения имеют университетское образование, полученное в Индии или США⁵⁴). В Соединенных Штатах они заняты в информационных технологиях, биотехнологиях, медицине, бизнесе, управлении, журналистике и т.д. Индийская диаспора – одна из наиболее высоко оплачиваемых этнических групп в США. Индийцы «третьей волны», в отличие от предыдущих, делают существенные инвестиции в индийскую экономику (в отдельные годы – более 30% от всех иностранных прямых капиталовложений⁵⁵, которые растут (индийцы «третьей волны» перевели в Индию в 1990 г. 2,3 млрд долларов, в 2000 г. – 12,3 млрд⁵⁶, в 2006 г. – более 23 млрд, а в 2010 г. – 53,9 млрд⁵⁷). Вместе с тем в Индии полагают, что эмигрантам следует существенно увеличить вливания в индийскую экономику, и местная пресса постоянно приводит пример этнических китайцев.

В целом современная индийская диаспора, как правило, также не функционирует как единая группа, не имеет общей организации. Уже второе поколение по существу перестает быть «индийцами»: они не знают языка, не придерживаются принципов индуизма и мало интересуются бывшей родиной своих родителей. Индийская диаспора занимает как бы промежуточное положение между китайской (играющей важнейшую роль для развития своей прародины) и русской (практически полностью растворяющейся на новой родине) диаспорами.

⁵² А.В. Виноградов пишет, что “семья, а не классы и частная собственность, оставалась важнейшим общественным институтом” (Виноградов А.В. Преемственность и коллективизм китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – с. 64 [Vinogradov A.V. Preemstvennost' i kollektivizm kitaiskoi tsivilizatsii (Continuity and Collectivism of Chinese Civilization / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. P. 64])

⁵³ Так, в Бирме выходцы с Индостана именуются “чужаками”, а китайцы, например, – “близкими родственниками” (Листопадов Н.А. Индийцы и китайцы в Бирме: социопсихология и политика // Восток. – 1997. – № 5. – с. 45 [Listopadov N.A. Indiitsy i kitaitsey v Birme: sotsiopsikhologiya i politika (The Indians and Chinese in Burma: Socio-Psychology and Politics) // Vostok, 1997, No. 5, p. 45]).

⁵⁴ US Census Bureau, Profile of General Population and Housing Characteristics: 2010. Mode of access: http://factfinder2.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_DP_DPDP1&ProdType=table, p. 5.

⁵⁵ Hiremath, Jagdish R. India and the Overseas Indians / Indian Foreign Policy. Agenda for the 21st Century / ed. by Mansingh L. New Delhi: Foreign Service Institute in association with Konark Publishers, 1997. Vol. 1, p. 386.

⁵⁶ Panagariya, Arvind. The Indian Diaspora in the United States // *Economic Times*, 23.05. 2001.

⁵⁷ Annual Report 2010-11 / The Ministry of the Overseas Indian Affairs. P. 51. Mode of access: http://moia.gov.in/writereaddata/pdf/Annual_Report_2010-2011.pdf

Эволюционность и градуализм, присущий двум цивилизациям, способствовали, например, сходимости действия властей двух стран при осуществлении экономической либерализации, которой КНР занимается с 1978 г., а Индия – с 1991 г.

В целом, крайне существенные отличия Индийской и Китайской цивилизаций определяют, как правило, различные направления развития азиатских гигантов. При этом возникает парадокс: в полистраатегии сверхкрупных стран наличествует очень много общего, прежде всего, в социально-экономической и международной сферах.

Во-первых, Китай и Индия в обозримом времени не смогут пойти по западному пути создания нового общества по объективным причинам: наличие гигантского массива некавалифицированного (а в Индии и неграмотного) населения не позволяет им применять многие модели развитых стран.

Во-вторых, темпы развития двух стран, по-видимому, будут сходными. Исследование корпорации Рэнд показало, что средневзвешенный прогноз, сделанный научными работниками, экспертами, связанными с бизнес-структурами и международными институтами, дает практически одинаковую цифру (рост в Индии – 5,6%, в КНР – 5,7%)⁵⁸.

В-третьих, в Китае и Индии возникает новое соотношение форм собственности, включающее государственную, смешанную государственно-частную, кооперативную, частную и форму, которую условно можно назвать кланово-конфессиональной. Отсутствие доминирующей или быстро растущей формы собственности определяет определенную автономность государства, относительную независимость его от различных сил.

В-четвертых, объективная ситуация требует наличия сильного государства, координирующего взаимодействие укладов, поддерживающего национальное предпринимательство и связывающего воедино огромную экономику и более чем миллиардное население. Даже в Индии, где государ-

ство традиционно было очень слабым, оно стало ключевым актором.

В-пятых, фундаментальным обстоятельством, общим для данных государств, является, по-видимому, тот факт, что ни одна из них не может решить главных проблем развития за счет преимущественной опоры на внешние факторы, что хорошо осознается в Китае и Индии. Опыт обеих азиатских держав показывает, что опора на внутренний рынок, даже при активной экспортной стратегии или без нее (экспортная квота Китая намного выше), способна обеспечить устойчивое экономическое развитие.

При этом обе страны пытаются извлекать уроки из опыта соседей. Так, сразу после начала мирового экономического кризиса в КНР была создана специальная комиссия по изучению стратегии опоры на свои силы в Индии, а Дели стал заимствовать китайскую политику создания специальных экономических зон для расширения экспорта.

В азиатских государствах создана государственная система умеренной и избирательной защиты внутреннего рынка, планомерной адаптации к внешнему воздействию и стимулирования экспорта продукции обрабатывающей промышленности в качестве последовательных или параллельных стадий экономической стратегии.

В шестых, в азиатских странах оказались достаточно конкурентоспособны многочисленные промежуточные сферы хозяйства, растущие из традиционного сектора (поселковая промышленность в КНР, сельская индустрия в Индии). Обе страны активно поощряют мелкое предпринимательство как фактор экономического и социального развития. Мелкие и средние предприятия развиваются во всех сферах хозяйства. За счет увеличения занятости в сфере услуг в городах в Индии и Китае снижается острота проблем безработицы. Малые предприятия активно участвуют в создании экспортного потенциала.

В-седьмых, для двух стран характерен эффект преимуществ, вытекающих из более низкого уровня цен внутренних рынков в сравнении со среднемировым на значительную часть товаров повседневного спроса в сочетании с масштабами хозяйств и высокой степенью их диверсификации.

⁵⁸ Wolf, Charles Jr. and others. China and India: 2025. A Comparative Assessment / RAND Corporation, 2011. Pp. 38-46. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2011/RAND_MG1009.pdf

В-восьмых, важным показателем китайской и индийской моделей является высокий уровень накоплений.

В-девятых, очень значимыми для экономического развития азиатских гигантов являются, как отмечалось, их диаспоры, проживающие за рубежом.

В-десятых, для Китая и Индии характерны чрезвычайно существенные контрасты.

В-одиннадцатых, экологические проблемы азиатских гигантов являются, пожалуй, самыми масштабными в мире.

Очень близки и параметры внешнеполитической деятельности Китая и Индии. Гегемония Севера отвергается азиатскими гигантами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам, но при этом нет и никакой ориентации на прямое противостояние, к примеру, с США, поскольку военные противостояния суживают поле для экономического развития, о приоритетности которого в обеих странах существует политический консенсус. Для них независимый внешнеполитический курс без прямых военных противостояний с возможными оппонентами и при сохранении открытого развития всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Не случайно, что при существовании такого базового противоречия между Индией и Китаем, как соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входит в тройку основных держав мира, которые имеют наименьшее количество расхождений с КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; только Россия, как правило, голосует с Китаем чаще, чем Индия, по международной безопасности. Подобная ситуация объясняет внешний парадокс: самое активное участие Индии в формате БРИКС. Если для индийско-китайских отношений характерно наличие очень большого количества проблем, то, напротив, происходит заметное индийско-американское

сближение. Именно глобальный уровень поворачивает Дели от США в сторону БРИКС. Для Соединенных Штатов потребуются реагирования, прежде всего, следующие факторы: а) азиатские гиганты не относятся к привилегированной части мировой экономической системы, а, значит, они отнюдь не в восторге от правил игры, навязанных развитыми странами; б) независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью Китая и Индии, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы.

Интересно, что Китай и Индию (как и все государства БРИКС) можно также назвать региональными державами (под этим термином подразумевается государство, способное корректировать политику соседних стран с использованием преимущественно «мягкой силы»), к которым сейчас относится очень небольшое количество стран.

Важно и то, что гегемония «белых» цивилизаций и культур в последние два века не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Общая история и единство задач, проистекающие из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, также, безусловно, цементируют узы стран Юга, в том числе и Индии с Китаем. Все это приводит к тому, что другие региональные державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т. д.) с геополитической и психологической точки зрения склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Постоянное недовольство азиатских гигантов вызывает монопольное положение Запада в экономической системе. Особую неуступчивость Китай и Индия проявляют в отношении финансовой сферы, главного инструмента Запада в обеспечении своего доминирования. Азиатские гиганты пытаются сопротивляться тем аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. В этом плане БРИКС мог бы стать для них ключевым партнером и для укрепления

своего положения в мировой экономической системе и с целью доработки системы глобального управления новыми институтами координации, не имеющими враждебного для кого-либо характера.

При этом азиатские сверхкрупные страны (это касается также Японии и Индонезии) проявляют крайнюю осторожность при осуществлении внешнеполитических действий. Жесткая, иногда сверхжесткая позиция занимает исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам. Правда, КНР стала занимать более активные внешнеполитические позиции за последние 2–3 года. Это, видимо, является проявлением как осознания своей реальной экономической мощи, так и желанием сохранить и/или закрепить это положение через систему новых финансовых договоренностей, а также формальных или неформальных соглашений в области безопасности. Одновременно это является и отражением косвенного недовольства Севером, который, по мнению Пекина, недостаточно адекватно реагировал на линию Дэн Сяопина, завещавшего преемникам «не высываться», что затрудняет для Китая возможность дальнейшего развития. Интересно отметить, что подобное было характерно и для Бразилии. Страна, являясь полюсом антиамериканской политики в Западном полушарии, предпочитает осуществлять «оппозиционные» действия в рамках БРИКС, Меркосур или группы Рио, а не самостоятельно.

И Индия, и Китай воспринимают Россию как одного из наиболее важных и значительных партнеров в современном мире. Базовыми факторами создания треугольника Россия – Индия – Китай являются неприятие всеми странами экономических издержек от сохранения однополярного мира для стран, которые не являются военно-политическими союзниками США и, одновременно, рост исламистского экстремизма и радикализма, влияющими на стабильность развития самих азиатских гигантов.

Описанная схожесть двух стран в социально-экономической и международной сферах в целом мало связана с цивилизационными параметрами, а вытекает преимущественно из единого стадийного развития, общего положения в мировой политической

и экономической системах и схожих задач, принадлежности к категории «сверхкрупных государств». Это говорит о том, что не только цивилизационные параметры не могут определить полистратегию азиатских гигантов, а она должна корректироваться исходя из анализа стадийного развития, положения страны в политической и экономической системах и тех задач, которые нужно решать для обеспечения благоприятного развития своих наций, в том числе и посредством модификации параметров их государственного и внешнеполитического развития. Вместе с тем цивилизационный фактор представляется чрезвычайно важным инструментом для анализа внутривнутриполитического развития, реальной оценки своего места в глобальной системе координат, формирования приоритетов развития и влияния этих приоритетов на формирование внешнеполитических приоритетов.

Литература:

- Anjum Z.H.* An Ode to the Indian Diaspora // *Little India*, 11.12.2006.
- Annual Report 2010-11 / The Ministry of the Overseas Indian Affairs. P. 51. Mode of access: http://moia.gov.in/writereaddata/pdf/Annual_Report_2010-2011.pdf
- Biers, Dan; Siddhva, Shiraz.* Life in the Slow Lane // *Far Eastern Economic Review*, No. 34, 21/08/1997.
- Chapple, Christopher.* Ecological Nonviolence and the Hindu Tradition, Perspectives on Nonviolence / Ed. by Kool V.K. New York, Springer-Verlag, 1990.
- Debatable figures // *Newstime* (Delhi), 26.03.2001.
- Handbook of Statistics on Indian Economy 2013-14. Reserve Bank of India. Mumbai: Jyoti Enterprises, 2014.
- Hiremath, Jagdish R.* India and the Overseas Indians / *Indian Foreign Policy. Agenda for the 21st Century* / ed. by Mansingh L. New Delhi: Foreign Service Institute in association with Konark Publishers, 1997. Vol. 1.
- Human Development Report 2008. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Literacy Rate in India / India online, 2012. Mode of access: <http://www.indiaonlinepages.com/population/literacy-rate-in-india.html>
- Malhotra, Rajeev.* Incidence of Poverty in India: Towards a Consensus on Estimating the Poor // *The Indian Journal of Labour Economics*, Vol. 40, No. 1, 1997.
- Millennium Development Goals, India Country Report 2011 / Central Statistical Organization, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. New Delhi, 2011. P. 29. Mode of access: http://mospi.nic.in/Mospi_New/upload/mdg_2011_24apr12.pdf
- Overcoming Human Poverty. United Nations Development Programme. Poverty Report 2000. New York, 2000.
- Panagariya, Arvind.* The Indian Diaspora in the United States // *Economic Times*, 23.05.2001.
- Panandiker, Pai V. A.* The Political Economy of Centre-State Relations / *India's Economic Reforms and Development*, New Delhi: Oxford University Press.

Perspectives on Poverty in India. Stylized Facts from Survey Data. Washington: The World Bank, 2011, p. 17. Mode of access: <http://indiamicrofinance.com/wp-content/uploads/2011/05/India-Poverty-Report-2011.pdf>

Ramachandaran, Vimala K.; Rawal, Vitas; Swaminathan, Madhura. Investment Gaps in Primary Education. A Statewide Study // *Economic and Political Weekly*, Vol. 22, No. 1-2, 1997.

Report of the Expert Group to Recommend the Detailed Methodology for Identification of Families Living below Poverty Line in the Urban Areas. Planning Commission. Perspective Planning Division. Government of India. December 2012. Mode of access: http://planningcommission.gov.in/reports/genrep/rep_hasim1701.pdf

Report on Fourth Annual Employment/Unemployment Survey (2013-14). Volume I. Government of India. Ministry of Labour & Employment. Labour Bureau. Chandigarh: Labour Bureau, 2014. P. 27.

Sen, Amartya. The Argumentative Indian. Writings on Indian Culture, History and Identity. London, Penguin Books, 2005.

Singh, Kumar. New Poverty Line: Rs 32 in Villages, Rs 47 in Cities // *Times of India*, 07.07.2014.

US Census Bureau, Profile of General Population and Housing Characteristics: 2010. Mode of access: http://factfinder2.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_DP_DPDP1&ProdType=table

Wolf, Charles Jr. and others. China and India: 2025. A Comparative Assessment / RAND Corporation, 2011. Pp. 38-46. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2011/RAND_MG1009.pdf

World Employment and Social Outlook – The Changing Nature of Jobs 2015. Geneva: International Labour Office, 2015.

Алаев Л.Б. Историческая динамика Индийской цивилизации / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005.

Ванина Е. Основные ценности и институты индийской цивилизации (древность и средневековье) / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005.

Васильев Л.С. Китайская цивилизация: сложение основ / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Виноградов А.В. Преемственность и коллективизм китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Деброй Б. Вызов глобализации и перспективы Индии / Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. Красильщиков В.А., Хорос В.Г. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. – М.: Весь мир, 2011.

Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – 229 с.

Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – 203 с.

Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.2. – 190 с.

Кобзев А.И. Китайская цивилизация на оси «Восток – Запад» / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Кондрашова Л.И. Институциональная матрица Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Кондрашова Л.И. Цивилизационные факторы реформ в современном Китае / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Куценков А.А. Социальный индуизм / Дерево индуизма / Под ред. Глушковой И.П. – М.: Восточная литература, 1999.

Листопадов Н.А. Индийцы и китайцы в Бирме: социопсихология и политика // Восток. – 1997. – № 5.

Ломанов А.В. «Мягкая сила» и поиск путей выхода китайской культуры во внешний мир / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Лунев С.И., Любимов Ю.В. Может ли Восток догнать Запад (развитие науки в крупнейших странах Азии). – М.: Изд-во МГИМО-Университета, 2011. – 208 с.

Лунев С.И., Широков Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М.: «Academia», 2001

Лычагин А.И. Экономические параметры эволюции Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Непомнин О.Е. Китайские циклы и модернизация / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1.

Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии. 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. М.: «Весь Мир», 2011.

Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: «Наука-ГРВЛ», 1975.

Стровский Л.Е. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Вестник УГТУ-УПИ. – 2008. – № 2.

Хорос В.Г. Заключение / Индийская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Лунева С.И., Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2005.

Хорос В.Г. Попытка синтеза различных срезов Китайской цивилизации / Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.2.

References:

Алаев Л.В. Istoricheskaia dinamika Indiiskoi tsivilizatsii (Historical Dynamics of Indian Civilization) / Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005.

Anjum Z.H. An Ode to the Indian Diaspora // *Little India*, 11.12.2006.

Annual Report 2010-11 / The Ministry of the Overseas Indian Affairs. P. 51. Mode of access: http://moia.gov.in/writereaddata/pdf/Annual_Report_2010-2011.pdf

Biers, Dan; Siddhva, Shiraz. Life in the Slow Lane // *Far Eastern Economic Review*, No. 34, 21/08/1997.

Chapple, Christopher. Ecological Nonviolence and the Hindu Tradition, Perspectives on Nonviolence / Ed. by Kool V.K. New York, Springer-Verlag, 1990.

Debatable figures // *Newstime (Delhi)*, 26.03.2001.

Debroi B. Vyzov globalizatsii i perspektivy Indii (Challenges of Globalization and Prospects for India) / Postindustrial'nyi mir i Rossiia / Ed. by Krasil'shchikov V.A., Khoros V.G. Moscow: Editorial URSS, 2001.

Doklad o chelovecheskom razvitiu 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnosti: Luchshee budushchee dlia vseh (Report on Human Development 2011. Sustainable Development and Opportunities Equality). Moscow: Ves' mir, 2011.

Handbook of Statistics on Indian Economy 2013-14. Reserve Bank of India. Mumbai: Jyoti Enterprises, 2014.

Hiremath, Jagdish R. India and the Overseas Indians / Indian Foreign Policy. Agenda for the 21st Century / ed. by Mansingh L. New Delhi: Foreign Service Institute in association with Konark Publishers, 1997. Vol. 1.

Human Development Report 2008. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005. 229 p.

Khoros V.G. Popytka sinteza razlichnykh srezov Kitaiskoi tsivilizatsii (An Attempt of Synthesis of Various Aspects of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.2.

Khoros V.G. Zakliuchenie (Conclusion) / Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005.

Kobzev A.I. Kitaiskaia tsivilizatsiia na osi «Vostok – Zapad» (Chinese Civilization on the Axis West-East) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Kondrashova L.I. Institutsional'naia matritsa Kitaiskoi tsivilizatsii (Institutional Matrix of Chinese Civilization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Kondrashova L.I. Tsivilizatsionnye faktory reform v sovremennom Kitae (Civilizational Factors of Reforming Modern China) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Kutsenkov A.A. Sotsial'nyi induizm (Social Hinduism) / Drevo induizma / Ed. by Glushkova I.P. M.: Vostochnaia literatura, 1999.

Listopadov N.A. Indiitsy i kitaitsy v Birme: sotsiopsikhologiya i politika (The Indians and Chinese in Burma: Socio-Psychology and Politics) // *Vostok*, 1997, No 5.

Literacy Rate in India / India online, 2012. Mode of access: <http://www.indiaonlinepages.com/population/literacy-rate-in-india.html>

Lomanov A.V. «Miagkaia sila» i poisk putei vykhoda kitaiskoi kul'tury vo vneshnii mir (Soft Power and Trying to Project Chinese Culture Outward) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. M.: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Lunev S.I., Liubimov Iu.V. Mozhet li Vostok dognat' Zapad (razvitie nauki v krupneishikh stranakh Azii) (Can Asia and Africa Catch Up with the West? (Development of Science in the Biggest States of Asia). Moscow: Izd-vo MGIMO-Universiteta, 2011. 208 p.

Lunev S.I., Shirokov G.K. Transformatsiia mirovoi sistemy i krupneishie strany Evrazii (World System Transformation and the Biggest States of Eurasia). Moscow: «Academia», 2001.

Lychagin A.I. Ekonomicheskie parametryevoliutsii Kitaiskoi tsivilizatsii (Economic Parameters of Chinese Civilization Evolution) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Malhotra, Rajeev. Incidence of Poverty in India: Towards a Consensus on Estimating the Poor // The Indian Journal of Labour Economics, Vol. 40, No. 1, 1997.

Millennium Development Goals, India Country Report 2011 / Central Statistical Organization, Ministry of Statistics and Programme Implementation, Government of India. New Delhi, 2011. P. 29. Mode of access: http://mospi.nic.in/Mospi_New/upload/mdg_2011_24apr12.pdf

Nepomnin O.E. Kitaiskie tsikly i modernizatsiia (Chinese Cycles and Modernization) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Overcoming Human Poverty. United Nations Development Programme. Poverty Report 2000. New York, 2000.

Panagariya, Arvind. The Indian Diaspora in the United States // *Economic Times*, 23.05. 2001.

Panandiker, Pai V. A. The Political Economy of Centre-State Relations / India's Economic Reforms and Development, New Delhi: Oxford University Press.

Perspectives on Poverty in India. Stylized Facts from Survey Data. Washington: The World Bank, 2011, p. 17. Mode of access: <http://indiamicrofinance.com/wp-content/uploads/2011/05/India-Poverty-Report-2011.pdf>

Programma razvitiia Organizatsii Ob'edinnennykh Natsii. Doklad o chelovecheskom razvitiu 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnosti: Luchshee budushchee dlia vseh (UN Development Programme. Report on Human Development 2011. Sustainable Development and Equal Opportunities: the Best Future for All). Moscow: «Ves' Mir», 2011.

Ramachandaran, Vimala K.; Rawal, Vitas; Swaminathan, Madhura. Investment Gaps in Primary Education. A Statewide Study // *Economic and Political Weekly*, Vol. 22, No. 1-2, 1997.

Report of the Expert Group to Recommend the Detailed Methodology for Identification of Families Living below Poverty Line in the Urban Areas. Planning Commission. Perspective Planning Division. Government of India. December 2012. Mode of access: http://planningcommission.gov.in/reports/genrep/rep_hasim1701.pdf

Report on Fourth Annual Employment/Unemployment Survey (2013-14). Volume I. Government of India. Ministry of Labour & Employment. Labour Bureau. Chandigarh: Labour Bureau, 2014. P. 27.

Sen, Amartya. The Argumentative Indian. Writings on Indian Culture, History and Identity. London, Penguin Books, 2005.

Simonita N.A. Strany Vostoka: puti razvitiia (Asian and African Countries. Ways of Development). Moscow: «Nauka-GRVL», 1975

Singh, Kumar. New Poverty Line: Rs 32 in Villages, Rs 47 in Cities // *Times of India*, 07.07.2014.

Strovskii L.E. Rol' khuatsiao v razvitiu kitaiskoi ekonomiki (The Role of Overseas Chinese in Developing Chinese Economy) // *Vestnik UGTU-UPI*, 2008, No. 2.

US Census Bureau, Profile of General Population and Housing Characteristics: 2010. Mode of access: http://factfinder2.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_DP_DPDP1&ProdType=table

Vanina E. Osnovnye tsennosti i instituty indiiskoi tsivilizatsii (drevnost' i srednevekov'e) (Key Values and Institutes of Indian Civilization (Ancient and Middle Ages)) / Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Indian the Civilization in Globalizing World) / Ed. by Lunev S.I., Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2005.

Vasil'ev L.S. Kitaiskaia tsivilizatsiia: slozhenie osnov (Chinese Civilization: Stem Composition) / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Vinogradov A.V. Preemstvennost' i kollektivizm kitaiskoi tsivilizatsii (Continuity and Collectivism of Chinese Civilization / Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire (Chinese Civilization in the Globalizing World) / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1.

Wolf, Charles Jr. and others. China and India: 2025. A Comparative Assessment / RAND Corporation, 2011. Pp. 38-46. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2011/RAND_MG1009.pdf

World Employment and Social Outlook – The Changing Nature of Jobs 2015. Geneva: International Labour Office, 2015.

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-85-106](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-85-106)

IMPACT OF CIVILIZATIONAL SPECIFICS OF THE BIGGEST COUNTRIES ON THEIR SOCIAL, POLITICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS

Reflections upon Reading Books “Indian Civilization in the Globalizing World” and “Chinese Civilization in the Globalizing World” Published by the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

Sergey I. Lunev
Alexei D. Voskressenski

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 09 September 2015</p> <p><i>Accepted:</i> 01 June 2016</p>	<p>Abstract: The article is devoted to civilizational factors of the largest Asian states, which attract much academic attention around the world, India and China, and the influence of these factors and their peculiarities on social, political and economic development. The article is prepared as a discussion of two books prepared by the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences: “Indian Civilization in the Globalizing World” and “Chinese Civilization in the Globalizing World”. The authors rely on comparative method to analyze civilizational codes of India and China, to define key peculiarities of cultural and political development of the both states, to speculate on their historical paths, political systems, religious and ideological factors in the context of civilizational codes. Moreover, the article discusses international environment and the level and trends of economic development. The authors draw a number of conclusion about similarities and differences in two ancient civilizations, as well as their modernization patterns.</p> <p><i>The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 15-03-00338.</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Sergey I. Lunev</i>, Dr. of History, Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University; Department of International Relations of Higher School of Economics (Russia) e-mail: silounev@gmail.com</p> <p><i>Alexei D. Voskressenski</i>, Dr. of Political Science, PhD (Manchester University), Dean, School of Political Affairs; Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: China; India; civilization; modernization; economic development; state; international relations; comparative analysis.</p>	

Для цитирования: Лунев С.И., Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально-политическое и экономическое развитие // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 85-106.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-85-106

For citation: Lunev, Sergey I., Voskressenski, Alexei D. Sravnitel'nyi analiz vozdviistviia tsivilizatsionnykh osobennostei sverkhkрупnykh stran na sotsial'no-politicheskoe i ekonomicheskoe razvitiie (Impact of Civilizational Specifics of the Biggest Countries on Their Social, Political and Economic Development: A Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 85-106.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-85-106

СУБЪЕКТНОСТЬ И ОБЪЕКТНОСТЬ АЗИИ В МИРОВЫХ ПРОЦЕССАХ ПРОИЗВОДСТВА НОВОГО ЗНАНИЯ

Екатерина Валерьевна Колдунова

*МГИМО МИД России,
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 25 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 10 мая 2016 г.</p>	<p>Аннотация: Несмотря на рост объектности стран Азии в мировых экономических и политических процессах в начале XXI века они во многом продолжали оставаться субъектами мировых процессов производства как технического, так и гуманитарного знания. Однако увеличение экономического благосостояния и задачи дальнейшего экономического развития сподвигли ряд азиатских стран к тому, чтобы попытаться преодолеть этот разрыв. В представленной статье в сравнительном плане рассмотрено три направления, по которым предпринимаются попытки преодолеть отмеченный разрыв. К первому направлению относится формирование собственного азиатского дискурса об Азии, то есть комплексные исследования Азии, осуществляемые азиатскими учеными с учетом специфики национальных исследовательских школ. Второе направление представляет собой попытки преодолеть западноцентризм в производстве гуманитарного знания через дискуссию о возможности появления незападной теории международных отношений. Третье направление связано с формированием азиатских фабрик мысли и ростом азиатских университетов, которые активно интернационализируются, перенимают международный опыт и становятся элементами развития высокотехнологической сферы в целом ряде стран Азии.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 15-03-00438</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент Кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: наука; подъем Азии; университеты; фабрики мысли; исследовательские университеты; Азиатские ценности.</p>	

В течение последнего десятилетия основное внимание многих исследователей международных отношений было сосредоточено на рассмотрении вопроса о том, каким образом экономический подъем Азии повлияет на сложившийся после завершения биполярного противостояния мировой порядок и мировую экономическую систему. Основанием для этого стали серьезные экономические изменения, обозначенные некоторыми экспертами как наступление «века Азии». Действительно, начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени доля Азии в мировой экономической активности выросла с 20% до 32%, в то время как доля Европы

снизилась прямо пропорционально росту доли Азии¹. В указанный период резкий экономический рост продемонстрировали сначала Япония, затем новые индустриальные страны первой и второй волны, Китай и Индия.

В 2011 г. Азиатский банк развития подготовил доклад², в котором было обозначено два обобщенных сценария экономического

¹ Why Asia is the New Europe // *The Washington Post*, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

² Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.

развития Азии³: позитивный, предполагающий наступление «века Азии», увеличение доли Азии в мировом валовом продукте до 51% к 2050 г. и, таким образом, восстановление Азией позиций, которые она занимала в мировой экономике до индустриальной революции, и менее оптимистический, постулирующий попадание Азии в ловушку среднего уровня развития. Этим термином в конце первого десятилетия XXI века экономисты стали обозначать достижение рядом развивающихся стран показателей ВВП на душу населения в диапазоне от 10 до 12 тысяч долларов и неспособность преодолеть этот уровень из-за структурных факторов, связанных с недостаточным технологическим развитием.

Несмотря на то, что доклад Азиатского банка развития рассматривал целый ряд вызовов, которые могут сделать дальнейший экономический рост Азии безусловным, видимые экономические сдвиги в этой части земного шара и в особенности экономический подъем Китая, страны с более чем миллиардным населением, привели к тому, что Азия, в особенности Тихоокеанская, стала рассматриваться в качестве все более значимого игрока в мировых экономических делах. Одновременно экономический подъем Китая спровоцировал активную дискуссию о том, каким в дальнейшем может быть поведение экономически укрепившегося Китая на мировой арене: станет ли он ревизионистским государством, стремящимся к пересмотру сложившегося мирового порядка, или он будет придерживаться *status quo* в международных делах, постепенно наращивая свои экономические и, возможно, политические позиции в первую очередь на региональном уровне? Безусловна ли тенденция экономического подъема Китая либо же его ожидает неизбежное замедление темпов роста, как это три десятилетия назад произошло с Японией, первой страной

продемонстрировавшей успехи «восточноазиатского экономического чуда»?⁴

Экономический рост в Китае, Азии и в незападном мире в целом сопровождался также появлением новых структур глобального управления, нацеленных на то, чтобы в большей степени нежели раньше учитывать интересы растущих держав. От практики создания коалиций развивающихся стран, которые пытались оказывать влияние на развитые государства в рамках ООН, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и Всемирного банка под влиянием трансформации структуры мировой экономики, экономических кризисов 1997–1998 и 2008–2009 гг. был сделан шаг к более тесному инкорпорированию растущих азиатских экономик в механизмы глобального управления⁵. В 1999 г. была создана «Группа двадцати», куда, помимо Японии, участницы «Большой семерки», вошли такие азиатские государства как Индия, Индонезия, Китай и Южная Корея. Эти процессы также стали

⁴ Отдельные положения этой дискуссии отражены, например, в следующих работах: Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2013 [Kissinger, Henry. O Kitae (On China). Moscow: Astrel, 2013]; Kang, David. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. NY: Columbia University Press, 2007; Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013; Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia / Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge. Ed. by A. Iwashita. 16-2, Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 35-46; Карпов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. – М.; СПб: Нестор-История, 2014 [Karpov M.V. Zamknutyi krug «kitaiskogo chuda». Rynochnye preobrazovaniia i problema reformiruemosti partiinogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitaiskoi Narodnoi Respublike (Vicious Circle of Chinese Miracle: Market Transformations and the Problem of Transforming Lenin-Style Party System in PRC). Moscow; St.Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014].

³ В докладе Азиатского банка развития использовалось понимание Азии как пространства, включающего три субрегиона: Восточную Азию (включая КНДР), Южную Азию и Центральную Азию (включая Иран). [Ibid, P. 2]

⁵ Практика зарубежного регионоведения. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – С. 466-470 [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia (Practice of World Regional Studies). Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. Pp. 466-470].

основой для новой волны исследований, посвященных структурным сдвигам в процессах глобального управления⁶.

Однако при всем внимании к мировым экономическим и политическим трансформациям, происходящим под влиянием роста азиатских стран, вторичным для исследовательского поля науки о международных отношениях оставалось противоречие, заключающееся в том, что при изменении экономической и отчасти политической роли Азии в мировой системе, научно-технологическое и гуманитарное измерение производства нового знания все также оставались по своей сути западнцентричными. Более того, экономический рост многих азиатских стран (в первую очередь Японии, но затем также новых индустриальных стран первой и второй волн и Китая) стал возможен именно благодаря использованию западного научно-технологического опыта и в результате создания производственных цепочек на базе нескольких стран Восточной Азии транснациональными корпорациями⁷. Исследования в области международных отношений в странах Азии также в основном опирались на западные теории международных отношений.

В результате, несмотря на рост объективности стран Азии в мировых экономических и политических процессах в начале XXI века они во многом продолжали оставаться субъектами мировых процессов производства как технического, так и гуманитарного знания. Тем не менее, увеличение экономического благосостояния и задачи дальнейшего экономического развития сподвигли ряд азиатских стран к тому, чтобы попытаться преодолеть этот разрыв.

В представленной статье в сравнительном плане рассмотрено три направления, по которым предпринимаются попытки преодолеть отмеченный разрыв. К первому направлению относится формирование собственного азиатского дискурса об Азии, то есть комплексные исследования Азии, осуществляемые азиатскими учеными с учетом специфики национальных исследовательских школ. Второе направление представляет собой попытки преодолеть западнцентризм в производстве гуманитарного знания через дискуссию о возможности появления незападной теории международных отношений. Третье направление связано с формированием азиатских фабрик мысли и ростом азиатских университетов, которые активно интернационализируются, перенимают международный опыт и становятся элементами развития высокотехнологической сферы в целом ряде стран Азии.

Формирование азиатского дискурса об Азии

На протяжении нескольких веков исследования Азии, или скорее – «востоковедные исследования», «ориентализм» в терминологии известного американского исследователя арабского происхождения Эдварда Вади Саида⁸, изучение Востока/Азии как противоположности Западу/Европе, были в основном европейским делом. В своем исследовании Саид продемонстрировал процесс становления Востока в качестве субъекта не только политических, но и интеллектуальных действий Запада, создавшего, по мнению автора, собирательный образ и идеологический конструкт, объяснявший, в какой-то мере оправдывавший, действия колонизаторов в Азии и более того – искусственно изменявший структуру подвластных колониальным державам обществ, используя научные достижения этих держав⁹. Таким образом, имела место не только политическая, но и интеллектуальная колонизация.

⁸ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Мирь, 2006 [Saïd E.V. Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism. Western Conceptions of the Orient). St.Petersburg: Mir, 2006].

⁹ Ibid, С. 10-16.

⁶ Hajnal, Peter. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Aldershot: Ashgate, 2007; Smith G. G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance // *CIGI G20 Papers*, 2011 (May), No.6. Mode of access: <https://www.ciaonet.org/attachments/18458/uploads>

⁷ Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон. – М: Практикс, 2004. – С.309-312 [Held D. Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura (Global Transformations: Politics, Economics, and Culture) / D. Held, D. Goldblatt, E. MacGrew, D. Perraton. Moscow: Praksis, 2004. Pp. 309-312].

Колониальный период действительно оказал существенное влияние на формирование исследований азиатских обществ, равно как и повлек за собой коренную трансформацию самих этих обществ, их социально-политической и экономической структуры. Отдельными примерами и того, и другого могут служить, в частности, аграрные истории колоний, рассматриваемые сквозь призму сельскохозяйственных экспериментов, осуществленных колонизаторами¹⁰, или представления об этничности и расах в Азии, сконструированные европейцами в период колониального господства.

Так, например, статистические измерения и переписи населения, предпринятые в британской Малайе концептуализировали взаимосвязь конкретной территории и этничности (прежде всего – малайской), что впоследствии оказало влияние на политическую консолидацию малайцев, партийную и политическую систему независимой Малайзии. Современный малазийский исследователь Фариш Нур иллюстрирует этот тезис данными переписей населения, проведенными британцами в Британской Малайе в 1871, 1891, 1911 и 1931 гг., где многочисленные местные этнические группы были искусственно объединены в три категории – «малайцев», «китайцев» и «индийцев». Это разделение впоследствии сохранилось и надолго пережило колониальный период, нивелируя существовавшие ранее кросс-этнические и кросс-культурные связи между отдельными группами, входившими в разные новообразованные категории¹¹.

После Второй мировой войны в контексте биполярного противостояния капиталистического и социалистического блоков соединение традиционного востоковедения с социальными науками в целях разработки междисциплинарных подходов к изучению Азии приобрело особое значение для США,

заявивших позицию одной из сверхдержав того периода, и их европейских союзников. Азия стала особо важным фронтом практической и идеологической борьбы с коммунизмом.

Концептуально в результате деколонизации на Западе на смену «ориентализму» пришло «страноведение» (*Area Studies*), в рамках которого и стали развиваться азиатские исследования. А в ряде стран Азии, вступивших в военно-политические альянсы с США, Соединенные Штаты за счет программ финансовой поддержки добились существенной американизации местных академических сообществ. Такая судьба, в частности, постигла Японию, после поражения во Второй мировой войне не имевшей достаточных средств для активного финансирования науки.

С 1950-х гг. за счет поддержки Фонда Рокфеллера и грантовой программы Фулбрайта в Японии стали развиваться целые направления японских исследований (например, в области экономики и других социальных наук), которые помимо научных задач выполняли также еще одну важную функцию. Это была функция развития в Японии научных школ и направлений, которые бы могли теоретически обосновать непривлекательность социалистической экономической модели для японской экономики и тем самым нивелировать возможность интеллектуального дрейфа японских ученых в сторону поддержки коммунизма. С 1950-х по 1970-е гг. на учебу в Соединенные Штаты за счет Фонда Рокфеллера было направлено порядка пятисот специалистов в области естественных наук и более ста исследователей в области социальных и гуманитарных наук¹².

К настоящему моменту западные исследования Азии распались на значительное число подкатегорий (исследования Китая, Японии, Индии, Юго-Восточной Азии, исламских стран и т.д.). Их развитие подкреплено наличием различных образователь-

¹⁰ См., например: Ghosh S. Science and Practice: the Colonial Legacy of 'Improvement' in Indian Agricultural Knowledge. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands.

¹¹ Noor, Farish A. What Your Teacher Didn't Tell You: the Annex Lectures. Petalang Jaya: Matahari Books, 2014. P.74.

¹² Karashima, Masato. American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

ных программ в ведущих американских, европейских, австралийских университетах, академических журналов, профессиональных ассоциаций. В то же время под влиянием факторов, связанных с экономическим ростом азиатских стран, формированием стратегий развития национальных научных систем и вследствие этого более высоким уровнем финансирования науки и исследований в целом ряде азиатских стран, в Азии все более активно стали формироваться собственные азиатские исследования и дискуссия о специфике Азии в мировой политической и экономической системе.

Эти исследования, в частности, были направлены на то, чтобы, основываясь на собственных философских и исторических традициях азиатских стран доказать, что концепт «Азии» представляет собой отнюдь не исключительно продукт западной интеллектуальной деятельности, а раздельные барьеры по культурному признаку (Европа-Азия, Запад-Восток) не могут служить единственным основанием для корректных аналитических объяснений современных политических процессов.

Отстаивая эту точку зрения, известный индийский исследователь и лауреат Нобелевской премии по экономике Амартья Сен, с одной стороны, вступил в полемику с первым премьер-министром Сингапура и автором концепции «Азиатских ценностей» Ли Куан Ю, а, с другой стороны, с теми исследователями и политическими деятелями, которые полагали, что только Западу присущи толерантность и уважение прав человека и политических свобод. В своих работах он подчеркивает упрощенный, схематичный характер таких понятий как «Азиатские ценности», в то время как подлинной чертой Азии и азиатских ценностных систем является как раз разнообразие¹³. Или же, по словам другого индийского автора Ашиша Нанди, особенность Азии заключается в ее способности справляться с внутренним разнообразием, сосуществованием внутри азиатских обществ собственного аутентичного культурного кода и европейского, при-

внесенного туда в результате колониального периода, и выживать за счет этого внутреннего разнообразия. По мнению Нанди, это существенным образом отличает Азию от Запада, который стремится к универсализму через унификацию и, пропагандируя идеи толерантности, на практике отнюдь не готов к ней¹⁴.

Собирательный подход к Азии, тем не менее, стал основой для нескольких интересных попыток интеллектуального переосмысления азиатского дискурса об Азии, представленных, например, в работах тайваньского социолога Чэнь Гуансина, представителя материкового Китая, профессора Университета Цинхуа Ван Хуэя и сингапурского исследователя Кишори Махбубани.

Книга Чэнь Гуансина «Азия как метод» представляет собой пример формирования современного научного дискурса, конструирующего представление об Азии среди самих азиатских исследователей. В своей работе автор подчеркивает, что период колониального господства европейских держав был структурно взаимосвязан с периодом «холодной войны» в том плане, что и тот, и другой создавали условия для закрепления доминирования Запада в вопросах производства нового знания. Сейчас же перед Азией стоит задача преодолеть последствия этих периодов, деколонизировавшись в интеллектуальном плане и переосмыслив свои отношения с Западом, основываясь на собственном историческом, политическом, экономическом и культурном опыте и используя этот опыт в качестве точки отсчета для выстраивания взаимодействия между азиатскими странами¹⁵.

В свою очередь Ван Хуэй говорит о том, что идея «Азии» в том виде, в котором она существует в мировой истории сейчас тесным образом связана с периодом модерна, развитием капитализма и становлением концепта «Европы». Он задается вопросом

¹⁴ Nandy, Ashis. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. Mode of access: http://vlal.bol.ucla.edu/multiversity/Nandy/Nandy_cosm.htm

¹⁵ Chen, Kuan-Hsing. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press, 2010. Pp. 3, 212.

¹³ Sen, Amartya. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // *Harvard International Review*, 1998, Vol. 20, No. 3, pp. 40-43.

о том, может ли современная Азия создать новую форму регионального устройства, которая была бы отличной от европейской системы государств-наций эпохи раннего модерна и имперских систем нового типа, под которыми исследователь понимает доминирование США, реализующееся через международные финансовые институты, и Европейского союза, представляющего собой модель «империи кооперативного типа»¹⁶. В таком же дискуссионном ключе сформулировано заглавие сборника эссе известного сингапурского интеллектуала Кишори Махбубани «Могут ли азиаты думать?». В нем автор отмечает несостоятельность ожиданий Запада в отношении того, что по мере модернизации азиатских стран, они будут становиться «интеллектуальными клонами» западных обществ. По мнению автора, этого не происходит, однако вопрос о том, могут ли азиатские страны выработать собственные модели развития и достичь уровня интеллектуального осмысления этих моделей, которые бы позволили Азии органично существовать в современном мире, Кишори Махбубани оставляет открытым¹⁷.

Еще одним интересным явлением в отмеченной дискуссии является постепенная институционализация дебатов об Азии, проявляющаяся в появлении специализированных академических журналов, фокусирующихся на внутриазиатском интеллектуальном диалоге по вопросам, связанным с переосмыслением понятия Азии вне рамок западноцентричного исторического и политологического анализа. В частности, речь идет о таком международном журнале как *“Inter-Asia Cultural Studies: Movements”*, одним из главных редакторов которого является Чэнь Гуансин и который выходит с 2000 г.

Подводя итог сказанному, можно отметить два концептуальных взгляда на проблему разрыва между Западом и Востоком в производстве нового знания применительно к Азии. Один из них исходит из логики

центр-периферийной зависимости, которая продолжает воспроизводиться в современных условиях. Из этого следует, что Запад любыми способами постарается не уступить свое интеллектуальное превосходство Незападу, в то время как перспективы Азии подвергнуть осмыслению собственные проблемы развития вне рамок евроцентричного анализа могут оказаться проблематичными. Эта позиция подкрепляется, в частности, тем фактом, что во многих областях социальных наук Запад продолжает оставаться системой координат для азиатских исследователей, продуцируя универсальную теорию, которую они в лучшем случае могут только протестировать на практическом материале либо отвергать по причинам принципиальной невозможности совмещения западных теоретических подходов с местной спецификой¹⁸. Продолжают сохраняться лидирующие позиции западных стран и в области точных наук. Этот тезис может быть проиллюстрирован статистикой нобелевских премий, полученных американскими, европейскими и западными исследователями. С 1901 по 2014 гг. представителями США было получено более 257 премий, Великобритании – 94, Германии – 80, в то время как граждане Японии становились нобелевскими лауреатами 24 раза, Китая – 12, Индии – 8¹⁹.

Противоположная точка зрения говорит о неизбежности конвергенции, в том числе интеллектуальной, вследствие глобализации, поскольку только единый, а не разобщенный мир мог бы справиться с глобальными вызовами²⁰. Действительно, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что децентрализация мирового «производства знания» отчасти началась и, возможно, достижение баланса западных и незападных исследований остается только вопросом времени. В этом контексте

¹⁸ Так, например, преподавание политологических дисциплин в 2015 г. было запрещено в Узбекистане.

¹⁹ Nobel Laureates and Country of Birth. The Official Web Site of the Nobel Prize. Mode of access: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/countries.html

²⁰ Mahbubani, Kishore. *The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World*. N.Y.: Public Affairs, 2013. P. 51.

¹⁶ Wang, Hui. *The Politics of Imagining Asia: A Genealogical Analysis // Inter-Asia Cultural Studies*, 2007, Vol.8, No.1, pp.18, 27-28.

¹⁷ Mahbubani, Kishore. *Can Asians think?* Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2009. Pp. 22-39.

отдельный интерес представляет дискуссия о возможности формирования незападной теории международных отношений как части более широкого поля социальных наук, которая нашла отражение на страницах книги с соответствующим названием под редакцией известного британского исследователя Барри Бузана и автора индийского происхождения, долгое время работавшего в Сингапуре, а затем в США – Амитава Ачарии.

Перспективы появления незападной теории международных отношений, возможности и пределы интеллектуальных кругов стран Азии повлиять на данный процесс

Проблема западнотризма в теории международных отношений была впервые комплексно обозначена в книге под названием «Незападная теория международных отношений»²¹. Одна из задач исследования заключалась в том, чтобы определить причины, по которым до сих пор не возникло западных теорий международных отношений, объяснить, почему этого не происходит сейчас и наметить направления, по которым появление таких теорий все-таки было бы возможным, учитывая диверсифицированный характер участников международных отношений.

Большинство основных теоретических направлений в науке о международных отношениях, к которым авторы отнесли классический реализм, стратегические исследования, либерализм и неолиберализм, марксизм, английскую школу, конструктивизм и постмодернизм, берут свои истоки в западной философии, политической теории или истории. Кроме того, большинство из этих концептуальных подходов в основном апеллируют к европейскому историческому опыту, точно также как еще несколько десятилетий назад для конструирования объяснений в рамках политической теории считалось достаточным рассмотрение только западных обществ²².

В качестве основных гипотез такого положения дел были предложены следующие тезисы:

1) Западная теория нашла единственно верные объяснения международных процессов. Эта гипотеза сразу же была охарактеризована авторами как спорная, поскольку в отличие от точных наук, гуманитарные науки всегда должны учитывать культурный контекст. При этом, скорее всего, расцвет теории международных отношений на Западе был связан с эффективным обслуживанием внешнеполитических целей.

2) Доминирование западной теории международных отношений можно объяснить длительным периодом империалистического доминирования Запада. В этот период Запад смог эффективно внедрить свои объяснения в умы и политическую практику незападного мира.

3) Незападные теории международных отношений существуют, но они не имеют широкой известности в силу субъективных или объективных препятствий для включения в западный дискурс. К таким причинам можно отнести, например, языковые барьеры.

4) Местные условия не способствуют возникновению теоретических исследований международных отношений (например, не было аналогов таких исторических событий как Вторая мировая война, которые мобилизовали западное общество для теоретического осмысления принципов международного взаимодействия)

5) Западные страны все лишь были пионерами в разработке науки о международных отношениях, и сейчас начинается период догоняющего развития в этом плане для других стран²³.

Интеллектуальные поиски западных теорий международных отношений сейчас происходят по нескольким направлениям. Во-первых, речь идет об обращении к западным исследованиям, которые акцентируют западную специфику и, таким образом,

²¹ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010.

²² Ikeda, Josuke. The Post-Western Turn in International Theory and the English School //

Ritsumeikan Annual Review of International Studies, 2010, Vol.9, pp. 29-44.

²³ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010. Pp.16-22.

корректируют западные теории, а также о соотношении западных теоретических моделей с национальными философскими и историческими традициям. К этой группе относятся исследования Оливера Уолтерса, который, исследуя логику межгосударственных отношений в доколониальной Юго-Восточной Азии, ввел в научный оборот понятие «государств-мандал», которые существовали на Индокитайском полуострове, не имели фиксированных границ (в отличие от Вестфальского типа государств-наций, возникших в XVII в. в Европе) и определялись по политическому центру, а не по их территориальному периметру²⁴. Экономический подъем Китая спровоцировал новую волну интереса к концепции традиционного типа отношений Китая с соседями, разработанной Дж. Фэрбэнком²⁵. Среди современных работ, развивающих эту концепцию применительно к международным отношениям в Восточной Азии, в частности, можно назвать исследования Дэвида Кэнга²⁶. Примером работ второго типа является монография профессора Тайваньского национального университета Ши Чиюя, объясняющая процесс самовосприятия Китаем своего положения в современном мире через определение точек соприкосновения между западными теориями международных отношений и такими традиционными китайскими учениями как легизм, даосизм и конфуцианство²⁷.

Во-вторых, предпринимаются попытки формирования теорий среднего уровня²⁸, к

которым можно отнести ряд исследовательских проектов, осуществляемых в азиатских университетах, в частности, проект разработки «Восточноазиатской теории международных отношений», реализуемый на базе Сеульского национального университета. В задачи проекта входит соотношение принципов западных теорий международных отношений, которые исследовательская команда проекта рассматривает как построенные на достаточной высокой степени упрощения, со сложными реалиями региона Восточной Азии и выработка новых концептуальных подходов, которые могли бы точнее объяснять логику международных процессов в регионе²⁹.

Перечисленные примеры, тем не менее, говорят о том, что современный этап поиска незападных теорий международных отношений в основном характеризуется попытками критического осмысления, адаптации и концептуальной корректировки западных теорий. В результате наука о международных отношениях, несмотря на все более глобальный характер ее предмета, пока что не приобрела универсальный характер, хотя призывы к ее интеллектуальной децентрализации, особенно в Азии, становятся все более активными.

Роль университетов и фабрик мысли в крупнейших странах Азии в развитии науки и высокотехнологичной сферы

Институционально еще одно направление является существенным для понимания того, как трансформируется роль Азии в производстве нового знания. Речь идет о процессе развития и интернационализации азиатских университетов, а также количественном и качественном росте азиатских фабрик мысли.

В 1980–1990е гг. задачи развития университетского образования были сформулированы в качестве национального приоритета в целом ряде стран Азии, в частности – Японии, Сингапуре, Южной

нарного направления как «мировое комплексное регионоведение».

²⁹ East Asian Relations Theory. Project's Web-site: http://www.eastasiainr.com/54532471965122953944495484406012643_intro.html

²⁴ Wolters, Oliver W. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspective*. Ithaca: Cornell University, 1999.

²⁵ *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Ed. by John K. Fairbank. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1968.

²⁶ Kang, David. *China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia*. NY: Columbia University Press, 2007.

²⁷ Shi, Chih-yu. *Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia*. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

²⁸ В данном случае особо подчеркивается разработка именно новых концептуальных подходов (theoretical frameworks), а не «жестких» теорий (theory). В России к данному направлению относится развитие такого междисципли-

Корею, на Тайване, и чуть позднее, на рубеже веков, – в КНР. При том, что изначально повышение качества высшего образования было призвано повлечь за собой повышение уровня качества рабочей силы, упомянутые страны реализовали различные стратегии развития университетов.

Так, например, Сингапур, в силу объективных территориально-географических и экономических ограничений, концентрировался на подъеме двух ключевых университетов – Национального университета Сингапура и Наньянского технологического университета. Национальный университет Сингапура считается старейшим в стране, поскольку отсчитывает историю своего существования с 1905 г., когда был основан медицинский колледж, впоследствии вместе с колледжем Раффлз (специализация – социальные науки) вошедший в состав Университета Малайи. В 1962 г. сингапурское отделение Университета Малайи отделилось и получило название Университета Сингапура. Наньянский технологический университет был создан в 1991 г. (с 1981 по 1991 г. функционировал как институт) и за прошедшие десятилетия добился существенных успехов с точки зрения интернационализации своей деятельности и вклада в развитие национальной экономики. В настоящее время Национальный университет Сингапура и Наньянский технологический университет вошли в число лучших мировых университетов. В частности, по версии рейтинга QS за 2015/2016 гг. они заняли 12-е и 13-е места соответственно³⁰, по версии рейтинга «Таймс» – 26-е и 55-е³¹.

В начале этого века к двум названным сингапурским университетам добавился еще один – Сингапурский университет менеджмента. Целью его создания и активной поддержки было формирование более конкурентной среды в области высшего об-

разования в национальном масштабе. Сингапурский университет менеджмента был основан в 2000 г. как университет полного цикла, предлагающий бакалаврские, магистерские программы и программы уровня PhD в области бизнеса, менеджмента, экономики, права и социальных наук.

В Южной Корее в отличие от Сингапура акцент был сделан сразу же на всем секторе высшего образования и массовом подъеме уровня университетов через активное развитие исследований и интернационализацию высшего образования. В результате такой деятельности улучшение позиций корейских университетов в мировых рейтингах произошло буквально в период жизни одного поколения. В число лучших мировых университетов по версии рейтинга QS в 2015/2016 гг., например, вошли Сеульский национальный университет (36-е место), Пхоханский университет науки и технологий (87-е место), Университет Корё (104-е место), Университет Йонсей (105-е место)³².

В КНР в середине 1990-х гг. вслед за другими странами Восточной Азии началась реализация поэтапного плана создания исследовательских университетов и университетов мирового уровня. В 1995 г. правительством была поставлена задача доведения ста университетов до уровня лучших в стране с точки зрения их роли в социально-экономическом развитии КНР и участия в международном сотрудничестве. Этим университетам были выделены средства на развитие дисциплинарных и междисциплинарных программ и инфраструктуры кампусов.

Отдельный кластер высшего образования должны были составить еще 39 университетов. Предполагалось, что девять из них должны войти в топ мировых университетских рейтингов (Фуданьский университет, Харбинский политехнический университет, Нанкинский университет, Пекинский университет, Шанхайский университет Цзяо Тун, университет Цинхуа, Научно-технический университет Китая, Сианьский

³⁰ QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=+faculty=+stars=false+search=>

³¹ Times World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/3/length/25>

³² QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=71+country=+faculty=+stars=false+search=>

университет Цзяо Тун и Чжэцзянский университет), а остальные тридцать – составить группу университетов с высоким уровнем преподавания и хорошей международной репутацией³³. В рейтингах 2015/2016 гг. перечисленные выше университеты заняли следующие позиции: университет Цинхуа (QS – 25, «Таймс» – 47), Пекинский университет (41; 42), Фуданьский университет (51, по рейтингу «Таймс» – в диапазоне 201-250), Шанхайский университет Цзяо Тун (Университет коммуникаций) (70; 301-350), Чжэцзянский университет (110; 251-300), Научно-технический университет Китая (113; 201-250), Нанкинский университет (130; 251-300), Харбинский политехнический университет (291; 501-600), Сианьский университет Цзяотун (331; 501-600)³⁴. При развитии и интернационализации этих университетов особое внимание уделялось стратегическому планированию, реформированию структуры управления, улучшению инфраструктуры кампуса и, конечно же, повышению качества образования и исследований, включая создание транспарентной интернационализированной системы отбора сотрудников на преподавательские позиции³⁵.

По мере экономического развития и демографического перехода в Восточной Азии изменения происходили не только в уровне качества университетского образования, но также в характере и функциях деятельности университетов. В настоящее время университеты в большинстве стран, добившихся экономического роста благодаря модели восточноазиатского экономического чуда (то

есть создания трудозатратных производств, ориентированных на экспорт) перестали выполнять только образовательные функции. В условиях снижения демографического прироста и структурной трансформации экономик этих стран в направлении создания более интенсивных и наукоемких производств университеты сейчас призваны становиться также исследовательскими центрами, связанными с производственным процессом³⁶ и нацеленным на то, чтобы сформировать в странах Азии экономику, основанную на знаниях³⁷.

Параллельно с развитием университетов в Азии на рубеже веков происходил активный рост фабрик мысли (в англоязычной терминологии – *think tanks*). Принято считать, что фабрики мысли выполняют целый ряд функций, в том числе обеспечивая взаимосвязь исследовательской и политической сфер, и тем самым отличаются от обычных аналитических центров или академических институтов. Во многих странах, в первую очередь в США и Западной Европе, фабрики мысли также играют роль посредников между правительством и обществом, идентифицируют, артикулируют и оценивают насущные проблемы и могут предлагать альтернативные пути их решения, трансформируют идеи и проблемы в вопросы политики, выполняют роль игрока с независимым мнением в политических дебатах, создают конструктивные формы обмена мнениями в процессе выработки политической линии³⁸.

По данным доклада Пенсильванского университета “*Global Go to Think Tank*

³³ Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011. Pp. 34-35.

³⁴ QS World University Rankings 2015-2016; Times World University Rankings 2015-2016.

³⁵ Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011. Pp. 42-52.

³⁶ Ho, Kong. The Universities' Place in East Asian Cities // *Asia Pacific Viewpoint*, 2014 (August), Vol.55, No.2, pp.156-168.

³⁷ Подробнее см., в частности: Лунев С.И. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах Азии / С.И. Лунев, Е.В. Колдунова. – М.: Academia, 2015. – С. 205-345 [Lunev S.I. Razvitiye sotsial'no-politicheskoi mysli, vysokikh tekhnologii i nauki v krupneishikh stranakh Azii (Development of Social and Political Theories, High Technologies and Science in the Biggest Asian States) / S.I. Lunev, E.V. Koldunova. Moscow: Academia, 2015. Pp. 205-345]

³⁸ Hayes, Peter. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia // *Global Asia*, 2015 (Spring), Vol.20, No.1, p. 87.

Report” в 2014 г. наибольшее число аналитических центров насчитывалось в Северной Америке (30% всех мозговых центров мира) и в Европе, включая Россию (27,5%)³⁹. При этом доля азиатских фабрик мысли составила 17% (1106) от общего их числа в мире (6618). За прошедшие годы наблюдался также их существенный количественный рост. Так, например, еще в 2008 г. в Азии существовало порядка 600 фабрик мысли (12%), а если рассматривать ситуацию в более широкой ретроспективе, то до 1960-х гг. в странах Азии практически не было собственных мозговых трестов и подобных научно-аналитических структур⁴⁰.

За прошедшие полвека в Азии сформировались целые группы фабрик мысли, различающиеся своей специализацией. В самом общем виде их можно объединить в несколько категорий. К первой относятся аналитические центры, обеспечивающие экспертизу промышленно-экономической деятельности (например, в составе крупных японских или южно-корейских корпораций). Ко второй – занимающиеся политическим анализом ситуации в стране базирования, проблемами безопасности и международных отношений (например, сеть институтов стратегических и международных исследований в странах Юго-Восточной Азии). В третью категорию можно объединить центры и институты, специализирующихся на вопросах развития гражданского общества⁴¹.

Однако во многих странах Азии фабрики мысли развиваются по иной траектории, нежели в Соединенных Штатах или Европе. Специфика их деятельности зачастую связана с особенностями социального устройства и характера политического режима. В ряде стран, таких как КНР или Вьетнам они выполняют скорее функции экспертно-аналитического обслуживания

государственных органов. Тем не менее, очевиден не только количественный рост фабрик мысли в странах Азии, но и их качественные трансформации, особенно в таких странах как Китай. Эти изменения проявляются в том, что азиатские фабрики мысли становятся все более активными игроками на политическом и экономическом поле, постоянно присутствуют в медийном пространстве своих стран и расширяют свою академическую деятельность⁴². Кроме того, расширяется сетевое взаимодействие азиатских фабрик мысли в рамках регионального сотрудничества и региональных интеграционных проектов. В частности, сетевое взаимодействие экспертных структур налажено в рамках АСЕАН и диалогового механизма АСЕАН+3.

Выводы

Представленный в статье анализ позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на то, что западоцентризм в производстве нового знания пока что не преодолен и доминирование в этой области позволяет западным странам сохранять лидирующие позиции в мировой системе, существуют тенденции диверсификации интеллектуального осмысления мировых процессов. Однако в основном они затрагивают культурно-философские и гуманитарные аспекты, поскольку у многих стран Азии есть возможность обратиться к собственным историческим и философским традициям и предложить альтернативные объяснения на этой основе. По-прежнему характеристикой многих таких объяснений является адаптация западного теоретического знания, а не генерирование собственных теорий.

Одновременно наметилась очевидная поляризация и дифференциация азиатских стран, выразившаяся в появлении группы стран, которые всячески стремятся сократить

³⁹ McGann, James G. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014. P. 53.

⁴⁰ Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры стран Азии: Справочник. – М.: РИСИ, 2013. – С.5, 7 [Komissina I.N. Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii: Spravochnik (Scientific and Analytical Centers in Asia). Moscow: RISI, 2013. Pp.5, 7].

⁴¹ Ibid. С. 6, 8-12.

⁴² Подробнее о трансформации китайский фабрик мысли см., например: Abb, Pascal. China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // German Institute of Global and Area Studies Working Paper No.213. January 2013. Mode of access: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions>

разрыв с Западом в научной и образовательной сферах и, по-видимому, будут продолжать это делать и стран, где такие попытки не предпринимаются. Стремление преодолеть отмеченный разрыв в первой группе стран выражается, в частности, в активной и целенаправленной стратегии этих государств по развитию и интернационализации университетов не только как центров образования, но и как исследовательских кластеров для экономической системы в целом. Параллельно с развитием университетов в этих странах происходит рост фабрик мыслей, также формирующих конкурентное и интернационализированное исследовательское поле азиатских стран.

Литература:

Abb, Pascal. China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // *German Institute of Global and Area Studies Working Paper No.213*. January 2013. Mode of access: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions>

Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.

Chen, Kuan-Hsing. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press, 2010.

East Asian Relations Theory. Project's Web-site: <http://www.eastasiair.com/54532471965122953944-495484406012643intro.html>

Ghosh S. Science and Practice: the Colonial Legacy of 'Improvement' in Indian Agricultural Knowledge. Paper presented for the international conference (IAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands.

Hajnal, Peter. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Aldershot: Ashgate, 2007.

Hayes, Peter. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia // *Global Asia*, 2015, Vol.20, No.1, p.87.

Ho, Kong. The Universities' Place in East Asian Cities // *Asia Pacific Viewpoint*, 2014, Vol.55, No.2, Pp.156-168.

Ikeda, Josuke. The Post-Western Turn in International Theory and the English School // *Ritsumeikan Annual Review of International Studies*, 2010, Vol.9, pp. 29-44.

Kang, David. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. NY: Columbia University Press, 2007.

Karashima, Masato. American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan. Paper presented for the international conference (IAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

Mahbubani, Kishore. Can Asians think? Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2009. Pp. 22-39.

Mahbubani, Kishore. The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

McGann, James G. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014.

Nandy, Ashis. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. Mode of access:

http://vlal.boi.ucla.edu/multiversity/Nandy/Nandy_cosm.htm

Nobel Laureates and Country of Birth. The Official Web Site of the Nobel Prize. Mode of access: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/countries.html

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Pp. 16-22.

Noor, Farish A. What Your Teacher Didn't Tell You: the Annex Lectures. Petalang Jaya: Matahari Books, 2014. P. 74.

Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011.

QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region+=country+=faculty+=stars=false+search=>

Sen, Amartya. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // *Harvard International Review*, 1998, Vol. 20, No. 3, pp. 40-43.

Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013.

Shi, Chih-yu. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

Smith G. G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance // *CIGI G20 Papers*, 2011, No.6. Mode of access: <https://www.ciaonet.org/attachments/18458/uploads>

The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Ed. by John K. Fairbank. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1968.

Times World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/3/length/25>

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia / Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge. Ed. by A. Iwashita. 16-2, Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 35-46.

Wang, Hui. The Politics of Imagining Asia: A Geneological Analysis // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2007, Vol.8, No.1, pp.18, 27-28.

Why Asia is the New Europe // *The Washington Post*, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

Wolters, Oliver W. History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspective. Ithaca: Cornell Univeristy, 1999.

World University Rankings 2015-2016.

Карнов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. – М.;Спб: Нестор-История, 2014.

Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2013.

Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры стран Азии: Справочник. – М.: РИСИ, 2013. – С.5, 7.

Лунев С.И. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах

Азии / С.И. Лунев, Е.В. Колдунова. – М.: Academia, 2015. – С. 205-345.

Практика зарубежного регионоведения. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – С. 466-470.

Caud Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Мирь, 2006.

Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Пerratон. – М: Праксис, 2004. – С.309-312.

References:

Abb, Pascal. China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // German Institute of Global and Area Studies Working Paper No.213. January 2013. Mode of access: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions>

Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.

Chen, Kuan-Hsing. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press, 2010.

East Asian Relations Theory. Project's Web-site: <http://www.eastasiair.com/54532471965122953944-495484406012643intro.html>

Ghosh S. Science and Practice: the Colonial Legacy of 'Improvement' in Indian Agricultural Knowledge. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands.

Hajnal, Peter. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Aldershot: Ashgate, 2007.

Hayes, Peter. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia // Global Asia, 2015, Vol.20, No.1, p.87.

Held D. Global'nyetransformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura (Global Transformations: Politics, Economics, and Culture) / D. Held, D. Goldblatt, E. MacGrew, D. Perraton. Moscow: Praksis, 2004. Pp. 309-312.

Ho, Kong. The Universities' Place in East Asian Cities // Asia Pacific Viewpoint, 2014, Vol.55, No.2, Pp.156-168.

Ikeda, Josuke. The Post-Western Turn in International Theory and the English School // Ritsumeikan Annual Review of International Studies, 2010, Vol.9, pp. 29-44.

Kang, David. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. NY: Columbia University Press, 2007.

Karashima, Masato. American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

Karpov M.V. Zamknutyi krug «kitaiskogo chuda». Rynochnye preobrazovaniia i problema reformiruemosti partiinogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitaiskoi Narodnoi Respublike (Vicious Circle of Chinese Miracle: Market Transformations and the Problem of Transforming Lenin-Style Party System in PRC). Moscow; St.Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014.

Kissinger, Henry. O Kitae (On China). Moscow: Astrel, 2013.

Komissina I.N. Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii: Spravochnik (Scientific and Analytical Centers in Asia). Moscow: RISI, 2013. Pp. 5, 7.

Lunev S.I. Razvitiie sotsial'no-politicheskoi mysli, vysokikh tekhnologii i nauki v krupneishikh stranakh Azii (Development of Social and Political Theories, High Technologies and Science in the Biggest Asian States) / S.I. Lunev, E.V. Koldunova. Moscow: Academia, 2015. Pp. 205-345.

Mahbubani, Kishore. Can Asians think? Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2009. Pp. 22-39.

Mahbubani, Kishore. The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

McGann, James G. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014.

Nandy, Ashis. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. Mode of access: http://vlal.bol.ucla.edu/multiversity/Nandy/Nandy_cosm.htm

Nobel Laureates and Country of Birth. The Official Web Site of the Nobel Prize. Mode of access: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/countries.html

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Pp. 16-22.

Noor, Farish A. What Your Teacher Didn't Tell You: the Annex Lectures. Petalang Jaya: Matahari Books, 2014. P.74.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia (Practice of World Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magist: INFRA-M, 2015. Pp. 466-470.

Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011.

QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=+faculty=+stars=false+search=>

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism. Western Conceptions of the Orient). St.Petersburg: Mir, 2006.

Sen, Amartya. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // Harvard International Review, 1998, Vol. 20, No. 3, pp. 40-43.

Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013.

Shi, Chih-yu. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

Smith G. G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance // CIGI G20 Papers, 2011, No.6. Mode of access: <https://www.ciaonet.org/attachments/18458/uploads>

The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Ed. by John K. Fairbank. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1968.

Times World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/3/length/25>

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia / Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern

Edge. Ed. by A. Iwashita. 16-2, Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 35-46.

Wang, Hui. The Politics of Imagining Asia: A Geneological Analysis // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2007, Vol.8, No.1, pp.18, 27-28.

Why Asia is the New Europe // *The Washington Post*, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

Washington Post, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

Wolters, Oliver W. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspective*. Ithaca: Cornell Univeristy, 1999.

World University Rankings 2015-2016.

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-107-120](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-107-120)

ASIA AS A KNOWLEDGE PRODUCER IN THE WORLD

Ekaterina V. Koldunova

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">25 January 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">10 May 2016</p>	<p>Abstract: For the past few years many IR scholars focused mainly on the question in what way the rise of Asia could influence the post-bipolar world order and world economic system. However with all due attention to the international economic and political transformations, which followed Asia's rise, IR studies paid little attention to the gap between rising economic and to some extent political role of Asia in the world system and still Western-dominated production of new technological and humanitarian knowledge. This article analyses in the comparative way three efforts to bridge this gap. The first one is an effort to build up an indigenous discourse about Asia. The second refers to the discussion about the possibilities to develop a non-Western IR theory. The third one is connected with the rise of Asian think tanks and universities.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department for Asian and African Studies, Deputy Dean of the School of Political Affairs, Senior Expert of ASEAN Centre, MGIMO University</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	<p>Key words:</p> <p>Asia's rise; Science; Universities; think tanks; high technologies; IR theory.</p>
	<p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 15-03-00438</p>

Для цитирования: Колдунова Е.В. Субъектность и объектность Азии в мировых процессах производства нового знания // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 107-120.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-107-120

For citation: Koldunova, Ekaterina V. Sub'ektnost' i ob'ektnost' Azii v mirovykh protsessakh proizvodstva novogo znaniia (Asia: Whither a Knowledge Producer in the World?) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 107-120.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-107-120

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-121-134](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-121-134)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В США: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Игорь Александрович Истомин

*МГИМО МИД России,
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 23 декабря 2015 г. <i>Принята к печати:</i> 01 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В 2000-х – 2010-х годах наметилось сокращение отрыва Соединенных Штатов в научно-технологической сфере от стремительно развивающихся конкурентов. В то же время США остаются явным мировым лидером в этой области, что в значительной степени определялось активной государственной политикой. Настоящая статья ставит целью выявить основные тенденции эволюции научной политики США и причины, обуславливающие сравнительное снижение уровня бюджетной поддержки исследовательской деятельности. Автор рассматривает эволюцию подходов администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, а также демократических и республиканских сил в Палате представителей и Сенате. Он также анализирует вклад в формулирование и реализацию государственной политики правительственных ведомств, непосредственно отвечающих за обеспечение поддержки научных исследований, а также общественных организаций, представляющих интересы ученых. Автор исследует причины усиления конкуренции между правящей администрацией и законодателями от Демократической партии за признание в качестве политической силы, наиболее обеспокоенной проблемами научной политики, а также особенности и последствия принятого в 2009 году Закона о восстановлении и реинвестировании.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 13-02-00337. При ее написании использовались материалы исследовательских интервью автора с представителями Национального научного фонда США, Национальных институтов здравоохранения, Государственного департамента, Американского института исследований, а также ведущих американских университетов. Особую признательность автор хотел бы выразить Е. Ключихину, В. Коннову, М. Кукла, Дж. Лейн, Х. Балзеру, Б. Пэрроту, А. Стент.</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., старший преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России e-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: научная политика США; НИОКР; Национальный научный фонд; Национальные институты здравоохранения; Национальный институт стандартов и технологий; Конгресс США; Национальная академия наук США; политизация науки; инновации; бюджетный процесс.</p>	

Успехи Соединенных Штатов Америки в научно-технической сфере в XX веке превратили их систему организации исследовательской и инновационной деятельности в модель для большинства других стран. В том числе, значительное число ее элементов в последние годы было заимствовано и адаптировано Россией. В то же время научно-исследовательский комплекс США не сохраняется в раз и навсегда определен-

ном виде, он активно меняется, адаптируясь к новым вызовам и задачам.

Одной из основных движущих сил, определяющих направленность и характер этой эволюции, остается государственная политика. Несмотря на то, что правительственные ведомства принимают ограниченное участие в реализации научно-исследовательских проектов и даже в общих затратах на НИОКР (доля их вложений более чем в два раза ниже

в сравнении с частными инвестициями), их роль остается существенной и даже определяющей¹. Государство представляется основным источником поддержки фундаментальных исследований, а правительственные гранты входят в число наиболее престижных².

В последние годы на фоне обострения международной конкуренции, осложнения социально-экономической обстановки в США и нарастания дефицита государственного бюджета научная политика Соединенных Штатов претерпевает существенные изменения. Несмотря на то, что в отечественной литературе присутствует существенное число исследований, посвященных как модели организации исследовательского сообщества США в целом, так и государственной поддержке НИОКР³, эта

проблематика до сих пор не получила достаточно освещения.

При изучении эволюции научной политики США существует тенденция отождествлять ее с меняющимися приоритетами исполнительной власти и сменой правящих администраций. Настоящая статья призвана в большей степени изучить особенности межпартийной борьбы за формирование приоритетов в этой сфере и роль Конгресса. Кроме того, в ней рассматриваются исследовательское сообщество и отдельные ведомства, ответственные за реализацию политики не просто как объекты воздействия и получатели бюджетных средств, но как активно действующие игроки, стремящиеся адаптироваться к меняющимся политическим условиям.

Проблема сохранения научно-технологического превосходства США в 2000-х годах

Середина 2000-х годов была отмечена активизацией дискуссии в США относительно перспектив научной политики страны. Рост заинтересованности к этой проблематике со стороны высшего руководства страны и законодателей был обусловлен меняющимся глобальным контекстом. С середины 1990-х годов американские вложения, в том числе государственное финансирование гражданских исследований росли опережающими

(Research Universities in the U.S.: Mechanism for Integration of Research and Education). Moscow: Magistr, 2009]. Среди работ по научной политике США необходимо, прежде всего, выделить исследования российского специалиста И.В. Данилина: Данилин И.В. Современная научно-технологическая политика США. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. [Danilin I.V. Sovremennaya nauchno-tehnologicheskaya politika SShA (Contemporary Science and Technology Policy of the U.S.). Moscow: IMEMO RAN, 2011.]; Данилин И.В. Трансформация модели государственной научно-технической политики США: от Дж.Буша-ст. до Б.Обамы. – М.: Идея-ПРЕСС, 2008 [Danilin I.V. Transformaciya modeli gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politiki SShA: ot Dzh. Busha-st. do B. Obamy (Transformation of the U.S. Model of State Science and Technology Policy: from G. Bush to B. Obama). Moscow: Ideya-PRESS, 2008.].

¹ Science and Engineering Indicator 2014 / National Science Board, 2014. Mode of access: <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/content/chapter-4/chapter-4.pdf>

² Более того, с 1980-х годов наблюдается тенденция на прагматизацию корпоративных НИОКР, что еще больше повышает значение правительственных инвестиций.

³ См.: Дежина И.Г. Исследовательские университеты за рубежом: опыт для России // ИС. Промышленная собственность. – 2009. – №2 [Dezhina I.G. Issledovatel'skie universitety za rubezhom: opyt dlya Rossii (Research Universities abroad: Lessons for Russia) // IS. Promyshlennaya sobstvennost', 2009, No. 2.]; Игнатов И.И. Американский исследовательский университет как организационная инновация – I / 15.12.2011. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/197177> [Ignatov I.I. Amerikanskij issledovatel'skij universitet kak organizacionnaya innovaciya – I (American Research Universities as an Organizational Innovations – I) / 15.12.2011. Mode of access: <http://kapital-rus.ru/articles/article/197177>]; Игнатов И.И. Американский исследовательский университет как организационная инновация – II / 15.12.2011. Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/197180> [Ignatov I.I. Amerikanskij issledovatel'skij universitet kak organizacionnaya innovaciya – II (American Research Universities as Organizational Innovations – II) / 15.12.2011. Mode of access: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/197180>]; Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. – М.: Магистр, 2009 [Issledovatel'skie universitety SShA: mehanizm integracii nauki i obrazovaniya

темпами по сравнению со средними показателями за вторую половину XX века⁴. При этом наиболее высокий рост поддержки наблюдался в фундаментальной науке, хотя она составляла лишь небольшую часть научно-инновационного комплекса США. Исключением из этой тенденции оставались физические и технические науки, финансирование которых оставалось практически неизменным в период 1993-2003 годов (в среднем поддержка исследований в этих дисциплинах увеличивалась на 0,8% в год)⁵.

В то же время общий уровень наращивания американских инвестиций в науку отставал от общемировых значений. Ведущие развивающиеся страны, прежде всего, Китай обозначили переход к «экономике знаний», построенной на исследованиях и инновациях, приоритетом своей политики⁶. Не только по уровню финансирования, но и по многим другим показателям, в том числе по количеству исследователей, числу цитирований, уровню интернационализации науки КНР начали сокращать отрыв от Соединенных Штатов⁷.

Кроме того, на протяжении последних десятилетий наблюдается деградация естественно-научного образования в США. Ухудшение положения в средней школе ограничивает возможности отбора наиболее талантливой молодежи для исследовательской деятельности. Отчасти эта проблема компенсируется притоком перспективных кадров из-за рубежа. Все больший процент научных степеней в естественных науках

приходится на иностранцев и иммигрантов⁸.

Известный экономист Роберт Самуэльсон сравнил сложившееся к середине 2000-х годов положение с 1957 годом⁹, когда запуск первого советского спутника спровоцировал страх в Соединенных Штатах относительно потенциального отставания в научно-технологической сфере. Растущие опасения относительно ослабления позиций США в этой области обосновали общенациональные усилия по стимулированию исследовательской деятельности. Спутник стал символом провала американской научной политики, неспособной обеспечить первенство страны в освоении космоса. Одновременно, он придал импульс мобилизации национальных ресурсов¹⁰.

К середине 2000-х годов опасения относительно сохранения глобальной конкурентоспособности США нашли отражение как в многочисленных докладах, так и в политических заявлениях. Уже в докладе Комиссии Харта-Рудмана по национальной безопасности 2001 г. отмечалась неадекватность системы воспроизводства научного знания задачам, стоящим перед страной¹¹. В последующие годы различными экспертными группами были подготовлены исследования, освещающие ослабление американских позиций в мировом научном производстве¹².

Наибольшее влияние на последующие политические решения оказал доклад Национальной академии наук США «Подни-

⁴ Galama, Titus; Hosek, James. U.S. Competitiveness in Science and Technology / Santa Monica: RAND Corporation, 2008. Pp. 55-64.

⁵ Ibid. P. 65.

⁶ Клочихин Е.А. Научная и инновационная политика Китая // Международные процессы. – 2013. – Т. 11. – №2 (33). – с. 37-55 [Klochihin E.A. Nauchnaya i innovacionnaya politika Kitaya (Scientific and Innovation Policy of China) // *Mezhdunarodnyye processy*, 2013, Vol. 11, No. 2 (33), pp. 37-55.].

⁷ В то же американский специалист выражает сомнения в том, что количественные показатели отражают реальное соотношение сил США и Китая в научной сфере: Beckley, Michael. China's Century? Why America's Edge Will Endure // *International Security*, Winter 2011/2012, Vol. 36, No. 3, pp. 63-65.

⁸ Bound, John; Turner, Sarah; Walsh, Patrick. Internationalization of U.S. Doctorate Education / National Bureau of Economic Research. Working Paper 14792, March 2009. Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w14792>

⁹ Samuelson, Robert J. Sputnik Scare, Updated // *Washington Post*, August 26, 2005.

¹⁰ Miller, Jon D. The American People and Science Policy. The Role of Public Attitudes in the Policy Process. N.Y.: Pergamon Press, 1983. P.19.

¹¹ US Commission on National Security. Road Map for National Security: Imperative for Change. Washington, DC: US Commission on National Security. February 15, 2001. P.30.

¹² См., например: Offshore Outsourcing and America's Competitive Edge: Losing Out in the High Technology R&D and Services Sector / Office of Senator J.I. Lieberman. May 11, 2004.

маясь над приближающимся штормом»¹³, опубликованный в 2006 г. Он был подготовлен в ответ на запрос сенаторов и представителей от обеих ведущих американских политических партий.

Документ, в подготовке которого приняли участие руководители университетов, представители бизнеса и действующие ученые, отражал возросшие опасения относительно перспектив потери американского лидерства в науке и инновациях. Для удержания ведущих позиций он содержал широкий набор рекомендаций. Ключевое место среди них занимало развитие естественнонаучного компонента школьного образования и удвоение государственных затрат на исследования. Особое внимание специалисты советовали обратить на развитие физических наук и инженерных специальностей.

Расширение числа экспертных публикаций, призывавших к пересмотру научной политики, способствовало привлечению интереса политических кругов к стимулированию научной деятельности. В 2005 г. Демократическая партия выступила с программой повышения инновационности, которая включала в качестве одного из ключевых компонентов повышение финансирования науки и технологии. В качестве задач предложенной повестки дня обозначалась подготовка ста тысяч новых ученых и инженеров, удвоение бюджета Национального научного фонда и возобновление финансирования фундаментальных исследований через Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов¹⁴.

¹³ Rising Above the Gathering Storm: Energizing and Employing America for a Brighter Economic Future. Committee on Prospering in the Global Economy of the 21st Century: An Agenda for American Science and Technology, National Academy of Sciences, National Academy of Engineering, Institute of Medicine. Washington DC: National Academy of Sciences, 2007.

¹⁴ Pelosi: Unveils Innovation Agenda, Part of Vision for a Stronger America. November 15, 2005. Mode of access: <http://pelosi.house.gov/news/press-releases/pelosi-unveils-innovation-agenda-part-of-vision-for-a-stronger-america>. Задача увеличения вдвое бюджета Национального научного фонда была поставлена еще законом, обуславливающим продолжение деятельности этого ведомства, принятом в 2002 г., но так и не исполнялась.

Аналогичные задачи были провозглашены президентом США Дж. Бушем-мл. в его ежегодном послании Конгрессу в январе 2006 года¹⁵. Приоритетное внимание он предлагал уделить развитию нанотехнологий, суперкомпьютеров и освоению новых источников энергии. В ходе реализации обещаний, администрация Дж. Буша приступила к осуществлению объявленной президентом «Инициативы по американской конкурентоспособности»¹⁶. Она предполагала увеличение на 5,9 млрд долларов финансирования исследований, образования и инноваций в 2007 финансовом году¹⁷. По сути, новая политика представляла собой попытку республиканцев перехватить у демократической оппозиции инициативу. В то же время, большую часть поддержки администрация планировала обеспечить за счет налоговых вычетов. Реальное наращивание финансирования из бюджета было ограничено 1,3 млрд долларов.

Таким образом, на основе экспертных рекомендаций, подготовленных Национальной академией наук, сформировался широкий политический консенсус относительно мер стимулирования исследовательской деятельности и развитию естественнонаучного образования. Одновременно наметилась конкуренция между двумя основными политическими силами за первенство в определении научной политики. Она не столько имела принципиальную основу, сколько была обусловлена логикой электоральной борьбы.

После того как выборы в Конгресс 2006 г. принесли победу демократам, они получили возможность оказывать большее влияние на научную политику страны. По инициативе нового председателя Комитета по науке и энергетике Палаты представителей Барта Гордона был принят Закон об инвестировании в инновации посредством поддержки исследований и разработок и

¹⁵ Bush, George. State of the Union Address 2006. January 31, 2006. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/31/AR2006013101468.html>.

¹⁶ American Competitiveness Initiative. Domestic Policy Council, Office of Science and Technology Policy. February 2006. Mode of access: <http://www.nsf.gov/attachments/108276/public/ACI.pdf>

¹⁷ Финансовый год в США начинается в октябре.

повышении конкурентоспособности США (так называемый, Акт КОМПЕТЕС 2007 года)¹⁸. Документ закреплял обязательства правительства обеспечить, начиная с 2008 финансового года, дополнительную поддержку научных исследований – прежде всего, Национальному институту стандартов и технологий и Национальному научному фонду (ННФ). Он законодательно закреплял задачу удвоения бюджета ННФ к 2011 году. В целях повышения значимости научной политики и укрепления межведомственной координации он предписывал создать Совет по инновациям и конкуренции при Президенте США, а также организовать в течение ближайшего года Национальный саммит по науке и технологиям.

Несмотря на многочисленные решения Конгресса относительно повышения уровня финансирования исследований, в действительности объемы государственной поддержки росли существенно медленнее, чем это предполагалось законодательством. В рамках бюджетного процесса объемы финансирования неизменно сокращались по сравнению с ранее запланированным, с учетом ограниченности имеющихся средств. По сути, сложилась устойчивая схема поведения, в рамках которой законодатели закладывают изначально завышенные объемы государственной поддержки науки. Подобные решения отчасти носят популистский характер. Впоследствии при распределении бюджетных средств реальные объемы затрат корректируются.

В этом отношении необходимо учитывать ограниченные лоббистские возможности научного сообщества. В Соединенных Штатах действует широкий круг организаций, в задачи которых входит отстаивание интересов исследователей, в том числе в отношениях с правительством. Наибольшим авторитетом среди них пользуются Национальная академия наук и Американская ассоциация развития науки. Репутация этих

организаций обусловлена фундированностью и глубокой экспертной проработкой их рекомендаций. В то же время их возможности несопоставимы с потенциалом корпоративных или этнических лобби. Они не располагают ни ресурсами соразмерного привлечения финансирования политических кампаний, ни способностью предвыборной мобилизации значительных групп населения.

Кроме того, в качестве представителей интересов научного сообщества в отношениях с Конгрессом выступают ведомства, непосредственно ответственные за реализацию государственной научной политики (такие как ННФ и Национальные институты здравоохранения). В то же время, их способность высказывать независимое мнение ограничена необходимостью поддержания конструктивных отношений с законодателями для обеспечения поддержки в долгосрочной перспективе.

Дальнейшая прагматизация подходов к научным исследованиям в контексте финансово-экономического кризиса в США

Финансово-экономический кризис 2007–2008 годов нанес болезненный удар по научно-технологическому комплексу США. В условиях ухудшающейся конъюнктуры многие американские компании перешли к стратегии сокращения издержек, в том числе на исследовательскую деятельность и разработки. В то же время государственная поддержка науки, напротив, увеличилась.

Пришедшая к власти в 2009 г. администрация Б. Обамы включила повышение инновационности американской экономики в число ключевых приоритетов своей политики. В значительной степени она опиралась на программные наработки демократов середины 2000-х годов. Нарастивание государственных инвестиций с целью преодоления кризиса позволило зарезервировать дополнительные средства и на науку.

В 2009 г. одним из первых шагов новой администрации стало принятие Закона о восстановлении и реинвестировании. В ряду мер, направленных на возобновление экономического роста и стимулирование занято-

¹⁸ An Act to Invest in Innovation through Research and Development, and to Improve the Competitiveness of the United States. Public Law 110–69. 110th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ69/pdf/PLAW-110publ69.pdf>

сти, Закон предполагал выделение 18 млрд долларов на исследования. Большая часть этого финансирования (более 10 млрд) была зарезервирована за Национальными институтами здравоохранения; кроме того, существенные средства получили ННФ (3 млрд) и Министерство энергетики (2 млрд)¹⁹.

Особенностями этого пакета государственных вложений были разовый характер финансирования, требование быстрого расходования средств и привязывание к краткосрочным результатам по наращиванию занятости. Подобные условия осложняли использование полученных средств ответственными ведомствами. В результате они приняли различные стратегии освоения полученных ресурсов.

Министерство энергетики, с учетом его опыта в реализации крупномасштабных исследовательских проектов в национальных лабораториях, предпочло инвестировать полученные средства в капитальные расходы по строительству и оборудованию помещений для научных учреждений. ННФ сделал приоритетом повышение падавшего в последние годы процента одобренных грантовых заявок. Таким образом, он направил полученные вложения на уже реализуемые программы.

Национальные институты здравоохранения пошли на наиболее рискованную стратегию инициирования новых грантовых конкурсов²⁰. В условиях, когда полученное финансирование необходимо было освоить в течение пяти лет и отсутствовали обязательства дальнейшей поддержки, инициирование новых конкурсов могло создать завышенные ожидания среди исследователей в отсутствии гарантий устойчивости новых направлений научных разработок.

После Закона о восстановлении реинвестировании исполнительной власти удалось

обеспечить принятие обновленной версии Акта КОМПЕТЕС в 2010 г., который предусматривал дальнейшее наращивание финансирования ННФ, Национального института стандартов и технологий, а также Министерства энергетики²¹. Тем не менее, опасения относительно способности администрации Б. Обамы обеспечивать поступательное наращивание государственных инвестиций в науку на фоне осложнения экономической ситуации получили подтверждение уже к середине его первого срока.

Преодоление последствий кризиса за счет наращивания государственных расходов привело к разрастанию бюджетного дефицита в США. В результате 2011 г. был отмечен противостоянием между исполнительной властью и Конгрессом относительно сокращения бюджета и поиска дополнительных источников финансирования. Неспособность основных политических сил Соединенных Штатов достигнуть содержательного компромисса по этой проблеме в следующем году привела к механическому секвестру государственного финансирования (сокращению на 5% всех гражданских статей бюджета и еще большее сокращение оборонных расходов)²².

В сложившихся условиях государственные агентства, обеспечивающие реализацию научной политики, также продемонстрировали различные стратегии адаптации. Министерство энергетики и Национальный институт стандартов и технологий, имеющие значительный собственный исследовательский потенциал, вынуждены были его сокращать, вплоть до увольнения части исследователей. ННФ уменьшил количество выдаваемых грантов, что привело к новому возрастанию конкуренции. В результате процент одобренных заявок снизился до

¹⁹ An Act to Invest in Innovation through Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for Other Purposes. 111th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111hr5116enr/pdf/BILLS-111hr5116enr.pdf>

²⁰ Mervis, Jeffrey. Science and the Stimulus // *Science*, November 27, 2009, Vol. 326, No. 5957. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/326/5957/1176.full?sid=b109bb1c-4546-4267-b642-bee0480ed342>

²¹ An Act to Invest in Innovation through Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for Other Purposes. 111th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111hr5116enr/pdf/BILLS-111hr5116enr.pdf>

²² Khimm, Suzy. The Sequester, Explained. September 14, 2012. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2012/09/14/the-sequester-explained/>

20%²³. В свою очередь, Национальные институты здравоохранения предпочли, прежде всего, сокращать размеры грантов, а не их количество²⁴.

Начиная с 2013 г. правящая администрация предпринимает попытки перезапустить наращивание государственной поддержки научных исследований, что выразилось в подготовке бюджетного запроса на 2014 финансовый год²⁵. В то же время в условиях ограниченности государственных ресурсов существенно меняется структура приоритетов правительства в сфере научной политики.

В период правления администрации Б. Обамы наиболее существенно возросло финансирование исследований в физических, математических и технических науках. В частности, наблюдалось наиболее существенное наращивание финансирования исследований Национального института стандартов и технологий, отвечающего за прикладные разработки. Хотя это ведомство и остается одним из самых небольших в области научной политики (в 2012 финансовом году его бюджет не превышал 567 млн долларов), в процентном отношении его доля в бюджете США на НИОКР растет. Одновременно, наблюдается увеличение расходов на фундаментальные исследования в физических, математических и технических дисциплинах через ННФ. Тем не менее, задача удвоения его бюджета в настоящее время уже не ставится. Более того, с учетом инфляции реальный бюджет всех научных ведомств, кроме Национального институ-

та стандартов и технологий, с 2010 года снижается²⁶.

В том числе, до последнего времени уменьшалась государственная поддержка биомедицинских исследований в США. После существенного единовременного вброса финансирования в рамках Закона о восстановлении и реинвестировании бюджет Национальных институтов здравоохранения практически не увеличивается. Показательно, что с учетом инфляции расходы администрации Б. Обамы на поддержание деятельности этого ведомства неизменно оставались ниже, чем у его предшественника²⁷.

Подобное снижение представляет собой коррекцию форсированного роста в первой половине-середине 2000-х годов, когда доля биомедицинских исследований в расходах на науку увеличилась с примерно одной трети до половины²⁸. Опережающие вложения в физические, математические и технические дисциплины соответствуют рекомендациям доклада Национальной академии наук 2005 г, что еще более существенно: с политической точки зрения они воспринимаются как источник коммерциализируемых инноваций, способных стимулировать ускорение роста американской экономики уже в обозримой перспективе. В то же время развитие биомедицинских исследований рассматривается скорее через призму решения социальных, а не экономических задач.

В то же время в американском политическом истеблишменте сохраняется влиятельная часть, отстаивающая дальнейшее наращивание инвестиций в Национальные институты здравоохранения²⁹. Администрация Б. Обамы

²³ McDonnell, Tim. Taking Research for Granted // Slate. Mode of access: http://www.slate.com/articles/health_and_science/climate_desk/2014/10/science_funding_lamar_smith_continues_the_republican_crusade_against_research.html

²⁴ Mervis, Jeffrey. What It Means for Agencies to Be Under the Sequester // Science, March 1, 2013, Vol. 339, No. 6123. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/339/6123/1020.full?sid=535b184a-6a06-44ed-bff6-fc3ad14b42a5>

²⁵ Mervis, Jeffrey. Request Would Let Science Rebound From Sequester // Science, April 19, 2013, Vol. 340, No. 6130. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/340/6130/257.full?sid=535b184a-6a06-44ed-bff6-fc3ad14b42a5>

²⁶ Deng, Boer. Congress Is Terrible at Science – and This Should Make Us Worried. May 7, 2014. Mode of access: http://www.slate.com/blogs/weigel/2014/05/07/the_first_bill_is_terrible_for_american_science_and_declining_research_funds.html

²⁷ Stein, Sam. Lawmakers Try To Save Science Funding Amid Rush To Restore Defense Spending // *Huffington Post*, September 20th, 2014. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2014/09/19/science-funding_n_5850412.html

²⁸ Galama, Titus; Hosek, James. U.S. Competitiveness in Science and Technology / Santa Monica: RAND Corporation, 2008. Pp. 55-64.

²⁹ US Commission on National Security. Road Map for National Security: Imperative for Change.

также подтвердила приверженность поддержке биомедицинских исследований, анонсировав в апреле 2013 г. новую «Инициативу по исследованию мозга»³⁰. Несмотря на то, что в ее реализации участвуют пять государственных ведомств (в том числе ННФ, Агентство передовых оборонных исследовательских проектов, Агентство передовых разведывательных исследовательских проектов, Управление по контролю за продуктами и лекарствами), Национальные институты здравоохранения играют в этом процессе ключевую роль и получают львиную долю финансирования.

При изучении уровня государственной поддержки науки в США необходимо учитывать, что, несмотря на наращивание финансирования в абсолютных объемах, его доля в общих масштабах экономики страны на протяжении последнего десятилетия снижается. Общие правительственные затраты на науку (без учета опытно-конструкторских разработок) упали с 0,47% ВВП в 2003 финансовом году до 0,39% в середине 2010-х годов³¹. В этой связи показательно, что неоднократно заявляемая цель удвоения расходов на исследовательскую деятельность раз за разом оставалась невыполненной.

В условиях конкуренции за ограниченные государственные ресурсы, сложившаяся модель отношений между научным и политическим сообществами подвергается очередному пересмотру. В отличие от прошлых подобных случаев в новой ситуации подвергаются сомнению основы компромисса, сохранявшегося на протяжении второй половины XX века.

Попытки ужесточения контроля научных исследований

Опыт преодоления финансово-экономического кризиса 2007-2008 годов стимули-

ровал в США дискуссии об ужесточении бюджетной дисциплины. В отношении научной политики это означало возрастание требований к обоснованию практических результатов исследовательской деятельности. Как отмечалось ранее, традиционно большая часть государственных вложений в НИОКР была связана с решением прикладных задач. В то же время признавалась потребность в проведении фундаментальных исследований, расширяющих границы познания, даже несмотря на то, что они не предполагали возможности скорой коммерциализации получаемых результатов.

Прежде всего, решение подобных задач было поручено ННФ. В последние годы мандат Национального научного фонда на развитие «чистой» науки подвергается эрозии. В частности, Закон о восстановлении и реинвестировании прямо содержал требование продемонстрировать практическую отдачу от проводимых исследований.

Еще большее давление Фонд начал испытывать с 2013 г. на фоне укрепления республиканской оппозиции развитию фундаментальной науки. Представителей консервативных кругов американского политического сообщества нельзя рассматривать в качестве однозначных противников научно-исследовательской деятельности. В то же время в качестве приоритетных объектов государственных вложений они рассматривают прикладные разработки, прежде всего, в оборонной сфере.

В этой связи показательным стало требование члена Палаты представителей от Республиканской партии Т. Кобурна, который в ходе дебатов по бюджету в 2013 г. потребовал ограничить финансирование ННФ исследований по политическим наукам только теми проектами, которые напрямую способствуют обеспечению национальной безопасности и экономическому развитию США. После того как это положение было закреплено законодательно, Фонд на год был вынужден отказаться от поддержки политологов³².

Washington, DC: US Commission on National Security. February 15, 2001.

³⁰ Fact Sheet: Over \$300 Million in Support of the President's BRAIN Initiative. September 30th, 2014. Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/brain_fact_sheet_9_30_2014_final.pdf

³¹ Hourihan, Matt. R&D Funding in FY 2015 Appropriations So Far: A Roundup. September 2, 2014. Mode of access: <http://www.aaas.org/news/rd-funding-fy-2015-appropriations-so-far-roundup>

³² Впоследствии такое ограничение было снято. Mervis, Jeffrey. U.S. Political Scientists Relieved That Coburn Language Is Gone // Science, January 23, 2013. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2014/01/u.s.-political-scientists-relieved-coburn-language-gone>

Действия Т. Кобурна стали частью более широкой кампании, инициированной членами Палаты представителей от Республиканской партии во главе с председателем Комитета по науке, космосу и технологиям Ламар Смитом, по повышению контроля над деятельностью ННФ³³. Беспрецедентным шагом стал запрос Л. Смитом подробной информации по отдельным грантовым заявкам, в том числе конфиденциальных сведений об анонимном рецензировании. Подобные сведения используются для дискредитации проектов, финансируемых Фондом, на фоне его высоких показателей в рамках традиционной бюрократической логики. Административные расходы ведомства не превышают 5%³⁴, что позволяет направлять максимальную часть получаемых средств на поддержку научных проектов, а не на поддержание аппарата ННФ.

Подобная эффективность долгое время помогала ННФ отстаивать реализацию фундаментальных исследовательских программ. В то же время представители Республиканской партии высказывают сомнение в том, что результаты отдельных исследований спонсируемых Фондов способствуют решению значимых социальных задач. В этой связи они требуют дополнить традиционную коллегиальную оценку интеллектуальной глубины и оригинальности предлагаемых проектов механизмами, подтверждающими их соответствие государственным и общественным интересам³⁵.

Такое требование получило воплощение в ряде законодательных инициатив. В 2013 г. представители Республиканской партии в Палате представителей инициировали Законопроект об освоении горизонтов иннова-

ций, исследований, науки и технологий (Акт ФЕРСТ)³⁶. Принятие этого документа представляло бы альтернативу обновлению Акта КОМПЕТЕС, которое отстаивали как члены Палаты представителей от Демократической партии, так и американский Сенат³⁷.

Законопроекты различались по составу регулируемых ведомств – конгрессмены-республиканцы предлагали оформить поддержку исследовательских программ Министерства энергетики отдельным документом. Обновленный вариант Акта КОМПЕТЕС также был рассчитан на более длительный срок, так как санкционировал финансирование фундаментальных исследований на четыре года, тогда как Акт ФЕРСТ – только на два. Наконец, два законопроекта различались по объему выделяемых средств. По сути, принятие варианта, поддержанного Комитетом по науке, космосу и технологиям Палаты представителей, означало отказ от цели удвоения расходов на развитие научных исследований.

В условиях взаимного блокирования законопроектов об установлении параметров финансирования науки на многолетнюю перспективу борьба между демократами и республиканцами была перенесена на вопросы распределения средств в рамках однолетнего бюджета на 2015 финансовый год. При его согласовании Палата представителей, контролируемая наиболее консервативными членами республиканского истеблишмента, добивалась снижения затрат на финансирование фундаментальных исследований Министерства обороны, а также исследований в области возобновляемой энергетики и общественных наук. При этом она была нацелена на активное наращивание поддержки опытно-конструкторских разработок в оборонном секторе и космонавтике, а также в

³³ Hiltzik, Michael. The Congressional GOP Sharpens Its Knives to Attack Scientific Research // *LA Times*, November 10, 2014. Mode of access: <http://www.latimes.com/business/hiltzik/la-fi-mh-knives-for-scientific-research-20141110-column.html>

³⁴ Consolidated Appropriations Act of FY 2014. January 23, 2014. Mode of access: http://www.nsf.gov/about/congress/113/highlights/cu14_0123.jsp

³⁵ Statement of Chairman Lamar Smith (R-Texas). Full Committee Markup of H.R. 4186: The FIRST Act. May 21, 2014. Mode of access: <http://science.house.gov/sites/republicans.science.house.gov/files/documents/HHRG-113-%20SY-WState-2-S000244-20140521.pdf>

³⁶ H.R. 4186. A Bill to Provide for Investment in Innovation through Scientific Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for the Other Purposes / 113th Congress. 2nd Session. Mode of access: http://science.house.gov/sites/republicans.science.house.gov/files/documents/HR4186_0.pdf

³⁷ Spizzirri, Sara. Future Uncertain for COMPETES Legislation / AAAS, September 5, 2014. Mode of access: <http://www.aaas.org/news/future-uncertain-competes-legislation>

физических, математических, технических науках и прикладной информатике.

В свою очередь контролировавшие Сенат демократы выступали с прямо противоположной программой, добиваясь более равномерного распределения расходов между фундаментальными дисциплинами, выделения дополнительных средств на изучение гидросферы и атмосферы, приоритизации исследований в области энергетики, наращивания расходов на внедрение результатов прикладных исследований через Национальный институт стандартов и технологий³⁸.

Победа республиканцев на выборах в Конгресс в 2015 г. и переход к ним контроля над Сенатом не сильно поменяла соотношение сил в вопросах научной политики. В рамках нового цикла Палата представителей в 2015 году предложили свой вариант обновленного Акта КОМПЕТЕС, вместивший в себя основные положения, которые они стремились обеспечить с помощью законопроекта ФЕРСТ ранее³⁹.

Несмотря на то, что его сторонникам из Палаты представителей не удалось добиться его форсированного принятия⁴⁰, возрастает угроза усиления регулятивного контроля над ведомствами, обеспечивающими финансирование научных исследований. Издержками растущего регулирования становится снижение продуктивности научных исследований⁴¹.

³⁸ Hourihan, Matt. R&D Funding in FY 2015 Appropriations So Far: A Roundup. September 2, 2014. Mode of access: <http://www.aaas.org/news/rd-funding-fy-2015-appropriations-so-far-roundup>

³⁹ Mervis, Jeffrey. After 2-year Battle, House Passes COMPETES Act on Mostly Party-line Vote. May 20, 2015. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2015/05/after-2-year-battle-house-passes-competes-act-mostly-party-line-vote>

⁴⁰ Henry, Michael S. Senators Drafting America COMPETES Bill, Seek Further Input From Science Community. October 23, 2015. Mode of access: <https://www.aip.org/fyi/2015/senators-drafting-america-competes-bill-seek-further-input-science-community>

⁴¹ Optimizing the Nation's Investment in Academic Research: a New Regulatory Framework for the 21st Century: Part 1. Committee on Federal Research Regulations and Reporting Requirements: a New Framework for Research

Между тем, бюджет, принятый на 2016 финансовый год, обеспечил существенное наращивание финансирования научных исследований. В первую очередь, он способствует возрастанию расходов на Национальные институты здравоохранения (на 2 млрд долларов)⁴².

Заключение

Последнее десятилетие отметилось интенсивными дискуссиями о перспективных направлениях развития американской науки и роли государства в его поддержке. Несмотря на сохранение на протяжении 2000-х годов консенсуса относительно значимости исследовательской деятельности для сохранения ведущих позиций США в мировой экономике и политике, а также их дальнейшего развития, объемы ее государственной поддержки на деле стагнировали, а в некоторые годы даже снижались. Последние годы отмечаются новым этапом борьбы за определение приоритетов научной политики Соединенных Штатах, в ходе которой возможна ревизия ряда традиционных инструментов принципов поддержки фундаментальных разработок.

Парадоксально, но именно представители Республиканской партии, традиционно выступающей за ограниченное вмешательство государства в хозяйственные и общественные отношения, выступают инициаторами усиления контроля за деятельностью институтов реализации научной политики и исследовательского сообщества. Подобная пристрастность обосновывается стремлением повысить эффективность расходования бюджетных средств. В то же время, предлагаемые ими инициативы носят отпечаток идеологической заданности. Они отражают их недоверие к научности социального познания, отрицание сложившегося экспертного консенсуса относительно причин и

Universities in the 21st Century; Committee on Science, Technology, and Law; Board on Higher Education and Workforce; Policy and Global Affairs; The National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington: The National Academies Press, 2015. P. 12.

⁴² Mervis, Jeffrey. Budget Agreement Boosts U.S. Science. December 18, 2015. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2015/12/budget-agreement-boosts-u-s-science#table>

тенденций изменения климата, сомнения в этичности применения достижений генетики. При этом они рассматривают науку как практический инструмент повышения экономической конкурентоспособности США на мировой арене и укрепления их национальной безопасности.

Позиция нынешней администрации и широких кругов Демократической партии отличается. Они оценивают роль науки в более широком социальном контексте и с точки зрения более длительной исторической перспективы. В этой связи они делают больший акцент на необходимости дальнейшего наращивания инвестиций в биомедицинские науки как залог повышения качества жизни в стране. Они также склонны в большей степени поддерживать фундаментальные исследования, в том числе в оборонном секторе.

Итоги выборов в Конгресс в 2014 г. определяют дальнейшее смещение соотношения сил в американской политике в пользу сторонников инструментального отношения к науке. В то же время в условиях сохранения системы «сдержек и противовесов» в американской политике, возможности ревизии принципов поддержки фундаментальных исследований, в соответствии с выдвигаемыми представителями Республиканской партии требованиями, остаются ограниченными. Тем не менее, общая тенденция на повышении регулятивного контроля над расходованием федерального финансирования исследовательской деятельности представляет все больший отход от традиционных принципов делегирования контроля над направлениями научного развития самим исследователям.

Литература

American Competitiveness Initiative. Domestic Policy Council, Office of Science and Technology Policy. February 2006. Mode of access: <http://www.nsf.gov/attachments/108276/public/ACI.pdf>

An Act Making Supplemental Appropriations for Job Preservation and Creation, Infrastructure Investment, Energy Efficiency and Science, Assistance to the Unemployed, and State and Local Fiscal Stabilization, for the Fiscal Year Ending September 30, 2009, and for Other Purposes. Public Law 111-5. 111th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-111publ5/pdf/PLAW-111publ5.pdf>

An Act to Invest in Innovation through Research and Development, and to Improve the Competitiveness of the United States. Public Law 110-69. 110th Congress. Mode of

access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ69/pdf/PLAW-110publ69.pdf>

An Act to Invest in Innovation through Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for Other Purposes. 111th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111hr5116enr/pdf/BILLS-111hr5116enr.pdf>

Beckley, Michael. China's Century? Why America's Edge Will Endure // *International Security*, Winter 2011/2012, Vol. 36, No. 3.

Bound, John; Turner, Sarah; Walsh, Patrick. Internationalization of U.S. Doctorate Education / National Bureau of Economic Research. Working Paper 14792, March 2009. Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w14792>

Bush, George. State of the Union Address 2006. January 31, 2006. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/31/AR2006013101468.html>

Consolidated Appropriations Act of FY 2014. January 23, 2014. Mode of access: http://www.nsf.gov/about/congress/113/highlights/cu14_0123.jsp

Deng, Boer. Congress Is Terrible at Science – and This Should Make Us Worried. May 7, 2014. Mode of access: http://www.slate.com/blogs/weigel/2014/05/07/the_first_bill_is_terrible_for_american_science_and_declining_research_funds.html

Fact Sheet: Over \$300 Million in Support of the President's BRAIN Initiative. September 30th, 2014. Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/brain_fact_sheet_9_30_2014_final.pdf

Galama, Titus; Hosek, James. U.S. Competitiveness in Science and Technology / Santa Monica: RAND Corporation, 2008.

H.R. 4186. A Bill to Provide for Investment in Innovation through Scientific Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for the Other Purposes / 113th Congress. 2nd Session. Mode of access: http://science.house.gov/sites/republicans.science.house.gov/files/documents/HR4186_0.pdf

Henry, Michael S. Senators Drafting America COMPETES Bill, Seek Further Input From Science Community. October 23, 2015. Mode of access: <https://www.aip.org/fyi/2015/senators-drafting-america-competes-bill-seek-further-input-science-community>

Hiltzik, Michael. The Congressional GOP Sharpens Its Knives to Attack Scientific Research // *LATimes*, November 10, 2014. Mode of access: <http://www.latimes.com/business/hiltzik/la-fi-mh-knives-for-scientific-research-20141110-column.html>

Hourihan, Matt. R&D Funding in FY 2015 Appropriations So Far: A Roundup. September 2, 2014. Mode of access: <http://www.aaas.org/news/rd-funding-fy-2015-appropriations-so-far-roundup>

Khimm, Suzy. The Sequester, Explained. September 14, 2012. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2012/09/14/the-sequester-explained/>

McDonnell, Tim. Taking Research for Granted // *Slate*. Mode of access: http://www.slate.com/articles/health_and_science/climate_desk/2014/10/science_funding_lamar_smith_continues_the_republican_crusade_against_research.html

Mervis, Jeffrey. After 2-year Battle, House Passes COMPETES Act on Mostly Party-line Vote. May 20, 2015. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2015/05/after-2-year-battle-house-passes-competes-act-mostly-party-line-vote>

- Mervis, Jeffrey.* Budget Agreement Boosts U.S. Science. December 18, 2015. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2015/12/budget-agreement-boosts-u-s-science#table>
- Mervis, Jeffrey.* Request Would Let Science Rebound From Sequester // *Science*, April 19, 2013, Vol. 340, No. 6130. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/340/6130/257.full?sid=535b184a-6a06-44ed-bff6-fc3ad14b42a5>.
- Mervis, Jeffrey.* Science and the Stimulus // *Science*, November 27, 2009, Vol. 326, No. 5957. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/326/5957/1176.full?sid=b109bb1c-4546-4267-b642-bee0480ed342>
- Mervis, Jeffrey.* U.S. Political Scientists Relieved That Coburn Language Is Gone // *Science*, January 23, 2013. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2014/01/u.s.-political-scientists-relieved-coburn-language-gone>
- Mervis, Jeffrey.* What It Means for Agencies to Be Under the Sequester // *Science*, March 1, 2013, Vol. 339, No. 6123. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/339/6123/1020.full?sid=535b184a-6a06-44ed-bff6-fc3ad14b42a5>.
- Miller, Jon D.* The American People and Science Policy. The Role of Public Attitudes in the Policy Process. N.Y.: Pergamon Press, 1983.
- Mole, Beth.* NSF Cancels Political-Science Grant Cycle // *Nature*, August 2, 2013. Mode of access: <http://www.nature.com/news/nsf-cancels-political-science-grant-cycle-1.13501>
- Offshore Outsourcing and America's Competitive Edge: Losing Out in the High Technology R&D and Services Sector / Office of Senator J.I. Lieberman. May 11, 2004.
- Optimizing the Nation's Investment in Academic Research: a New Regulatory Framework for the 21st Century: Part I. Committee on Federal Research Regulations and Reporting Requirements: a New Framework for Research Universities in the 21st Century; Committee on Science, Technology, and Law; Board on Higher Education and Workforce; Policy and Global Affairs; The National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington: The National Academies Press, 2015.
- Pelosi: Unveils Innovation Agenda, Part of Vision for a Stronger America. November 15, 2005. Mode of access: <http://pelosi.house.gov/news/press-releases/pelosi-unveils-innovation-agenda-part-of-vision-for-a-stronger-america>.
- Rising Above the Gathering Storm: Energizing and Employing America for a Brighter Economic Future. Committee on Prospering in the Global Economy of the 21st Century: An Agenda for American Science and Technology, National Academy of Sciences, National Academy of Engineering, Institute of Medicine. Washington DC: National Academy of Sciences, 2007.
- Samuelson, Robert J.* Sputnik Scare, Updated // *Washington Post*, August 26, 2005.
- Science and Engineering Indicator 2014 / National Science Board, 2014. Mode of access: <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/content/chapter-4/chapter-4.pdf>
- Spizzirri, Sara.* Future Uncertain for COMPETES Legislation / AAAS, September 5, 2014. Mode of access: <http://www.aaas.org/news/future-uncertain-competes-legislation>
- Statement of Chairman Lamar Smith (R-Texas). Full Committee Markup of H.R. 4186: The FIRST Act. May 21, 2014. Mode of access: <http://science.house.gov/sites/republicans.science.house.gov/files/documents/HHRG-113-%20SY-WState-2-S000244-20140521.pdf>
- Stein, Sam.* Lawmakers Try To Save Science Funding Amid Rush To Restore Defense Spending // *Huffington Post*, September 20th, 2014. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2014/09/19/science-funding_n_5850412.html
- US Commission on National Security. Road Map for National Security: Imperative for Change. Washington, DC: US Commission on National Security. February 15, 2001.
- Данилин И.В.* Современная научно-технологическая политика США. – М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- Данилин И.В.* Трансформация модели государственной научно-технической политики США: от Дж.Буш-ст. до Б.Обамы. – М.: Идея-ИРЕСС, 2008
- Дежина И.Г.* Исследовательские университеты за рубежом: опыт для России // ИС. Промышленная собственность. – 2009. – №2.
- Игнатов И.И.* Американский исследовательский университет как организационная инновация – I / 15.12.2011. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/197177>
- Игнатов И.И.* Американский исследовательский университет как организационная инновация – II. / 15.12.2011. Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/197180>
- Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. – М.: Магистр, 2009.
- Клочихин Е.А.* Научная и инновационная политика Китая // Международные процессы. – 2013. – Т. 11. – №2 (33).
- Попова А.О.* Организация НИОКР в американских корпорациях: основные структурные формы и новые модели. // США-Канада. Экономика, политика, культура. – 2015. – №5.

References

- American Competitiveness Initiative. Domestic Policy Council, Office of Science and Technology Policy. February 2006. Mode of access: <http://www.nsf.gov/attachments/108276/public/ACI.pdf>
- An Act Making Supplemental Appropriations for Job Preservation and Creation, Infrastructure Investment, Energy Efficiency and Science, Assistance to the Unemployed, and State and Local Fiscal Stabilization, for the Fiscal Year Ending September 30, 2009, and for Other Purposes. Public Law 111–5. 111th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-111publ5/pdf/PLAW-111publ5.pdf>
- An Act to Invest in Innovation through Research and Development, and to Improve the Competitiveness of the United States. Public Law 110–69. 110th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ69/pdf/PLAW-110publ69.pdf>
- An Act to Invest in Innovation through Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for Other Purposes. 111th Congress. Mode of access: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111hr5116enr/pdf/BILLS-111hr5116enr.pdf>
- Beckley, Michael.* China's Century? Why America's Edge Will Endure // *International Security*, Winter 2011/2012, Vol. 36, No. 3.
- Bound, John; Turner, Sarah; Walsh, Patrick.* Internationalization of U.S. Doctorate Education / National Bureau of Economic Research. Working Paper

14792, March 2009. Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w14792>

Bush, George. State of the Union Address 2006. January 31, 2006. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/31/AR2006013101468.html>

Consolidated Appropriations Act of FY 2014. January 23, 2014. Mode of access: http://www.nsf.gov/about/congress/113/highlights/cu14_0123.jsp

Danilin I.V. Sovremennaya nauchno-tehnologicheskaya politika SShA (Contemporary Science and Technology Policy of the U.S.). Moscow: IMEMO RAN, 2011.

Danilin I.V. Transformaciya modeli gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politiki SShA: ot Dzh.Busha-st. do B.Obamy (Transformation of the U.S. Model of State Science and Technology Policy: from G. Bush-s. to B. Obama). Moscow: Ideya-PRESS, 2008.

Deng, Boer. Congress Is Terrible at Science – and This Should Make Us Worried. May 7, 2014. Mode of access: http://www.slate.com/blogs/weigel/2014/05/07/the_first_bill_is_terrible_for_american_science_and_declining_research_funds.html

Dezhina I.G. Issledovatel'skie universitety za rubezhom: opyt dlya Rossii (Research Universities abroad: Lessons for Russia) // *IS. Promyshlennaya sobstvennost'*, 2009, No. 2.

Fact Sheet: Over \$300 Million in Support of the President's BRAIN Initiative. September 30th, 2014. Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/brain_fact_sheet_9_30_2014_final.pdf

Galama, Titus; Hosek, James. U.S. Competitiveness in Science and Technolog / Santa Monica: RAND Corporation, 2008.

H.R. 4186. A Bill to Provide for Investment in Innovation through Scientific Research and Development, to Improve the Competitiveness of the United States, and for the Other Purposes / 113th Congress. 2nd Session. Mode of access: http://science.house.gov/sites/replicans.science.house.gov/files/documents/HR4186_0.pdf

Henry, Michael S. Senators Drafting America COMPETES Bill, Seek Further Input From Science Community. October 23, 2015. Mode of access: <https://www.aip.org/fyi/2015/senators-drafting-america-competes-bill-seek-further-input-science-community>

Hiltzik, Michael. The Congressional GOP Sharpens Its Knives to Attack Scientific Research // *LATimes*, November 10, 2014. Mode of access: <http://www.latimes.com/business/hiltzik/la-fi-mh-knives-for-scientific-research-20141110-column.html>

Hourihan, Matt. R&D Funding in FY 2015 Appropriations So Far: A Roundup. September 2, 2014. Mode of access: <http://www.aas.org/news/rd-funding-fy-2015-appropriations-so-far-roundup>

Ignatov I.I. Amerikanskij issledovatel'skij universitet kak organizacionnaya innovaciya – I (American Research Universities as an Organizational Innovations - I) / 15.12.2011. Mode of access: <http://kapital-rus.ru/articles/article/197177>

Ignatov I.I. Amerikanskij issledovatel'skij universitet kak organizacionnaya innovaciya – II (American Research Universities as Organizational Innovations – II) / 15.12.2011. Mode of access: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/197180>

Issledovatel'skie universitety SShA: mehanizm integracii nauki i obrazovaniya (Research Universities in the U.S.: Mechanism for Integration of Research and Education). Moscow: Magistr, 2009.

Khimm, Suzy. The Sequester, Explained. September 14, 2012. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2012/09/14/the-sequester-explained/>

Klochihin E.A. Nauchnaya i innovacionnaya politika Kitaya (Scientific and Innovation Policy of China) // *Mezhdunarodnyye process*, 2013, Vol. 11, No. 2 (33), pp. 37-55.

McDonnell, Tim. Taking Research for Granted // *Slate*. Mode of access: http://www.slate.com/articles/health_and_science/climate_desk/2014/10/science_funding_lamar_smith_continues_the_republican_crusade_against_research.html

Mervis, Jeffrey. After 2-year Battle, House Passes COMPETES Act on Mostly Party-line Vote. May 20, 2015. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2015/05/after-2-year-battle-house-passes-competes-act-mostly-party-line-vote>

Mervis, Jeffrey. Budget Agreement Boosts U.S. Science. December 18, 2015. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2015/12/budget-agreement-boosts-u-s-science#table>

Mervis, Jeffrey. Request Would Let Science Rebound From Sequester // *Science*, April 19, 2013, Vol. 340, No. 6130. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/340/6130/257.full?sid=535b184a-6a06-44ed-bff6-fc3ad14b42a5>

Mervis, Jeffrey. Science and the Stimulus // *Science*, November 27, 2009, Vol. 326, No. 5957. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/326/5957/1176.full?sid=b109bb1c-4546-4267-b642-bee0480ed342>

Mervis, Jeffrey. U.S. Political Scientists Relieved That Coburn Language Is Gone // *Science*, January 23, 2013. Mode of access: <http://news.sciencemag.org/funding/2014/01/u.s.-political-scientists-relieved-coburn-language-gone>

Mervis, Jeffrey. What It Means for Agencies to Be Under the Sequester // *Science*, March 1, 2013, Vol. 339, No. 6123. Mode of access: <http://www.sciencemag.org/content/339/6123/1020.full?sid=535b184a-6a06-44ed-bff6-fc3ad14b42a5>

Miller, Jon D. The American People and Science Policy. The Role of Public Attitudes in the Policy Process. N.Y.: Pergamon Press, 1983.

Mole, Beth. NSF Cancels Political-Science Grant Cycle // *Nature*, August 2, 2013. Mode of access: <http://www.nature.com/news/nsf-cancels-political-science-grant-cycle-1.13501>

Offshore Outsourcing and America's Competitive Edge: Losing Out in the High Technology R&D and Services Sector / Office of Senator J.I. Lieberman. May 11, 2004.

Optimizing the Nation's Investment in Academic Research: a New Regulatory Framework for the 21st Century: Part 1. Committee on Federal Research Regulations and Reporting Requirements: a New Framework for Research Universities in the 21st Century; Committee on Science, Technology, and Law; Board on Higher Education and Workforce; Policy and Global Affairs; The National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Washington: The National Academies Press, 2015.

Pelosi: Unveils Innovation Agenda, Part of Vision for a Stronger America. November 15, 2005. Mode of access: <http://pelosi.house.gov/news/press-releases/pelosi-unveils-innovation-agenda-part-of-vision-for-a-stronger-america>

Popova A.O. Organizaciya NIOKR v amerikanskij korporacijah: osnovnye strukturnye formy i novye modeli (R&D in American Corporations: Key Structures and New

Patterns) // *SShA-Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura*, 2015, No. 5.

Rising Above the Gathering Storm: Energizing and Employing America for a Brighter Economic Future. Committee on Prospering in the Global Economy of the 21st Century: An Agenda for American Science and Technology, National Academy of Sciences, National Academy of Engineering, Institute of Medicine. Washington DC: National Academy of Sciences, 2007.

Samuelson, Robert J. Sputnik Scare, Updated // *Washington Post*, August 26, 2005.

Science and Engineering Indicator 2014 / National Science Board, 2014. Mode of access: <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/content/chapter-4/chapter-4.pdf>

Spizzirri, Sara. Future Uncertain for COMPETES Legislation / AAAS, September 5, 2014. Mode of access:

<http://www.aaas.org/news/future-uncertain-competes-legislation>

Statement of Chairman Lamar Smith (R-Texas). Full Committee Markup of H.R. 4186: The FIRST Act. May 21, 2014. Mode of access: <http://science.house.gov/sites/republicans.science.house.gov/files/documents/HHRG-113-%20SY-WState-2-S000244-20140521.pdf>

Stein, Sam. Lawmakers Try To Save Science Funding Amid Rush To Restore Defense Spending // *Huffington Post*, September 20th, 2014. Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2014/09/19/science-funding_n_5850412.html

US Commission on National Security. Road Map for National Security: Imperative for Change. Washington, DC: US Commission on National Security. February 15, 2001.

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-121-134](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-121-134)

FEDERAL SUPPORT OF SCIENTIFIC INQUIRY IN THE UNITED STATES: CURRENT EVOLUTION UNDER THE POLITICAL STRUGGLE

Igor A. Istomin

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 23 December 2015 <i>Accepted:</i> 01 June 2016</p>	<p>Abstract: 2000's and 2010's witnessed diminishing margin of the United States in science and technology. Meanwhile, the U.S. remains a clear leader in this field. Major driving force of the country's success in the second half of the XX century remained assertive federal science policy. The article seeks to identify major trends in evolution of the U.S. science policy and the reasons behind relative decline of the level of budget support of the scientific research. The author studies evolution of the policies of George Bush and Barack Obama, as well as the views of Democrats and Republicans in the House of Representatives and the Senate. The article also examines the input into the federal policy of the governmental bodies, which are directly responsible for its implementation, as well as non-governmental organizations, which seek to advocate interests of scientists; it studies rising competition between the executive authorities and legislators for the recognition as a major champion of the academic community as well as American Recovery and Reinvestment Act.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University e-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru</p>	<p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 13-02-00337. The author used data collected through research interviews with representatives of U.S. National Science Foundation, National Institutes of Health, State Department and American Institutes of Research. The author wants to thank Evgeny Klochikhin, Vladimir Konnov, Maija Kukla, Julia Lane, Harley Balzer, Bruce Parrott and Angela Stent for their kind support of the project.</p>

Для цитирования: Истомин И.А. Государственная поддержка научных исследований в США: современный этап эволюции в контексте политической борьбы // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 121-134.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-121-134

For citation: Istomin, Igor A. Gosudarstvennaya podderzhka nauchnykh issledovanij v SShA: sovremennyy `etap `evolyucii v kontekste politicheskoy bor'by (Federal Support of Scientific Inquiry in the United States: Current Evolution under the Political Struggles) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 121-134.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-121-134

УСПЕХИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сергей Иванович Лунев

МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 15 января 2016 г.</p> <p><i>Отправлена на редактирование:</i> 12 февраля 2016 г.</p> <p><i>Принята к печати:</i> 11 мая 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В статье рассматривается значение университетов в деле развития образования и становления научного знания в крупнейших развивающихся державах Азии. Отмечается, что за последнее время значительно укрепилась позиция ведущих азиатских университетов (это подтверждается мировым рейтингом), что связано с тем, что в странах Большой Восточной Азии за последнюю четверть века была осуществлена радикальная реформа образования, причем шла она по совпадающей траектории. В странах были приняты специальные программы по всестороннему развитию образования, а его финансирование стало восприниматься не просто как необходимые государственные расходы, а как инвестиции для обеспечения экономики высококвалифицированной рабочей силой и хорошо образованными профессионалами. Особое значение имели кардинальные изменения в модели управления образованием. Указывается, что на местном уровне автономность образовательных учреждений может быть очень высокой. При этом необходимо выделить частный сектор, который стал играть очень важную роль на Тайване, в Южной Корее, Японии и Китае. Именно высшая школа стала играть основную роль в научных исследованиях в данных государствах. Большую позитивную роль играет и международное сотрудничество в сфере образования, которое особо способствует формированию кластера людей, заинтересованных в развитии собственной страны в международном контексте.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 15-03-00438.</i></p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России и Департамента международных отношений НИУ ВШЭ</p> <p>e-mail: silounev@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: университеты; общество; государство; модернизация; инновация; модель управления; Большой Ближний Восток; Россия.</p>	

Спецификой развития образования и науки в развивающихся обществах Востока является особое отношение к знанию, определяющееся цивилизационными различиями. Как правило, в системе традиционных ценностей науке отводилась второстепенная роль, и она воспринималась подчас как престижное занятие по отношению к другим видам, но не основное, а на образование всегда обращали особое внимание.

Внедрение новых методик и европейской системы знаний радикально сказалось на восточных обществах. Достаточно отметить, что этот процесс привел к стадиальным изменениям в странах, сохранивших независимость (реальную или формальную) – Японии, Китае, Таиланде, Турции, Иране. Под влиянием растущего экономического, технического и военного превосход-

ства европейских держав, возрастания их мощи азиатские страны для того, чтобы выжить, вынуждены были заимствовать новую технику, а для ее успешного использования менять законодательство и создавать соответствующие организационные структуры, а главное – готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Но подготовка европейски образованных кадров и многочисленные заимствования вызвали раскол местных элит, что отчетливо проявилось в революциях Мэйдзи, Синьхайской, Младотурецкой, Гилянкой. В известном смысле эти революции и их последствия можно рассматривать как сближение цивилизационных характеристик, но не как их нивелирование.

Проблемы восприятия достижений новейших технологий, умения населения пользоваться ими, внедрения европейской

системы знаний остаются крайне сложными для подавляющего большинства государств бывшего третьего мира. Наступление европейской техники, науки и образования (и, к сожалению, массовой американизированной культуры) в целом ряде бывших стран «третьего мира» вызвало своеобразную реакцию отторжения. Это особенно характерно для стран Ближнего Востока и Тропической Африки. На Ближнем Востоке и в Северной Африке достаточно высок охват молодежи обучением в высшей школе (по данному показателю регион уступает в развивающемся мире только Латинской Америке¹), однако международные исследования показывают весьма значительные недостатки в преподавании точных и естественных дисциплин в арабских университетах. Более того, страны исламского региона показывают результаты ниже среднемировых уже на уровне базового образования. Так, Кувейт, занимающий очень высокое место по душевому доходу и расходам на образование, всегда считался примером для остальных арабских государств. Однако кувейтские школьники традиционно занимают последние места на мировых олимпиадах по математике и естественным дисциплинам. Большой проблемой являются слабые связи с внешним миром. Так, во всех арабских странах количество переведенных за год работ составляет пятую часть числа переводов в Греции и одну двухсотую в Испании, в которой за год переводится работ столько же, сколько было переведено за всю историю арабских стран². В Тропической Африке ситуация сложилась еще более неудовлетворительно.

В результате здесь не происходит серьезного развития образования и науки, а научные центры и университеты живут абсолютно обособленной жизнью, по существу не вступая во взаимоотношения с обществом и государством. Их связи с международными научными центрами являются более прочными. Наиболее перспективные

молодые исследователи эмигрируют из региона. Более того, его покинули и самые прославленные арабские политологи. Среди восточных исследователей наибольшей известностью пользуются, видимо, Эдвард Саид и Самир Амин. Автор 22 монографий, палестинец Э. Саид (1935-2003) с 1950-х годов проживал в США. Его самая знаменитая работа «Ориентализм» (1978) буквально взорвала западное сообщество, поскольку впервые четко и логично было доказано, что западная наука воспринимала Восток как «Другого», причем трактовала его образ в уничижительном плане (сейчас термин «ориенталист» воспринимается на Западе в том же негативном ключе, как и слово «империалист»). Египтянин Самир Амин, признанный лидер неомарксистской научной школы и антиглобалистского течения, с 1960-х годов проживает в Сенегале.

Свои колоссальные сложности стоят и перед государствами, для которых свойственна качественно более высокая степень культурной динамики и научно-технической автономности, что характерно в целом для Большой Восточной Азии (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия). Безусловно, данные характеристики обеспечивают способность этих стран вырваться из порочного круга отсталости, осуществить анклавную экономическую модернизацию и не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования, встать на новую ступень НТР, что дает дополнительные возможности для расширения воздействия на процессы, проходящие в афро-азиатском мире. С другой стороны, наличие, как правило, большого массива некавалифицированного неграмотного населения не позволяло им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т.д.); не случайно большинство технологических достижений носит «экспортноориентированный» характер. В странах Большой Восточной Азии возникло понимание необходимости принятия кардинальных решений для исправления ситуации.

¹ World Development Indicators: Participation in Education / World Bank. Mode of access: <http://wdi.worldbank.org/table/2.11>

² Galal, Shawk. Translation in the Arab World: Reality and Challenge. Cairo: The Higher Council for Culture, 1999. P. 87.

За последние 25 лет здесь была осуществлена радикальная реформа образования, причем шла она по совпадающей траектории и обладала следующими общими характерными чертами:

- формирование нового облика национальных концепций образования;
- реструктуризация системы образования и его крупномасштабное расширение;
- обеспечение стандартов и качества образования;
- широкое использование негосударственного сектора и нахождение баланса между равным доступом к образованию и поощрением конкуренции;
- приватизация и диверсификация образования;
- переход к децентрализации;
- упор на использование планирования развития и стратегического управления;
- использование информационных технологий в процессе преподавания и обучения;
- разработка новых учебных программ и методов обучения и преподавания;
- изменение практики экзаменов и оценки знаний;
- поиск возможностей для повышения качества работы педагогов;
- признание необходимости непрерывного профессионального развития преподавателей и руководства учебных заведений³.

В странах были приняты специальные программы по всестороннему развитию образования. В Японии уже в 1984 г. был создан Национальный совет по реформе образования, и в 1991 г. были пересмотрены Стандарты создания университетов. Различные новые законы и проекты принимались и в течение следующей четверти века. В Китае в 1995 г. была выдвинута стратегия «Расцвет государства через науку и образование». В том же году Южная Корея обнародовала план реформирования образования, в 1999 г. правительством принимается программа «Мозги Кореи. 21 век», а в 2008 г. – специальная «Университетская программа мирового класса». В 1996 г. появляется новый закон об образовании в Малайзии.

³ Mok, Ka Ho. Education Reform and Education Policy in East Asia. London and New York: Routledge, 2006. P. 4.

В результате в 2015 г., в соответствии с Мировым университетским рейтингом QS, который признан самым достоверным, почти пятая часть элитных вузов мира располагалась в Большой Восточной Азии. В список 500 лучших университетов вошли 31 вуз из Китая (включая 6 гонконгских), 15 – из Японии, 13 – из Южной Кореи, 11 – из Тайваня, 9 – из Индии, 5 – из Малайзии, по 2 – из Индонезии, Сингапура и Таиланда, по 1 – из Пакистана и Филиппин⁴. Высшая школа азиатских держав добилась колоссальных успехов и по количественным показателям.

При этом специалисты полагают, что радикальные реформы образования произошли не столько под влиянием экзогенных сил (мировых процессов глобализации), сколько по выбору самих государств⁵. В таких разных странах, как Сингапур, Япония, Малайзия, Республика Корея, КНР, Индия крайне позитивные социально-экономические трансформации были результатом сознательного политического решения и общественного консенсуса, определивших развитие образования и науки как необходимое условие экономического роста, сокращения социального неравенства, повышения уровня жизни и, как результат, качества политического управления и государственных институтов. Финансирование образования стало восприниматься не просто как осуществление необходимых государственных расходов, а как инвестиции для обеспечения экономики высококвалифицированной рабочей силой и хорошо образованными профессионалами.

Особое значение имели кардинальные изменения в модели управления в сфере образования. Коллективизм, свойственный восточноазиатским странам, традиционно противостоял индивидуализму, основе за-

⁴ QS World University Rankings 2015/16. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=140+country=193+faculty=+stars=false+search=>

⁵ См., например, Law, Wing-Wah. Globalization, Localization and Education Reform in a New Democracy: the Taiwan Experience / Globalization and Educational Restructuring in the Asian Pacific Region / ed. by Mok, Ka-ho and Welch, Anthony. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

падного общества. Так, в Китайской цивилизации всегда существовал культ государства, а не религии, постоянное восприятие централизации и унификации как базовых основ общества⁶. Опыт стран Восточной Азии свидетельствует, что именно деятельность государства⁷ имела для их развития особое значение. Чисто административная система действительно менее эффективна по сравнению с рыночной. Но любой бизнес, в отсутствие реального контроля, будет стремиться лишь к получению максимальной прибыли, что, как правило, не отвечает интересам подавляющего большинства населения и не способствует развитию экономики, науки и высокотехнологического производства. Характерным является пример Южной Кореи, в которой военный диктатор Пак Чжон Хи заключил в тюрьму без суда и следствия крупнейших предпринимателей страны и выпустил их тогда, когда они приняли обязательства руководствоваться исключительно его указаниями по развитию производства, в том числе и технологического. Как это ни прискорбно, но именно с этого момента началось «южнокорейское экономическое чудо», приведшее к удвоению ВВП страны за 11 лет. Именно государство в лице правящих кругов и социальных институтов имело основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило восточноазиатским державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. В послевоенный период сходные процессы шли и в Южной

⁶ Кондрашова Л.И. Институциональная матрица Китайской цивилизации // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – С. 48-49 [Kondrashova L.I. Institutional matrix of Chinese civilization // *Institutional Matrix of Chinese Civilization* // *Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire* / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol. 1. Pp. 48-49.].

⁷ Если принять во внимание чрезвычайную внутреннюю этническую и культурную гетерогенность азиатских стран по сравнению с западными державами, то понятна особо важная роль государства и религии в данных государствах.

Азии, поскольку объективная ситуация требовала наличия сильного государства, координирующего взаимодействие укладов, поддерживающего национальное предпринимательство и связывающего воедино огромную экономику. Даже в Индии, где государство традиционно было очень слабым, оно стало ключевым актором.

При этом именно для системы образования страны Восточной Азии в пост-биполярный период сделали исключение⁸. Безусловно, государство продолжало занимать доминирующее положение в системе образования, но началась децентрализация и произошло изменение роли государства: оно выступало не столько как финансист, сколько регулятор деятельности, движущая сила и посредник в системе образования. Данный процесс происходит и в других странах Большой Восточной Азии.

Так, в Индии очень важное значение имеют позитивные отношения в треугольнике правительство – бизнес – наука/образование (университеты), а ключевым выступает принцип инкубатора, когда каждая сторона выполняет свою роль в поощрении исследований, капиталовложений и развития. Государство при этом играет уникальную роль катализатора, чтобы соединить усилия государственных, частных, научных и иностранных органов и учреждений.

На данный треугольник как раз и опирается модель программных технологий, которые на 100% являются экспортноориентированными (на них приходится 80% всего экспорта ПО). Первые парки появились в 1991 г. в Бангалоре, Пуне и Бхубанешваре. К концу века функционировал уже 21 парк программных технологий⁹. Наиболее известными являются парки штата Карнатака (его столица Бангалор стал центром отрасли), Андхра Прадеш (его столица Хайдара-

⁸ См., например, Asher, Mukul; Newman, David. Hong Kong and Singapore: two approaches to the provision of pensions in Asia // *Journal of Pensions Management: An International Journal (Toronto)*, 2001, Vol. 7, No. 2, pp. 155–166.

⁹ Nagala V. Sarala. India's Story of Success. Promoting the Information Technology Industry // *Stanford Journal of International Relations (Stanford University)*, 2006, Vol. 6, No. 1.

бад также является лидером) и Тамилнада¹⁰. Практически все эксперты признают, что создание парков является важнейшим достижением индийского правительства, поскольку они сыграли ключевую роль в развитии информационных технологий.

Именно в сфере развития высоких технологий (один из главных приоритетов развития индийской экономики) особенно заметна позитивная роль государства в Индии. Еще в 1998 г. была поставлена задача превращения страны в мирового лидера в области информационных технологий. В 2000 г. из различных департаментов министерства науки и технологии было специально создано министерство связи и информационных технологий, перед которым и была поставлена задача «превратить Индию в сверхдержаву по информационным технологиям к 2008 г.»¹¹. Формы поддержки данной сферы индийским правительством разнообразны: введение единых норм для деятельности, создание льготного налогового режима, направление всех ресурсов научно-исследовательского комплекса страны, в том числе и за счет государства на содействие информационной сферы.

Государство приняло специальные меры для привлечения капиталовложений. От налогов освобождены 90% прибылей, получаемые от экспорта программного обеспечения. Если речь идет о предприятиях, полностью ориентированных на экспорт (EOU), то вся их прибыль не облагается налогами. Разрешен вывоз всех сделанных инвестиций и 100% прибыли, если капиталовложения были сделаны в конвертируемой валюте. С 1997 г. от всех налогов освобожден импорт программного обеспечения, а также ввоз деталей компьютеров на предприятия, полностью ориентированные на экспорт. Индия также подписала Соглашение об информационных технологиях Все-

мирной торговой организации, и с 1 марта 2005 г. были дополнительно отменены любые пошлины на 217 конкретных товаров, включая микропроцессоры, драйвера для жестких дисков и дискет и т.д. Специальные льготы предоставляются для фирм, занимающихся научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью¹².

Помимо этого, автоматически одобряются любые прямые иностранные инвестиции, соглашения о поставках иностранной технологии. Разрешено 100-процентное участие иностранного капитала в предприятиях, работающих на экспорт. В результате объем иностранного капитала в сфере информационных технологий достиг 2 млрд долларов¹³. Индийское правительство особое внимание уделяет созданию специальных экономических зон, включая как многопрофильные, так и специальные экономические зоны, в том числе для информационных технологий. В этих зонах предприятия полностью освобождены от налогов сроком на 5 лет, а в последующие 5 лет предприниматели оплачивают лишь половину налогов¹⁴.

Очень большой вклад в индийские достижения в сфере информационных технологий внесли региональные власти. Специальные льготы существуют на уровне штатов, которые разработали специальные стимулы для привлечения инвестиций, включая налоговые льготы, скидки на стоимость земли и тарифы на электроэнергию, специальные льготные пакеты для крупных проектов, суб-

¹² Advantage India. New Delhi: Government of India / Department of Information Technology, Ministry of Communications and Information Technology, 2006. P. 3.

¹³ Это – очень высокая цифра для республики. В 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. – второй державой, а получала прямых иностранных инвестиций по 5-5,5 млрд долларов в год, менее 1% мировых заимствований (2005 Foreign Direct Investments Confidence Index. Global Business Policy Council. 2005, Vol. 8. Mode of access: http://www.atkearney.com/shared_res/pdf/FDICI_2005.pdf).

¹⁴ Information Technology. Annual Report. 2006-2007. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007. P. 7.

¹⁰ На эти три штата приходится и 60% выпускников вузов, специализирующихся на компьютерном производстве (Dossani, Rafic. Reforming Venture Capital in India: Creating the Enabling Environment. Stanford University: Asia/Pacific Research Center, 2000).

¹¹ Ministry of Information Technology Website. Indian Government. Mode of access: <http://www.mit.gov.in>

сидии, стимулирующие занятость¹⁵. Если сравнивать политику индийского государства в сфере информационных технологий с ее общим курсом в экономической области, то заметна приоритетность, которая придается высокотехнологической сфере.

Дели начал придавать особое значение в сфере развития высшего образования Индийским институтам технологии¹⁶, где акцент сделан на информационных технологиях. Их число было доведено с 6 до 16, и все индийские университеты, вошедшие в список 500 лучших университетов мира, относятся к данной категории. Сюда ежегодно пытаются поступить 300 тысяч человек, из которых берут только 2% (в Гарвардском университете – 7%)¹⁷. При этом в целом за год в Индии выпускают около 500 тысяч молодых инженеров.

Хотя в регионе и проходили процессы децентрализации в сфере образования, и университеты стали намного более гибкими и автономными (очень высокая степень их автономности признается в Сингапуре и Японии, высокая – в Китае и Тайване¹⁸), государство во многом сохранило контролирующие функции. Так, в КНР государство и особенно министерство образования остаются главным определяющим фактором в системе образования¹⁹. При этом на местном уровне автономность образовательных учреждений может быть очень высокой (например, Шанхай является единственным крупным городом в Восточной Азии, где ро-

дители имеют право набирать и увольнять преподавателей²⁰).

Доля государственных расходов на образование в 2005–2014 гг. в странах Большой Восточной Азии в целом не представляет особо существенной и составила в Сингапуре – 2,9%, Южной Корее – 4,9%, Японии – 3,8%, Малайзии – 5,9%, Индии – 3,8%²¹. Однако следует учитывать постоянный рост расходов на высшее образование. В странах Восточной Азии за первое десятилетие нового столетия они выросли с 1,33% ВВП до 1,92% (в Южной Корее до 2,5%, а в Японии с 1,1% до 1,5%)²². В Индии эта доля ниже: 0,89% (2013 г.)²³.

При этом необходимо выделить частный сектор, который стал играть очень важную роль на Тайване, в Южной Корее, Японии и Китае (и Сингапуре, хотя здесь государственное финансирование и управление остается базовым параметром в системе образования)²⁴. В Южной Корее, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, доля частных расходов на высшее образование составляет 71% (первое место среди государств ОЭСР)²⁵. Данные ЮНЕСКО несколько отличаются и еще выше: в 2011 г. доля частных расходов на высшее образование в Южной Корее равнялась 91% (в Японии – 89%, в Сингапуре – 64%, на Филиппинах – 63%, в Индонезии – 62% в Малайзии – 43%)²⁶. При этом в Южной Корее

¹⁵ Бизнес в Индии / New Delhi: Ernst & Young Private Limited, 2006. P. 42.

¹⁶ В Индии, помимо этих элитных заведений, существует также 30 Национальных институтов технологии, 4 Индийских институтов информационной технологии и 7 специализированных институтов по инженерным дисциплинам (Ministry of Human Resource Development, Gov. of India. Department of School Education & Literacy and Higher Education. Annual Report. 2014-2015. New Delhi, 2015. P. 92).

¹⁷ Nayar, Anjali. *Developing world: Educating India* // *Nature* (London), 2011, No. 472, p. 25.

¹⁸ *Strengthening Education Quality in East Asia* / Ed. by Harry A. Patrinos. Washington: World Bank, 2012. P. 116.

¹⁹ Mok, Ka Ho. *Education Reform and Education Policy in East Asia*. London and New York: Routledge, 2006. P. 218.

²⁰ *Strengthening Education Quality in East Asia* / Ed. by Harry A. Patrinos. Washington: World Bank, 2012. P. 14.

²¹ *Human Development Report 2015. Work for Human Development*. Washington: Communications Development Incorporated, 2015. Pp. 242-244.

²² *Strengthening Education Quality in East Asia* / Ed. by Harry A. Patrinos. Washington: World Bank, 2012. P. 114.

²³ *Educational Statistics at a Glance*. Government of India. Ministry of Human Resource Development. Bureau of Planning, Monitoring & Statistics. New Delhi, 2014. P. 13.

²⁴ Mok, Ka Ho. *Education Reform and Education Policy in East Asia*. London and New York: Routledge, 2006. Pp. 214-215.

²⁵ *Education at a Glance 2015: OECD Indicators*. Mode of access: <http://www.oecd.org/edu/education-at-a-glance-19991487.htm>

²⁶ *Higher education in Asia: Expanding Out, Expanding Up. The Rise of Graduate Education*

в 2011 г. на частный сектор пришлось 76,5% всех расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и 66,8% всех исследователей (до 1980 г. практически все НИОКР финансировало государство)²⁷. В Индии в 2014 г. существовало 143 университета, которые проходили по категории «государственные частные»²⁸. Первый частный университет в КНР появился в 1984 г., в 2002 г. был принят специальный закон в поддержку частного высшего образования, и уже в 2006 г. существовало 906 негосударственных университетов, в которых обучалось более 1,6 млн. студентов²⁹. Бесспорно, в целом качество подготовки в таких странах, как Китай, Индия, Индонезия, Малайзия пока еще ниже, чем на Западе, несмотря на попадание конкретных вузов в список лучших университетов мира.

Именно высшая школа стала играть основную роль в научных исследованиях в данных государствах. Так, даже в Китае, где длительное время сохранялась советская система проведения основных исследований в научных институтах³⁰, а вузы рассматривались как источник получения исследователей для научных центров, в 2008 г. университеты имели большее финансирование для осуществления опытно-конструкторских и прикладных работ, чем чисто научные центры, а незначительно меньшее только по статье фундаментальные исследования³¹.

Высокий уровень подготовки по инженерным специальностям в азиатских университетах нашел отражение в мировых рейтингах. Так, по последнему исследованию (январь 2016), осуществленному U.S. News and World Report, ведущим американским журналом, особо известном своей рейтинговой системой образования и здравоохранения, в список 10 лучших технических университетов мира вошли 4 китайских, 4 американских и 2 сингапурских³². Видимо, не случайно, по Индексу инновационности Блумберга, в 2015 г. из 50 стран первое место заняла Южная Корея, второе – Япония, восьмое – Сингапур, двадцать второе – Китай (для сравнения: США – шестое, а Россия – четырнадцатое)³³.

Большую позитивную роль в развитии сферы образования играет и международное сотрудничество. Так, по официальным данным США, в 2004–2005 учебном году из числа студентов, приезжающих на учебу в их страну, наибольшее количество (четвертый год подряд) представляли индийцы (более 80 тысяч), китайцы заняли второе место (более 62 тысяч), на третьем и четвертом оказались южные корейцы и японцы (соответственно более 53 тысяч и более 42 тысяч)³⁴. В 2015 г. в американских вузах насчитывалось более 1 млн иностранцев, из которых 76% были из Азии³⁵. Китайских студентов уже насчитывалось 300 тыс., а индийских

and University Research. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2014. P. 23.

²⁷ Ibid. P. 54.

²⁸ Education at a Glance 2015: OECD Indicators. Mode of access: <http://www.oecd.org/edu/education-at-a-glance-19991487.htm>. P. 3.

²⁹ Wang, Haiyan; Zhou, Yuan. China: Challenges for Higher Education in a High Growth Economy / Universities in Transition. The Changing Role and Challenges for Academic Institutions / Ed. by Göransson, Bo; Brundenius, Claes. Ottawa: Springer, 2011. P. 159.

³⁰ Только в 1979 г. было принято решение перестать рассматривать университеты как чисто образовательные учреждения, но в биполярный период научная работа в вузах была достаточно формальной.

³¹ Wang, Haiyan; Zhou, Yuan. China: Challenges for Higher Education in a High Growth Economy / Universities in Transition. The Changing Role and Challenges for Academic Institutions / Ed.

by Göransson, Bo; Brundenius, Claes. Ottawa: Springer, 2011. P. 159.

³² U.S. News and World Report. Mode of access: <http://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering>

³³ The Bloomberg Innovation Index 2015. Mode of access: <http://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>

³⁴ USINFO.STATE.GOV. Dept. of State Office of International Information Programs United States. Mode of access: <http://usinfo.state.gov/xarchives/display.html?p=washfile-russian&y=2005&m=November&x=20051115093903aawaju k0.1001093>

³⁵ U.S. Immigration and Customs Enforcement. Student and Exchange Visitor Information System (SEVIS) by the Numbers. General Summary Quarterly Review, August 2015. Mode of access: https://www.ice.gov/sites/default/files/documents/Report/2015/sevis_bythenumbers_aug15.pdf.

студентов – 150 тыс. (на третьем месте были южные корейцы, на шестом – японцы, на седьмом – студенты из Тайваня)³⁶. При этом в последнее время все большее количество выпускников высшей школы в США из азиатских стран возвращаются домой после получения образования. Так, по данным министерства образования КНР, на обучение за рубеж выехали 459800 китайцев, а вернулись после завершения обучения более 360000 человек (следует учесть существенный рост уезжающих на учебу за последние 5 лет). Для сравнения отметим, что с 1978 г. учиться за рубеж поехали более 3,5 млн человек, а вернулись лишь 1,8 млн³⁷.

Хотелось бы подчеркнуть при этом, что азиатские страны не только направляют своих студентов в западные университеты, но и стали важными реципиентами иностранных студентов. Так, по данным министерства образования КНР, в 2011 г. в Китае насчитывалось 292611 иностранных студентов, а в 2014 г. произошел их рост на 29%: 377054 (по убывающей – из Южной Кореи, США, Таиланда, России, Японии), т.е. страна вышла на третье место в мире по данному показателю (после США и Великобритании). В Японии в этом же году насчитывалось около 140 тысяч иностранных студентов университетов, в Малайзии – 135 тыс.³⁸

Международное сотрудничество особо способствует формированию кластера людей, заинтересованных в развитии собственной страны в международном контексте. Университет в странах Большой Восточной Азии постепенно берет на себя функцию наращивания человеческого и социального капитала (человеческий капитал подразумевает подготовку профессионалов международного уровня, а социальный капитал означает создание с помощью университетского центра такой социальной организации общества, которое способно «упрочить эф-

фективность осуществляемых обществом координированных действий»).

Особо следует отметить, что в странах Большой Восточной Азии растет эффективность взаимодействия высшей школы с другими институтами науки данного общества, общество все больше использует новое научное знание, генерируемое в университетах, а власти имеют возможность опираться на вузы в выработке и реализации государственной политики. Развивающееся общество способно обеспечить стабильное развитие высшей школы при четком осознании национальных интересов и проявлении воли правящей элиты. Пример Китая, Южной Кореи, Индии и других стран Большой Восточной Азии показывает, что развивающееся общество способно обеспечить стабильное развитие науки при четком осознании национальных интересов и проявлении воли правящей элиты.

Подобный опыт особенно важен для России, где нарушены взаимосвязи между государством, обществом, наукой и высшей школой. Обладая пока еще высоким потенциалом как в сфере естественнонаучного, так и гуманитарного знания, России требуется не столь обширные инновации, а скорее реновации, соответствующие системе ценностей и способствующие разработке стратегии ее социокультурного развития. При этом нет смысла полностью отбрасывать и позитивный западный опыт.

Можно предположить, что именно российское обществоведение способно сейчас к проведению наиболее фундаментальных исследований по созданию полноценной теории синтеза Запада и Не-Запада. Крах социалистической системы и Советского Союза «растворил» ощущение превосходства радикальной научной школы, и сейчас отечественные ученые с готовностью воспринимают необходимость использования лучших образцов западной мысли. В то же время складывается впечатление, что уже прошел период и комплекса неполноценности перед Западом, и российские специалисты (в своем большинстве) уже не воспринимают американоцентричный взгляд на мир, его историю и его будущее. Представляется,

³⁶ US universities experience 32% increase in Indian students // *The Hindu*, 04.09.2015.

³⁷ 59,800 Chinese left for study abroad last year // *Xinhua*, 03.05.2015.

³⁸ Global Connect Immigration Services. Mode of access: <http://www.globalconnect-immigration.ca/education>

что эксперты в состоянии предложить свои разработки и по развитию российского высшего образования.

Традиционно в нашей стране университеты выполняли, в первую очередь, образовательные функции, тогда как основная система науки была сосредоточена в чисто научных учреждениях. Неуклюжие попытки власти после 1991 г. трансформировать систему высшего образования под западную модель принесли лишь крайне негативные результаты. Университеты так и не стали основными научными центрами, при этом существенно деградировав в плане выполнения главной традиционной задачи по обучению, а старые научные центры резко ослабли в условиях постоянного недофинансирования и отсутствия притока новых кадров. Поэтому, что чрезвычайно важно и с академической, и с практической точки зрения, необходимо найти новые пути реформы российской высшей школы и наметить возможности превращения ее в реальный научный институт (при одновременном повышении качества образования). В этом плане, наряду с изучением российских национальных особенностей института высшей школы, причин деформации в современных российских условиях механизмов взаимодействия системы образования с обществом и властью, особенно полезен международный опыт организации института образования в целях обеспечения инновационного развития нашей страны.

Проблема изучения и использования зарубежного опыта остается критически важной для России. Выбор и интерпретация моделей модернизации, развития и роста во многом носит произвольный характер и в значительной мере сохраняет ориентацию на развитые страны, в которых теория и практика являются результатом исторически длительного, стабильного и равномерного прогресса. Поэтому представляется особо актуальным изучение успехов (и недостатков) высшей школы в передовых странах Азии, которые смогли добиться кардинального прорыва за очень короткий период времени и часто в условиях существенных ограничений в финансовых средствах.

Литература:

Asher, Mukul; Newman, David. Hong Kong and Singapore: two approaches to the provision of pensions in Asia // *Journal of Pensions Management: An International Journal (Toronto)*, 2001, Vol. 7, No. 2, pp. 155–166.

Education at a Glance 2015: OECD Indicators. Mode of access: <http://www.oecd.org/edu/education-at-a-glance-19991487.htm>

Educational Statistics at a Glance. Government of India. Ministry of Human Resource Development. Bureau of Planning, Monitoring & Statistics. New Delhi, 2014.

Galal, Shawki. Translation in the Arab World: Reality and Challenge. Cairo: The Higher Council for Culture, 1999.

Global Connect Immigration Services. Mode of access: <http://www.globalconnect-immigration.ca/education>

Higher education in Asia: Expanding Out, Expanding Up. The Rise of Graduate Education and University Research. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2014.

Human Development Report 2015. Work for Human Development. Washington: Communications Development Incorporated, 2015.

Information Technology. Annual Report. 2006-2007. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007.

Law, Wing-Wah. Globalization, Localization and Education Reform in a New Democracy: the Taiwan Experience / Globalization and Educational Restructuring in the Asian Pacific Region / ed. by Mok, Ka-ho and Welch, Anthony. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

Mok, Ka Ho. Education Reform and Education Policy in East Asia. London and New York: Routledge, 2006.

Nagala V. Sarala. India's Story of Success. Promoting the Information Technology Industry // *Stanford Journal of International Relations (Stanford University)*, 2006, Vol. 6, No. 1.

Nayar, Anjali. Developing world: Educating India // *Nature (London)*, 2011, No. 472, p. 25.

QS World University Rankings 2015/16. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=140+country=193+faculty=+stars=false+search=>

Strengthening Education Quality in East Asia / Ed. by Harry A. Patrinos. Washington: World Bank, 2012.

The Bloomberg Innovation Index 2015. Mode of access: <http://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>

U.S. Immigration and Customs Enforcement. Student and Exchange Visitor Information System (SEVIS) by the Numbers. General Summary Quarterly Review, August 2015. Mode of access: https://www.ice.gov/sites/default/files/documents/Report2015/sevis_bythenumbers_aug15.pdf.

U.S. News and World Report. Mode of access: <http://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering>

US universities experience 32% increase in Indian students // *The Hindu*, 04.09.2015.

Wang, Haiyan; Zhou, Yuan. China: Challenges for Higher Education in a High Growth Economy / Universities in Transition. The Changing Role and Challenges for Academic Institutions / Ed. by Göransson, Bo; Brundenius, Claes. Ottawa: Springer, 2011.

World Development Indicators: Participation in Education / World Bank. Mode of access: <http://wdi.worldbank.org/table/2.11>

Кондрашова Л.И. Институциональная матрица Китайской цивилизации // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире / под ред. Хороса В.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. – С. 48-49.

References:

Asher, Mukul; Newman, David. Hong Kong and Singapore: two approaches to the provision of pensions in Asia // *Journal of Pensions Management: An International Journal (Toronto)*, 2001, Vol. 7, No. 2, pp. 155–166.

Education at a Glance 2015: OECD Indicators. Mode of access: <http://www.oecd.org/edu/education-at-a-glance-19991487.htm>

Educational Statistics at a Glance. Government of India. Ministry of Human Resource Development. Bureau of Planning, Monitoring & Statistics. New Delhi, 2014.

Galal, Shawki. Translation in the Arab World: Reality and Challenge. Cairo: The Higher Council for Culture, 1999.

Global Connect Immigration Services. Mode of access: <http://www.globalconnect-immigration.ca/education>

Higher education in Asia: Expanding Out, Expanding Up. The Rise of Graduate Education and University Research. Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2014.

Human Development Report 2015. Work for Human Development. Washington: Communications Development Incorporated, 2015.

Information Technology. Annual Report. 2006-2007. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007.

Kondrashova L.I. Institutional'naia matritsa Kitaiskoi tsivilizatsii (Institution Matrix of Chinese Civilization) // Kitaiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire / Ed. by Khoros V.G. Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol. 1. Pp. 48-49.

Law, Wing-Wah. Globalization, Localization and Education Reform in a New Democracy: the Taiwan Experience / Globalization and Educational Restructuring in the Asian Pacific Region / ed. by Mok,

Ka-ho and Welch, Anthony. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

Mok, Ka Ho. Education Reform and Education Policy in East Asia. London and New York: Routledge, 2006.

Nagala V. Sarala. India's Story of Success. Promoting the Information Technology Industry // *Stanford Journal of International Relations (Stanford University)*, 2006, Vol. 6, No. 1.

Nayar, Anjali. Developing world: Educating India // *Nature (London)*, 2011, No. 472, p. 25.

QS World University Rankings 2015/16. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=140+country=193+faculty+=+stars=false+se+arch=>

Strengthening Education Quality in East Asia / Ed. by Harry A. Patrinos. Washington: World Bank, 2012.

The Bloomberg Innovation Index 2015. Mode of access: <http://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>

U.S. Immigration and Customs Enforcement. Student and Exchange Visitor Information System (SEVIS) by the Numbers. General Summary Quarterly Review, August 2015. Mode of access: https://www.ice.gov/sites/default/files/documents/Report/2015/sevis_bythenumbers_aug15.pdf.

U.S. News and World Report. Mode of access: <http://www.usnews.com/education/best-global-universities/engineering>

US universities experience 32% increase in Indian students // *The Hindu*, 04.09.2015.

Wang, Haiyan; Zhou, Yuan. China: Challenges for Higher Education in a High Growth Economy / Universities in Transition. The Changing Role and Challenges for Academic Institutions / Ed. by Göransson, Bo; Brundenius, Claes. Ottawa: Springer, 2011.

World Development Indicators: Participation in Education / World Bank. Mode of access: <http://wdi.worldbank.org/table/2.11>

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-135-145](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-135-145)

ACHIEVEMENTS OF HIGHER EDUCATION SYSTEM IN GREATER EAST ASIA

Sergey I. Lunev

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 15 January 2016</p> <p><i>Sent for editing:</i> 12 February 2016</p> <p><i>Accepted:</i> 11 May 2016</p>	<p>Abstract: The article discusses the importance of higher education institutions in the forming and development of scientific knowledge in the big emerging powers of Asia. It is noted that recently, the positions of the leading Asian universities have become very much stronger (it is confirmed by the world rating) due to the radical education reforms (trajectories were very close to each other) that were carried out by the countries of Greater East Asia during the last 25 years. The special programs on the comprehensive development of education were accepted, and its funding was perceived not just as a necessary public expenditure, but as investments to provide the economy with a highly skilled workforce and well-educated professionals.</p> <p>The drastic changes in models of education management are of particular significance. The autonomy of educational institutions can be very high on local level. It is necessary to point out the private sector, which has a crucial significance for Taiwan, South Korea, Japan and China. Exactly universities began playing a major role in scientific research in these states. International cooperation in the field of education is also of great importance as it particularly promotes the formation of a cluster of people interested in the development of their own country in an international context.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department for Asian and African Studies, MGIMO University, and Department for International Relations, Higher School of Economics, Russia</p> <p>e-mail: silounev@gmail.com</p>	<p>Key words: universities; society; state; modernization; innovation; management model; Greater East Asia; Russia.</p>
<p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 15-03-00438.</p>	

Для цитирования: Лунев С.И. Успехи высшего образования в большой Восточной Азии // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 121-135.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-135-145

For citation: Lunev, Sergey I. Uspekhi vysshego obrazovaniia v bol'shoi Vostochnoi Azii (Achievements of Higher Education System in Greater East Asia) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 121-135.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-135-145

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА САУДОВСКОЙ АРАВИИ: УЧЕНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ КАК ОПОРА РАЗВИТИЯ

Татьяна Иршатовна Тюкаева

МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 21 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 17 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: За менее, чем сто лет существования государства Саудовская Аравия прошла развитие от повсеместной неграмотности и необразованности населения до современного этапа развитой структуры образовательных и исследовательских заведений, оснащенных новейшими технологиями с привлечением лучших мировых специалистов в соответствии с высочайшими международными стандартами. Принципиально, что таких успехов Королевство смогло добиться за очень короткий срок. До недавнего времени развитие науки в Саудовской Аравии было в значительной степени ориентировано на прикладные исследования в основной для экономики Королевства области – в энергетике. Несмотря на большие финансовые возможности страны, научные исследования испытывали нехватку государственного планирования и финансирования: первая комплексная стратегия научно-технического развития появилась лишь в начале 2000-х гг. Между тем, за последние 15 лет Королевство сделало огромный рывок в сфере научного развития, разработав четкий план действий, сформировав прочную и структурированную институциональную базу и эффективно используя мировой опыт. Такие успехи были обусловлены пришедшим саудовскому руководству осознанием важности научно-технического прогресса не только для национальной экономики, но и для политического положения страны в регионе и мире. Целью данной статьи является анализ научной политики Саудовской Аравии на этапах ее зарождения и сегодняшнего состояния развития посредством изучения официальных государственных документов, статистики и существующей структуры научных учреждений Королевства. Автор приходит к выводу о том, что ключевыми характеристиками саудовской научной политики сегодня являются доминирующая роль государства, приоритет прикладных исследований над фундаментальными и интернациональность при заметной зависимости от международного сотрудничества в условиях отсутствия собственной национальной научной традиции.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 13-02-00337.</i></p>
<p>Об авторе: аспирантка Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: научная политика; Саудовская Аравия; международное научное сотрудничество; научно-исследовательские институты; научно-техническое развитие</p>	

Сегодня в Саудовской Аравии наблюдается заметная активизация научно-исследовательской деятельности, причем не только в сфере прикладных, но и фундаментальных исследований по широкому спектру направлений. Развитие науки стимулируется руководством Королевства посредством создания самостоятельных научных центров и исследовательских лабораторий при университетах, увеличения государственных расходов в этой области и поощрения вложений со стороны саудовского бизнеса, а также привле-

чения зарубежного опыта, кадров и инвестиций. Саудовская Аравия имеет амбициозный план создания развитой экономики, основанной на знаниях, к 2025 г. и достижения лидирующих позиций в области научного развития в регионе Ближнего Востока и в целом – в Азии. Развитие научно-исследовательской деятельности в Королевстве характеризуется доминирующим положением государства в процессе управления и инициализации направлений исследований, слабым участием частного сектора, определяющим значением

иностранных кадров и опыта в отсутствие собственной научной традиции и сохранении приоритетности прикладных исследований, направленных на нужды развития саудовской экономики.

Историческая база научного развития

Прежде, чем говорить о научном развитии Саудовской Аравии, следует уточнить, что создание Саудовского государства было провозглашено только в 1932 г. Созданное Королевство не имело необходимых политических и социальных институтов, развитой инфраструктуры и, тем более, образовательной системы: Министерство образования было создано только в 1953 г. (до этого существовало Управление по образованию), а Министерство высшего образования, в ответственность которого сегодня входит содействие научному развитию, – только в 1975 г.

Саудовская политика в научно-исследовательской сфере фактически была запущена в конце 1970-х гг. С переходом Королевства на пятилетние планы развития в начале десятилетия появилось осознание необходимости создания собственной научной структуры, которая бы осуществляла экспертное сопровождение деятельности государственных институтов в различных сферах. Точкой отсчета в развитии политики государства в научно-исследовательской области можно считать создание в 1977 г. Национального научно-технологического центра Саудовской Аравии, в 1985 г. переименованного в Город наук и технологий имени короля Абдельазиза (King Abdulaziz City for Science and Technology – KACST). KACST был основан как независимый научный институт, призванный играть координирующую роль в научном развитии Королевства¹. Между тем, в тот период говорить о задачах развития науки в Саудовской Аравии едва ли возможно: с учетом того, что на 1970 г. уровень грамотности среди мужского населения составлял 15%, а среди женского – 2%², в первую очередь была необходи-

мость выстраивания системы начального и среднего образования.

На момент создания KACST в стране действовало несколько высших учебных заведений, в том числе религиозного характера. Первым светским университетом стал Университет Короля Сауда, основанный в 1957 г. в соответствии с Королевским указом. В 1963 г. при содействии саудовско-американской нефтяной компании Agamco (с 1988 года – Saudi Agamco, национальная саудовская нефтяная компания) был создан Колледж нефти и полезных ископаемых, в 1986 г. переименованный в Университет нефти и полезных ископаемых имени Короля Фахда³, который фактически обслуживал деятельность компании и интересы Королевства в развитии нефтяной сферы. Действовали и некоторые другие институты, однако научно-исследовательская деятельность в Королевстве в том ограниченном объеме, котором она существовала в тот период, осуществлялась в основном в этих институтах – при значительной доли участия соответствующих организаций США и использования американского опыта.

Agamco сыграла огромную роль в развитии саудовского нерелигиозного образования. С 1953 г. в соответствии с заключенным с саудовским руководством соглашением компания осуществляла строительство учреждений начального и среднего образования для саудовских работников и их детей, а также профессиональных центров и училищ. В общей сложности было создано более 140 учреждений, многие из которых функционируют до сих пор⁴. Получавшие образование в созданных при американском содействии учреждениях в Саудовской Аравии и отправлявшиеся для продолжения обучения в США специалисты фактически составили впослед-

Developments in Higher Education / QS Showcase. Mode of access: <http://qsshowcase.com/main/saudi-arabia-dramatic-developments-in-higher-education/>

³ King Fahd University of Petroleum and Minerals / KFUPM. Mode of access: <http://www.kfupm.edu.sa/SitePages/en/history-philosophy.aspx>

⁴ Saudi Aramco World / Saudi Aramco World, 2008, No. 3. Mode of access: <http://www.saudiaramcoworld.com/issue/200803/flash/75-facts/print.htm>

¹ King Abdulaziz City for Science and Technology / Information about KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/Pages/default.aspx>

² Aljubaili, Ahmad. Saudi Arabia – Dramatic

ствии кадровую основу компании Aramco и саудовских исследовательских центров, действующих в энергетической отрасли. Однако это касается не только нефтяной сферы: количество саудовских студентов в вузах США последовательно возрастало и достигло к началу 1980-х гг. более 10 тыс. человек в год⁵. Таким образом, американское влияние на саудовское образование и, соответственно, научно-исследовательскую деятельность исторически явилось одним из определяющих факторов.

Преследуя задачи формирования экономической базы государства и соответствующей инфраструктуры, саудовское руководство до конца 1990-х гг. не рассматривало развитие научно-исследовательской деятельности в качестве приоритетного направления. В образовательной политике главной целью было выстраивание структуры начального, среднего и специального образования, ответственность за развитие которой взяло на себя государство, параллельно стимулируя частный сектор к вовлечению в развитии производственных отраслей⁶. К середине 1990-х гг. в стране существовало 14 тыс. образовательных учреждений, из которых только 7 являлись высшими учебными заведениями. При этом остро стояла проблема ограничения женщин в доступе к высшему образованию: решение этой проблемы стало одной из приоритетных задач Пятого пятилетнего плана развития (1990-1994). Кроме того, серьезно ощущалась нехватка собственных преподавательских кадров, около 40% которых составляли иностранцы преимущественно из Египта⁷.

По итогам реализации первых шести пятилетних планов развития, разработанных в соответствии с рекомендациями МВФ и осуществляемых при опоре на

научно-техническую и технологическую помощь стран Запада (прежде всего, США) к концу 1990-х гг. экономическая инфраструктура была в основном сформирована, наблюдался рост доли ненефтяных отраслей экономики в русле стремления саудовского руководства к диверсификации экономической базы. В то же время фактически отсутствовала организация научно-исследовательской деятельности, в ограниченном виде реализуемая в нескольких университетах и организованных компанией Aramco исследовательских центрах и преимущественно носящая прикладной характер.

К началу 2000-х гг. 53,3% научных исследований в Саудовской Аравии имели прикладной характер, 10,3% характеризовались как исследования в целях развития и 36,3% относились к фундаментальным исследованиям. При этом, несмотря на то, что многие исследовательские центры существовали при университетах, главной функцией последних считалась образовательная, а не научно-исследовательская, в связи с чем начавшие появляться научные центры создавались, как правило, вне системы малочисленных вузов⁸. Были заметны недостаток финансирования научных исследований, составлявший около 0,2% ВВП⁹, невовлеченность частного сектора и отсутствие организации и планирования научно-исследовательской деятельности. Королевский указ 1989 г., возложивший на KACST обязанность «разработать национальную политику по развитию науки и технологий и предложить стратегию и соответствующий план по ее реализации»¹⁰, был исполнен только в начале 2000-х гг.

⁵ Open Doors Fact Sheet: Saudi Arabia / Institute Of International Education. Mode of access: www.iie.org/opendoors

⁶ Looney, Robert E.; Frederiksen, Peter C. The Evolution and Evaluation of Saudi Arabian Economic Planning // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, 1985, Vol. 9, No. 2.

⁷ Education / Saudi Arabia: a Country Study / Ed. by Helen Metz / Washington: GPO for the Library of Congress, 1992. Mode of access: <http://countrystudies.us/saudi-arabia/31.htm>

⁸ Alshayea, Ali. Scientific Research in the Kingdom of Saudi Arabia: Potential for Excellence and Indicators of Underdevelopment // *Higher Education Studies*, 2013, Vol. 3, No. 5.

⁹ Hanafi, Samia. The Science and Technology System of the Kingdom of Saudi Arabia / Virtual Incubator for Science-based Business (VISB). Mode of access: http://www.visbdev.net/visbdev/fe/Docs/Saudi_science_indicators_2.pdf

¹⁰ Where Knowledge Grows. Annual Report 2011 / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/publications/Reports/KACST%20Annual%20Report%202011.pdf>

Планы научного развития и их реализация в 2000-е гг.

К началу реализации Седьмого пятилетнего плана развития (2000 г.) по достижении значимых успехов в развитии экономической базы Королевства к саудовскому руководству пришло осознание необходимости осуществления комплексных научных исследований, не только прикладных, но и фундаментальных, в целях дальнейшего экономического развития, для чего требовалось создание организованной системы исследовательских центров и институтов и выработка четкой стратегии.

В Седьмом пятилетнем плане (2000-2004 гг.) центральное значение уделяется информационным технологиям в экономике Саудовской Аравии, а также представляется план использования этих технологий для содействия научному и экономическому развитию. Кроме того, был представлен документ Видение-2020, в котором очерчена долгосрочная Национальная стратегия развития, разработанная Министерством экономики и планирования в сотрудничестве с другими министерствами и государственными учреждениями. В Стратегии определялись общие принципы развития Саудовской Аравии в различных отраслях, осуществление которых должно способствовать становлению саудовской экономики, основанной на знаниях, посредством развития человеческого потенциала, усиления образовательной системы Королевства с особым упором на науку, технологии и инновации¹¹.

В осуществление Седьмого пятилетнего плана и Видения-2020 и совместно с Министерством экономики и планирования Саудовской Аравии KACST сформулировал *Национальную политику в сфере науки и технологий*, которая была утверждена Советом министров в 2002 г. и стала первым документом, определяющим комплексный подход долгосрочного развития Королевства в сфере научных исследований на 20 лет¹².

В документе были обозначены 10 стратегических принципов, для реализации каждого из которых предусматривались определенные механизмы и программы. В ответственность KACST входит разработка и реализация пятилетних планов развития науки и технологий в 12 основных отраслях: водопользование; нефть и газ; нефтегазовая промышленность; нанотехнологии; современные материалы; электроника, коммуникации и фотоника; биотехнологии и геновая инженерия; информационные технологии; воздушное и космическое пространство и авиация; энергетика; экология; математика и физика¹³. Таким образом, был заметно расширен спектр приоритетных направлений научных исследований. Примечательно, что первая национальная стратегия в области науки и технологий была разработана KACST при техническом содействии Стэндфордского исследовательского института, который продолжает сотрудничество с главным саудовским органом научной политики в дальнейшем формулировании пятилетних планов развития науки и технологий.

В соответствии с Седьмым пятилетним планом, Видением-2020 и Национальной политикой в научной сфере предполагалось существенное увеличение государственных расходов на цели развития инфраструктуры для научно-исследовательской деятельности посредством создания новых центров, лабораторий и высших учебных заведений, а также финансирование исследований в уже существующих институтах, в основном функционирующих при университетах. На реализацию различных программ и проектов в области науки и технологий в рамках Седьмого плана развития из бюджета было потрачено 1674,9 млн саудовских риалов, что составило 116% от запланированных расходов. По результатам осуществления Седьмого плана в Саудовской Аравии действовало 46 государственных исследовательских центров, реализовавших за пять

¹¹ Research Orientation Booklet. Second Edition / Alfaisal University. Mode of access: http://www.alfaisal.edu/arabic_new/pdf/Research-Orientation.pdf

¹² Where Knowledge Grows. Annual Report 2011 / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu>.

[sa/en/about/publications/Reports/KACST%20Annual%20Report%202011.pdf](http://www.kacst.edu.sa/en/about/publications/Reports/KACST%20Annual%20Report%202011.pdf)

¹³ National Technology Roadmap Integration for Saudi Arabia / SRI International. Mode of access: <http://www.sri.com/work/projects/national-technology-roadmap-integration-saudi-arabia>

лет 2119 научных проектов в областях медицины, техники, сельского хозяйства, опреснения воды, окружающей среды и гуманитарных наук¹⁴.

В рамках осуществления Восьмого пятилетнего плана (2005–2009 гг.) продолжилась активизация деятельности саудовского руководства по научному развитию посредством создания новых и развития имеющихся научно-исследовательских организаций, а также привлечения частного сектора к сотрудничеству в этой сфере¹⁵. Основными задачами развития в сфере науки были определены обмен опытом между саудовскими научными центрами и институтами и сотрудничество с иностранными партнерами, создание исследовательских центров, технопарков и бизнес-инкубаторов, налаживание системы внедрения научных разработок в производство, а также усовершенствование системы координации и регулирования научно-исследовательской деятельности в Королевстве¹⁶.

В исполнение задач в сфере научно-технологического развития, определенных Восьмым пятилетним планом, KACST разработал первый пятилетний План в сфере науки, технологий и инноваций на 2007–2011 гг., основной целью которого было создание инфраструктуры научных, технологических и инновационных учреждений и формирование основы для дальнейшего прогресса в данной области. План включал 8 основных программ развития, объединяющих 24 подпрограммы, которые в свою очередь подразумевали реализацию 190 национальных проектов общей стоимостью 7,9 млрд саудовский риалов. Осуществление этих программ лежало на государственных организациях (более 45) и учреждениях частного сектора¹⁷.

За первое десятилетие активной государственной политики в области науки и технологий были достигнуты существенные результаты, в частности, с точки зрения развития структуры научно-исследовательских учреждений, завершение оформления которой, в соответствии с долгосрочной стратегией развития (Планом Национальной политики в сфере науки и технологий), предполагалось к 2010 г.¹⁸.

На сегодня главным координирующим институтом Саудовской Аравии в области научно-исследовательской деятельности и технологического развития является KACST, который фактически является государственным учреждением, подотчетным напрямую премьер-министру Саудовской Аравии, обязанности которого выполняет саудовский король. В его ответственность входит: разработка национальной политики развития науки и технологий и формулирование необходимых для ее реализации стратегий и планов; координация деятельности правительства и министерств, научных институтов и исследовательских центров для обеспечения обмена информацией и опытом; реализация прикладных исследований и подготовка рекомендаций для правительства по вопросам науки и технологий; стимулирование научных исследований и технологического развития; поощрение инновационного и технологического обмена между исследовательскими институтами и производством; содействие международному сотрудничеству в сфере науки и технологий¹⁹. KACST управляется Верховным комитетом, состоящим из заместителя премьер-министра и глав министерств обороны и авиации, внутренних дел, высшего образования, сельского хозяйства и водных ресурсов, промышленности и электроэнергетики, нефти и природных ресурсов, планирования, финансов и национальной экономи-

¹⁴ Alshayea, Ali. Scientific Research in the Kingdom of Saudi Arabia: Potential for Excellence and Indicators of Underdevelopment // *Higher Education Studies*, 2013, Vol. 3, No. 5.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Kingdom of Saudi Arabia. The Eight Development Plan 2005-2009 / Ministry of Economy and Planning. Mode of access: http://planipolis.iiep.unesco.org/upload/Saudi%20Arabia/Saudi_Arabia_Eighth_Development_Plan.pdf

¹⁷ Where Knowledge Grows. Annual Report 2011 / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu>.

[sa/en/about/publications/Reports/KACST%20Annual%20Report%202011.pdf](http://www.kacst.edu.sa/en/about/publications/Reports/KACST%20Annual%20Report%202011.pdf)

¹⁸ KSA National Science, Technology and Innovation Plan / KACST. Mode of access: <http://www.kacstaerospace.org/2012/en/images/speakers/pdf/3-Al-Saud.pdf>

¹⁹ KACST / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/Pages/default.aspx>

ки, а также главы спецслужб и президента KACST²⁰.

В настоящее время в рамках KACST действует ряд институтов и исследовательских центров, распределенных в шести основных секторах: новых материалов и нанотехнологий, инноваций и коммерциализации, естественных наук и окружающей среды, водных ресурсов и энергетики, информации и коммуникаций, космических и авиационных исследований, ядерных исследований и технологий. Причем некоторые из институтов работают в сотрудничестве с зарубежными партнерами – NASA²¹, Стэнфордским²², Северо-Западным (Чикагским)²³ и Калифорнийским²⁴ университетами, Китайской академией наук²⁵, американскими корпорациями Intel²⁶, IBM²⁷ и другими. В структуре KACST функционирует также ряд отделов поддержки научных исследований, занимающиеся вопросами просвеще-

ния и издательства, интернет-услуг, грантов и патентования.

Другой государственной структурой, деятельность которой также связана с развитием научных исследований, является *Министерство высшего образования*. В отличие от KACST, ответственного за разработку общих направлений научного развития и координацию их реализации, Министерство отвечает за осуществление научно-исследовательской деятельности в саудовских высших учебных заведениях в соответствии с Планами научного развития, выработанными совместно с KACST и Министерством планирования. В его компетенцию, в частности, входит выдвижение различных инициатив в сфере науки и технологий и их всестороннее внедрение, осуществление надзора за качеством научно-исследовательской деятельности и содействие формированию экономики, основанной на знаниях²⁸.

Также Министерство реализует политику стимулирования государственных университетов к привлечению частных инвестиций и развитию научных исследований в рамках высших учебных заведений посредством создания при них исследовательских центров и колледжей, а также центров повышения квалификации в различных сферах. Так, на 2010 г. в университетах Королевства действовало 1167 исследовательских лабораторий и 89 специализированных центров²⁹. Только за период 2006-2010 гг. усилиями Министерства было создано 154 колледжа прикладных исследований в сферах медицины, информатики, техники и бизнес-технологий, а также 12 университетов, доведя количество последних до 24³⁰. Каждый государственный вуз управляется Советом, председателем которого является Министр высшего образования.

²⁰ Hanafi, Samia. The Science and Technology System of the Kingdom of Saudi Arabia. Virtual Incubator for Science-based Business (VISB). Mode of access: http://www.visbdev.net/visbdev/fe/Docs/Saudi_science_indicators_2.pdf

²¹ NASA Partners with Saudi Arabia on Moon and Asteroid Research / NASA, 15.12.2009. Mode of access: http://www.nasa.gov/home/hqnews/2009/dec/HQ_09-284_NASA-Saudi_statement.html

²² Abate, Tom. Stanford and Saudi Scientists Launch Six-year Collaboration on Aerospace Research / Stanford Engineering, 1.08.2014. Mode of access: <http://engineering.stanford.edu/news/stanford-saudi-scientists-launch-six-year-collaboration-aerospace-research>

²³ Joint Center of Excellence (JCEP) / KACST, 22.06.2014. Mode of access: <http://www.sacm.org/pdf/KACST%20-%20JCEP-%20Flyer%206-23-14.pdf>

²⁴ Center for Excellence in Green Nanotechnology / University of California, 2009. Mode of access: <http://www.ee.ucla.edu/news/news-archive/2009/center-for-excellence-in-green-nanotechnology>

²⁵ Center of Excellence for Genomics / KACST. Mode of access: <http://www.ceg-kacst-ca.org/center/about-us>

²⁶ KACST & Intel Inaugurate the Center of Excellence for Wireless Applications (CEWA) / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/media/news/Pages/news161.aspx>

²⁷ KACST and IBM Sing MOU to Establish This Center / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/media/news/Pages/news34.aspx>

²⁸ Plan to Achieve Excellence in Science and Technology / Ministry of Higher Education, 2010, P.3. Mode of access: http://www.mohe.gov.sa/ar/Ministry/Deputy-Ministry-for-Planning-and-Information-affairs/The-General-Administration-of-Planning/Documents/plans_to_achieve_excellence.pdf

²⁹ Ibid. P. 12.

³⁰ Ibid. P. 3.

Главными государственными университетами в саудовской системе высшего образования сегодня являются Университет имени Короля Фахда, Университет имени Короля Сауда, Университет имени Короля Фейсала и – самый молодой и самый амбициозный с точки зрения технологического развития – Университет имени Короля Абдаллы.

Старейшим и первым светским вузом Королевства является *Университет имени Короля Сауда*, открытый в 1957 г. как Университет Эр-Рияда и позднее переименованный. Его создание стало первым шагом Саудовской Аравии в сфере светского высшего образования и науки. Тремя первыми факультетами Университета – в исполнение приоритетов развития молодого саудовского государства – были факультет естественных наук, бизнеса и фармацевтики³¹. Сегодня реализуется целый ряд программ по различным направлениям естественных, технических и гуманитарных наук, при факультетах действуют исследовательские центры в области медицины, сельского хозяйства, техники, архитектуры, информатики, а также центры повышения квалификации³². Также действует собственный Центр повышения квалификации, нацеленный на усиление взаимодействия студентов и преподавателей в области научных исследований³³. В целях привлечения финансирования со стороны частного бизнеса при Университете создан Фонд обеспечения при поддержке и под руководством Короля Салмана бен Абдельазиза, который возглавляет Высшую комиссию Фонда. Стоит отметить, что, хотя одной из задач Университета провозглашено развитие научных исследований, приоритетом является осуществление образовательной функции³⁴.

³¹ History of King Saud University / King Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/en/about-ksu/history>

³² Institutes & Centers of King Saud University / King Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/en/research/institutes-centers>

³³ Science and Technology in Saudi Arabia / Science Engineering and Technology Courses. Mode of access: <http://www.science-engineering.net/science/asia/science-and-technology-in-saudi-arabia>

³⁴ Mission & Vision of King Saud University / King

Одним из крупнейших вузов Саудовской Аравии является *Университет нефти и полезных ископаемых имени Короля Фахда*, основанный в 1963 г. при непосредственном участии саудовско-американской компании Agamco для обеспечения функционирования ключевой отрасли экономики Королевства. Главной задачей Университета является подготовка квалифицированных специалистов в данной отрасли посредством реализации образовательных программ и стимулирования научных исследований³⁵. В мировом рейтинге университетов QS World University Rankings на 2014 г. Университет Короля Фахда занимает первое место среди вузов региона³⁶. Кадровый состав Университета многонационален, и преобладающим языком читаемых курсов и публикуемых материалов является английский (за исключением программы по арабским и исламским исследованиям, язык которой – арабский)³⁷. Методическое обеспечение, программы и организация Университета сформированы в соответствии с международными стандартами. Финансирование Университета осуществляется, главным образом, посредством государственных грантов, а также за счет инвестиций нефтяных компаний и частных фондов. Исследовательская деятельность в Университете Короля Фахда – как и в целом в стране – осуществляется при значительном участии зарубежных партнеров.

Еще одним крупным вузом и научно-исследовательским центром Саудовской Аравии является *Университет Короля Фейсала*, основанный в 1975 г. в форме четырех институтов – Сельского хозяйства и пищевой промышленности, Ветеринарии и животноводства (в провинции Аль-Хаса), Архитектуры

Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/en/about-ksu/mission-vision>

³⁵ King Fahd University of Petroleum and Minerals / Ministry of Higher Education. Mode of access: <http://www.mohe.gov.sa/en/studyinside/Government-Universities/Pages/KFUPM.aspx>

³⁶ Arab Region Is a Dedicated Ranking of the Top Universities in Arabic Countries / The QS University Rankings, 2014. Mode of access: <http://www.iu.qs.com/arab-region-rankings/>

³⁷ King Fahd University of Petroleum and Minerals / KFUPM. Mode of access: <http://www.kfupm.edu.sa/SitePages/en/history-philosophy.aspx>

и планирования и Медицины и медицинских исследований (в провинции Даммам). Сегодня количество институтов вуза возросло до 17³⁸, кроме того, функционируют 24 исследовательских центра. Образовательная и исследовательская деятельность Университета теперь реализуется также и в таких сферах, как естественные науки, бизнес администрирование, информатика, фармацевтика, право и искусство. Особое внимание уделяется исследованиям в области биотехнологий, но также разрабатываются и традиционные для Саудовской науки направления – энергетика и водопользование, а также сравнительно новое, реализуемое в соответствии с последними Планами развития – аэрокосмическое³⁹. С момента своего основания Университет большое внимание уделял исследовательской деятельности: имеется собственный научный журнал, отмечается высокое количество публикаций – как в саудовских, так и иностранных научных изданиях (по данным Scopus, рост общего числа публикаций вырос с 1 в 2008 году до 402 в 2013 году⁴⁰), организуются научные конференции, и представители Университета регулярно участвуют в международных симпозиумах. Помимо этого, активно реализуется международное сотрудничество, в частности, с Гарвардским и Оксфордским университетами и Массачусетским технологическим институтом.

Самым молодым и наиболее амбициозным проектом в сфере высшего образования и науки является *Университет науки и технологий имени Короля Абдаллы*. План создания исследовательского университета мирового класса, целью которого должно стать региональное и глобальное развитие науки и технологий, появился в 2006 г. Его реализация была возложена на национальную нефтяную компанию Saudi Aramco, которая в сотрудничестве со Стэнфордским исследовательским

институтом в 2009 г. открыла Университет⁴¹. Его деятельность концентрируется исключительно на научных исследованиях и реализации магистерских и аспирантских программ в сферах вычислительной биологии, мембран и пористых материалов, солнечной и альтернативной энергетики, а также решения региональных проблем Красного моря⁴². В рамках университета действуют три отделения: Химических и биологических наук и инженерии, Математических наук, информатики и инженерии, Физических наук и инженерии, а также 10 исследовательских институтов, разрабатывающих 18 научно-исследовательских направлений⁴³. Университет оснащен самым быстроработающим супер-ЭВМ⁴⁴ и лабораториями с новейшим оборудованием для осуществления исследований в сфере нанотехнологий, электроники, фотоники и других.

К 2020 г. Университет намерен войти в десятку лучших мировых научно-технологических вузов посредством реализации высочайших международных стандартов в области научных исследований и сотрудничества с ведущими университетами мира. В частности, уже реализуется партнерство с Кембриджским и Оксфордским университетами, Имперским колледжем Лондона. При этом на 2014 г., по мнению рейтингового агентства QS World University Rankings, Университет занял более высокую позицию по сравнению с такими ведущими мировыми вузами, как Принстонский и Кембриджский университеты⁴⁵.

⁴¹ Strategic Planning for Saudi Arabia's KAUST / SRI International. Mode of access: <http://www.sri.com/work/projects/strategic-planning-saudi-arabia-kaust>

⁴² Science and Technology in Saudi Arabia / Science Engineering and Technology Courses. Mode of access: <http://www.science-engineering.net/science/asia/science-and-technology-in-saudi-arabia>

⁴³ Research / KAUST. Mode of access: <http://www.kaust.edu.sa/research.html>

⁴⁴ Saudi Arabia to Launch Elite Research University / NBC News, 22.09.2009. Mode of access: http://www.nbcnews.com/id/32971495/ns/world_news-mideast_n_africa/t/saudi-arabia-launch-elite-research-university/#.VHY6fMkwv1L

⁴⁵ King Abdullah University of Science & Technology / Top Universities Rankings, 2014. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/node/3925/ranking-details/world-university-rankings/2014>

³⁸ Number of KFU Colleges / King Faisal University. Mode of access: <http://www.kfu.edu.sa/en/Colleges/pages/home.aspx>

³⁹ Research Orientation Booklet. Second Edition / Alfaisal University. Mode of access: http://www.alfaisal.edu/arabic_new/pdf/Research-Orientation.pdf

⁴⁰ Annual Report 2012-2013 / Alfaisal University. Mode of access: <http://research.alfaisal.edu/pdf/Annual%20Report%202012-2013.pdf>

Университет Короля Абдаллы нацелен на привлечение студентов и сотрудников со всего мира. Основным языком Университета является английский, а его кадровый и студенческий состав действительно интернационален: среди студентов – представители более 60 стран, саудовцы составляют около 15% из общего числа учащихся. Президентом Университета, который – как и другие саудовские вузы – подотчетен Министерству высшего образования, является французский инженер, бывший президент Калифорнийского технологического университета Жан-Лу Шамо, а в состав Совета попечителей, возглавляемого саудовским министром нефти и природных ресурсов, входят ведущие мировые специалисты в сфере науки, образования и промышленности, а также общественные лидеры. Подавляющий процент сотрудников составляют приглашенные иностранные специалисты или саудовские ученые, получившие образование, как правило, в США⁴⁶.

Важным звеном в структуре организаций в сфере научных исследований является *Совет по высшему образованию*, возглавляемый саудовским премьер-министром – Королем. В его обязанности в области научной политики входит осуществление надзора за реализацией государственной стратегии развития в сфере науки и технологий и деятельностью университетов в данной области через их Советы управления⁴⁷. Формально автономным, но подотчетным Совету органом, также имеющим принципиальное значение для научного развития страны, является *Национальная аттестационная аккредитационная комиссия*, созданная в 2004 г. В ее задачи входит контроль качества деятельности высших образовательных учреждений – государственных и частных, в том числе – научно-исследовательской, которая является важным, хотя и необязательным для всех вузов и колледжей, пун-

ктом аттестации⁴⁸. Деятельность Комиссии также осуществляется при значительном содействии европейских, американских и австралийских экспертов.

Таким образом, к началу второго десятилетия 2000-х гг. задача формирования структуры организаций в научной сфере фактически была реализована Саудовской Аравией – на основе комплексного планирования и заимствования зарубежного опыта технологически развитых стран, а также при значительном финансовом и организационном участии государства и при опоре на международное сотрудничество. В 2010 г. началась реализация Девятого плана развития (2010–2014 гг.) Саудовской Аравии, одним из главных приоритетов которого было определено вовлечение частного сектора к активному участию в научно-исследовательской деятельности. Также предполагалось создание новых и развитие существующих научных центров и организаций и расширение их исследовательских возможностей при ежегодном финансировании посредством (а) грантов в размере 900 млн саудовских риалов, (б) предоставления государственным учреждениям 300 млн саудовский риалов и частным – 200 млн саудовских риалов⁴⁹. Общая сумма расходов Саудовской Аравии на стратегические проекты развития науки и инноваций, согласно Девятому плану, должна составить 15 млрд саудовских риалов.

Параллельно с Девятым планом развития был запущен разработанный усилиями КАСТ *Первый расширенный пятилетний план по науке, технологиям и инновациям* на тот же период 2010–2014 гг., который – помимо задачи становления Саудовской Аравии как регионального лидера в области

⁴⁶ Our Faculty / KAUST. Mode of access: <http://www.kaust.edu.sa/faculty/index.html>

⁴⁷ Higher Education / Saudi Arabia Cultural Mission to the US. Mode of access: <http://www.sacm.org/Education/HigherEdu.aspx>

⁴⁸ Handbook 1. Standards and Processes for Quality Assurance and Accreditation. Draft / National Commission for Academic Accreditation & Assessment, 2005. P. 26. Mode of access: <http://www.kfu.edu.sa/en/Departments/SeniorManagement/VicePresidentDevelopment/strategicplanproject/Documents/SaudiHandbook1.pdf>

⁴⁹ Brief Report on the Ninth Development Plan 2010-2014 / Ministry of Economy and Planning. Mode of access: http://fanack.com/fileadmin/user_upload/Documenten/Links/Saudi_Arabia/Report_Ninth_Development_Plan.pdf

науки и технологий к 2015 г. – предполагает также формирование «национальной инновационной системы»⁵⁰. Главными отличиями основных задач нового Плана от тех, которые ставились ранее являются: а) разработка и осуществление мер защиты интеллектуальной собственности результатов научных исследований; б) формулирование ряда норм, которые определяют обязательства исследователей при подготовке, осуществлении и оценке результатов исследований; в) производство оценки состояния оснащенности исследовательских учреждений и выработка плана по централизованному приобретению и использованию научного оборудования, что нацелено на стимулирование взаимодействия между различными научно-исследовательскими организациями страны и реализации ими совместных проектов; г) формулирование норм по осуществлению технических, финансовых и административных процедур в ходе реализации научных проектов; д) запуск пяти международных научных журналов в наиболее приоритетных для Королевства сферах научных исследований и достижение договоренности с издательством Springer о публикации журналов на его сайте при обеспечении свободного доступа к ним. Также KACST начал сотрудничество с Thomson Reuter, который должен оценить деятельность в сфере научных исследований в 30 государственных и частных саудовских университетах и качество научных публикаций в них. В целях повышения эффективности исследований KACST подписал соглашение с Американской ассоциацией научного развития (American Association for the Advancement of Science), которая должна оказывать содействие в оценке результатов научной деятельности в Саудовской Аравии⁵¹.

В целях стимулирования научной деятельности План утверждал 8 грантовых программ, которые должны были предоставить исследователям необходимую финансовую и техническую помощь. Кроме того, при са-

удовском Государственном инвестиционном фонде в 2011 году была создана компания по развитию технологий и инвестированию – TAQNIA, главной задачей которой является содействие непосредственному коммерческому и производственному использованию результатов исследовательской деятельности основных научно-исследовательских центров страны. Так, было подписано соглашение с KACST, предполагающее финансирование и коммерциализацию стратегических исследований и осуществляемых программ развития Города наук и технологий⁵². Компания предполагается как «ответвление саудовского правительства в сфере инвестирования технологического развития»⁵³.

Параллельно с этим активно предпринимаются меры по налаживанию обмена информацией между различными учреждениями Королевства – государственными и частными, а также вовлечению частного сектора к участию в финансировании научно-исследовательской деятельности и взаимодействию с исследовательскими центрами и институтами с целью применения результатов исследований в русле общей стратегии развития Саудовской Аравии – формирования экономики, основанной на знаниях, к 2025 г. Программы по привлечению саудовского бизнеса к научным исследованиям реализуются как Королем и другими членами королевской семьи, так и отдельными государственными университетами и исследовательскими организациями.

В частности, действует Благотворительный Фонд Эр-Рияда по науке, который в сотрудничестве с Благотворительным Обществом Эр-Рияда по науке (обе организации возглавляются Королем Салманом бен Абдельазизом), а также – с KACST и рядом саудовских компаний запустил Научный Оазис Принца Салмана. В задачи Оазиса, в том числе, входит содействие научному раз-

⁵² Science & Technology Signs a Partnership Agreement with Saudi Company for Development and Technology Investment (TAQNIA) / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/media/news/Pages/483.aspx>

⁵³ TAQNIA to Establish Venture Capital Fund / Arab News, 10.10.2012. Mode of access: <http://www.arabnews.com/taqnia-establish-venture-capital-fund>

⁵⁰ Where Knowledge Grows. Annual Report 2011 / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/publications/Reports/KACST%20Annual%20Report%202011.pdf>

⁵¹ Ibid. Pp. 36-38.

виту и внедрение результатов исследований в реальные практики⁵⁴. Параллельно с этим, KACST запустил программу BADIR по созданию инкубаторов технологий, которая нацелена на привлечение частных предпринимателей, желающих реализовать имеющиеся у них проекты по развитию собственного бизнеса. В рамках BADIR проводятся различные форумы, к участию в которых привлекаются представители бизнеса и научного сообщества – как саудовского, так и мирового, – а также планируется реализация программ обучения предпринимателей по разработке их бизнес-планов⁵⁵.

В свою очередь, Министерство высшего образования активно поощряет исследовательские университеты создавать Фонды обеспечения для привлечения частного финансирования исследовательских проектов, что было осуществлено основными крупными саудовскими вузами. Также отдельные университеты, например, имени Короля Сауда и имени Короля Фахда, инвестируют в частные компании и создаваемые в Королевстве технопарки⁵⁶, ряд из которых созданы при вузах. При Университете Короля Фахда с 2003 г. действует Научный парк имени Принца Абдаллы бен Абдель Азиза (Prince Abdullah bin Abdul Aziz Science Park – PASP), ставший первым в своем роде на Ближнем Востоке и отражающий взаимодействие государства, исследователей, государственных корпораций (в первую очередь – Saudi Aramco, SABIC) и частного бизнеса⁵⁷. Парк является частью Технологической долины Дархана, сформированной в 2006 г., в рамках которой реализуется сотрудничество

бизнеса и научного сообщества не только на национальном, но и на международном уровне⁵⁸. Другим успешным примером взаимодействия исследовательских институтов с бизнесом является Технологическая долина Эр-Рияда, решение о создании которой было принято в 2009 г. Советом правления Университета Короля Сауда⁵⁹.

Сами компании, особенно государственные корпорации – Saudi Aramco и SABIC (Saudi Basic Industries Corporation, занимающаяся производством нефтехимии), активно сотрудничают в сфере научно-исследовательских работ с крупными университетами и KACST, а также развивают собственные исследовательские центры и осуществляют свои проекты развития: первая имеет более 17 зарегистрированных патентов, вторая – более 200⁶⁰.

Большие усилия саудовское руководство прикладывает для поощрения саудовских студентов к получению высшего образования за рубежом, для чего с 2005 г. реализуется специальная Стипендиальная программа Короля Абдаллы с ежегодным бюджетом в 2,4 млрд долл.⁶¹ В рамках данной Программы сегодня около 150 тыс. саудовских студентов обучаются в 500 университетах США, Канады, Великобритании, Австралии и других стран мира. Количество студентов, получающих высшее образование в заграничных вузах, в Саудовской Аравии является рекордным в мире по относительным показателям, а по абсолютным – их число уступает толь-

⁵⁴ Tago, Abdul H. Science Oasis Aims to Promote Knowledge / *Arab News*, 8.05.2012. Mode of access: <http://www.arabnews.com/node/412622>

⁵⁵ TAQNIA to Establish Venture Capital Fund / *Arab News*, 10.10.2012. Mode of access: <http://www.arabnews.com/taqnia-establish-venture-capital-fund>

⁵⁶ Plan to Achieve Excellence in Science and Technology / Ministry of Higher Education, 2010. P.3. Mode of access: http://www.mohe.gov.sa/ar/Ministry/Deputy-Ministry-for-Planning-and-Information-affairs/The-General-Administration-of-Planning/Documents/plans_to_achieve_excellence.pdf

⁵⁷ Welcome to PASP / PASP. Mode of access: <http://www.ccse.kfupm.edu.sa/~cadprj/>

⁵⁸ Bashehab, Omar; Buddhapriya, Sanghamitra. Status of Knowledge Based Economy in the Kingdom of Saudi Arabia: An Analysis // *Journal of Social and Development Sciences*, 2013, Vol. 4, No. 6, pp. 268-277.

⁵⁹ Riyadh Techno Valley Project / King Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/Administration/RectorDeputies/UDB/Programs/rttp/Pages/default.aspx>

⁶⁰ Alshayea, Ali. Scientific Research in the Kingdom of Saudi Arabia: Potential for Excellence and Indicators of Underdevelopment // *Higher Education Studies*, 2013, Vol. 3, No. 5.

⁶¹ Saudi Arabia's 'Golden Age of Learning' under King Abdullah / *Arab News*, 04.01.2013. Mode of access: <http://www.arabnews.com/saudi-arabia%E2%80%99s-%E2%80%98golden-age-learning%E2%80%99-under-king-abdullah>

ко китайским и индийским студентам⁶². При этом, основная доля саудовских студентов приходится на вузы США, причем их количество постоянно увеличивается. Данная политика нацелена на подготовку высококвалифицированных кадров в лучших университетах мира, которые должны по возвращении в Саудовскую Аравию стать ядром профессорско-преподавательского состава университетов страны и кадрового состава научно-исследовательских организаций.

Таким образом, с начала 2000-х гг. саудовское руководство проделало огромную работу в сфере развития научно-исследовательской деятельности, прогресс в которой должен выдвинуть Королевство на лидирующие позиции в регионе и в мире в области науки и технологий и обеспечить формирование развитой саудовской экономики, основанной на знаниях. Между тем, далеко не все задачи были решены, а столь стремительное развитие – помимо многочисленных достижений – привело к ряду проблем.

Достижения и вызовы современного этапа научного развития

Главной задачей, стоявшей перед руководством страны еще в 1970-е гг., было поднятие уровня грамотности среди населения, без чего не имело смысла даже говорить о научно-исследовательской деятельности. За 40 лет Саудовской Аравии удалось добиться 90% уровня среди всего населения. Последние 15 лет активного планирования, сопровождающегося обильным государственным финансированием, в области науки и технологий ознаменовались значительными достижениями.

Количество государственных вузов Саудовской Аравии увеличилось с 8 (в дополнение к ряду частных колледжей, количество которых не превышало 10) в 2003 году до 25 (вдобавок к 30 частным университетам и колледжам) – на настоящий момент. Расходы на образование в Королевстве составля-

ют 25% бюджета и около 10% ВВП, что является самым высоким показателем в мире. Высшее образование в Саудовской Аравии является общедоступным: бесплатным в государственных учреждениях и относительно недорогим – в частных – за счет обильного субсидирования последних. Обильно финансируется и поощряется получение высшего образования за рубежом в крупнейших вузах мира, а саудовские университеты осуществляют образовательную функцию при содействии наиболее продвинутых университетов: таким образом, формируется ядро высококвалифицированных специалистов для научно-исследовательской сферы.

Практически сформирована организационная структура исследовательских организаций, главными органами которой являются KACST, ответственный за определение общих направлений научного развития Королевства, планирование и координацию усилий научных учреждений и органов в реализации этих планов, и Министерство высшего образования, в компетенцию которого входит осуществление стратегии и планов научного развития через государственные научно-исследовательские центры и университеты. При этом крупнейшие саудовские университеты занимают престижные позиции в мировых рейтингах вузов. В саудовских университетах интенсифицируется научно-исследовательская деятельность, растет количество научных публикаций: так, 90% всех публикаций Ближнего Востока приходится на саудовские⁶³.

Имеются заметные достижения также и с точки зрения решения проблемы ограничения доступа женского населения к высшему образованию и, соответственно, участия женщин в научно-исследовательской деятельности. Согласно саудовскому строгому толкованию исламских догм, женщины и мужчины в Королевстве должны обучаться раздельно, однако предполагается половое равноправие в вопросе получения образования. В 1970 г. был создан Колледж для женщин имени Принцессы Нуры бинт Абдурах-

⁶² Aljubaili, Ahmad. Saudi Arabia – Dramatic Developments in Higher Education / QS Showcase. Mode of access: <http://qsshowspace.com/main/saudi-arabia-dramatic-developments-in-higher-education/>

⁶³ Science and Technology in Saudi Arabia / Science Engineering and Technology Courses. Mode of access: <http://www.science-engineering.net/science/asia/science-and-technology-in-saudi-arabia>

ман, после чего по стране стали появляться и другие женские колледжи, а при многих университетах были открыты женские сектора. Между тем, один из крупнейших саудовских университетов – имени Короля Фахда – принимает только студентов мужского пола. Ряд инициатив был запущен Королем Саудовской Аравии с целью исправить сложившуюся ситуацию, одной из которых стало присвоение Колледжу Принцессы Нуры статуса университета, который сегодня является крупнейшим в мире вузом для женщин⁶⁴. Более того, в новом Университете Короля Абдаллы женщины не обязаны носить хиджаб и имеют право свободно взаимодействовать с мужской частью студентов и персонала вуза – что, фактически, является революционным новшеством для Королевства. В результате сегодня 60% студентов, получающих высшее образование, составляют представители женского пола⁶⁵. Тем не менее, Саудовская Аравия только начинает делать некоторые шаги в этом направлении, и успехи в этой сфере могут иметь очень ограниченный эффект в связи с сильным влиянием исламских консерваторов в государственных структурах и в обществе.

Еще одним достижением, значение которого неоднозначно, является чрезвычайная интернационализация высшего образования и научно-исследовательской деятельности в Королевстве, что выражается как в участии зарубежных университетов в разработке и реализации программ научного развития, их сотрудничестве с саудовскими исследовательскими центрами при осуществлении различных проектов, так и в существенном присутствии иностранных специалистов в профессорско-преподавательском составе вузов и роли английского языка в качестве основного в университетах. И это вдобавок к тому, что сегмент саудовских исследователей научного сообщества Королевства, кото-

рый составляет большую долю, представлен в основном выпускниками университетов Запада, в особенности – США. Саудовским руководством это рассматривается как достижение, так как этим обеспечивается высокий уровень квалификации саудовских исследователей и интегрированность страны в мировое научное сообщество. С учетом отсутствия национальной традиции научной деятельности для Королевства заимствование зарубежного опыта и кадров представляется оптимальным способом осуществить развитие науки и технологий рекордными темпами. С другой стороны, в этой связи возникает ряд проблем. Так, отмечается существование разрыва между школьной, где преподавание производится на арабском языке, и вузовской, где доминирует английский, системами образования, для чего в большинстве университетов введены программы подготовительного обучения – с целью преодоления этого разрыва⁶⁶.

Кроме того, интернационализированность научно-исследовательской деятельности и доминирование английского языка может быть препятствием для реализации плана Королевства по становлению в качестве лидера арабского региона в области научного развития. В этом направлении также предпринимаются шаги: в частности, KACST в сотрудничестве с факультетом лингвистики и переводов разработала проект создания базы данных арабоязычной терминологии, которая состоит из более чем 200 тыс. единиц, переведенных на арабский с английского, французского и немецкого языков⁶⁷. Зависимость Саудовской Аравии с точки зрения получения высшего образования и реализации научно-исследовательской деятельности от иностранных партнеров не отвечает общей потребности в регионе в создании собственной независимой научно-образовательной системы. Однако и на этом направлении предпринят важный шаг: в марте 2014 года на Эр-Риядском Конгрессе

⁶⁴ Saudi Investment Is Starting to Pay off / QS Showcase, 14.02.2014. Mode of access: <http://qsshowcase.com/main/saudi-investment-is-starting-to-pay-off/>

⁶⁵ Aljubaili, Ahmad. Saudi Arabia – Dramatic Developments in Higher Education / QS Showcase. Mode of access: <http://qsshowcase.com/main/saudi-arabia-dramatic-developments-in-higher-education/>

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ KACST: Saudi Arabia's Foremost Research Center. Saudi Arabia / *Saudi Embassy*, 2000, Vol. 17, No. 2. Mode of access: <http://www.saudiembassy.net/files/PDF/Publications/Magazine/2000-Summer/KACST.htm>

министров высшего образования и науки 22 арабских стран была принята Стратегия развития науки, технологии и инноваций, подготовленная при участии структур ЛАГ и ЮНЕСКО⁶⁸. Целью этой инициативы является усиление межарабского научного и образовательного сотрудничества, для чего предполагается создание единой сети научно-исследовательских центров, а также повышение качества высшего образования и уровня научных институтов арабских стран. Также в Стратегии обозначена задача увеличения расходов на НИОКР с нынешних 0,8% до 3% при доле участия частного сектора в 30–40%⁶⁹.

При этом в самой Саудовской Аравии государственные расходы на научно-исследовательскую деятельность составляют не более 0,7% ВВП, а участие компаний в основном реализуется за счет крупных корпораций Aramco и SABIC и составляет не более 2%⁷⁰. Несмотря на то, что научные исследования в рамках частных компаниях заметно активизируются, а государственное финансирование в этой сфере за последнее десятилетие кратно возросло в абсолютных цифрах, фактическая их доля в ВВП увеличивается медленно: до сих пор отмечается нехватка финансирования исследовательских проектов⁷¹.

Среди препятствий современного этапа научного развития Саудовской Аравии отмечается также бюрократическая волокита, слабое – несмотря на усилия саудовского руководства – взаимодействие между исследо-

вательскими институтами, а также нехватка кадров профессорско-преподавательского состава университетов и зачастую их неопытность.

Многие из существующих сегодня проблем научного развития Саудовской Аравии можно объяснить тем, что Королевство проводит последовательную и комплексную политику в этой сфере менее 15 лет. С учетом того, сколько удалось достичь за этот краткий период, можно ожидать, что развитие продолжится в позитивной динамике. Главным вызовом на настоящий момент, осознание критичности которого не до конца пришло к саудовскому руководству, является острая зависимость от содействия иностранных партнеров и, в особенности, – США, как в подготовке кадров, так и в реализации исследовательской деятельности. Саудовская Аравия имеет потенциал стать научным центром арабского региона, если сумеет обратить выгоды своей интернационализации себе на пользу и сократить влияние ее недостатков, усиливая национальные – или, по крайней мере, региональные арабские – черты научно-технологического развития. В основе этих черт может лежать акцент на исламское лицо научного прогресса, что уже формально реализуется в провозглашении реализации исследовательской и образовательной деятельности в соответствии с ценностями ислама в «Миссиях» и «Видениях» университетов и научных центров Королевства.

* * *

За менее чем 15 лет целенаправленной государственной научной политики Саудовская Аравия достигла значительных успехов, главными из которых можно назвать формирование структуры научно-исследовательских организаций, формулирование стратегии научно-технологического развития страны в соответствии с осознанными задачами внутреннего развития и внешнеполитического планирования и ее последовательная реализация посредством поэтапных планов действий. Изучение структуры научных институтов, формы их деятельности и степени вовлеченности в этот процесс государственного и частного сектора позволяет сделать выводы о (1) доминировании государства в научно-

⁶⁸ Sawahel, Wagdy. New Arab Strategy for Science, Technology and Innovation / *University World News*, 14.03.2014. Mode of access: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=2014031411375640>

⁶⁹ Al-Istratijiya Al-Arabiya li-l Bahth Al-Ilmij wa At-Taqnij wa-l Ibtikar / Arab League Educational Cultural and Scientific Organization, 2013. Mode of access: <http://www.projects-alecso.org/wp-content/uploads/2014/02/1.pdf>

⁷⁰ Alshayea, Ali. Scientific Research in the Kingdom of Saudi Arabia: Potential for Excellence and Indicators of Underdevelopment // *Higher Education Studies*, 2013, Vol. 3, No. 5.

⁷¹ Nafee, Ibrahim. Low Funding Restricts Scientific Research / *Arab News*, 10.09.2012. Mode of access: <http://www.arabnews.com/saudi-arabia/low-funding-restricts-scientific-research>

исследовательской сфере Саудовской Аравии при медленно увеличивающемся, но остающимся незначительным, участии бизнеса, (2) развитии преимущественно прикладных исследований, направленных на извлечение максимальной прибыли от главного экономического ресурса страны – нефти, и решение насущных экологических проблем саудовской экономики (главным образом – проблема водных ресурсов), (3) интернациональности как определяющей черты национальной науки и значительной степени зависимости от содействия иностранных партнеров, в первую очередь – США. Между тем, очевидно, что заложена серьезная база для реализации амбициозных положений долгосрочной стратегии научно-технологического развития – Национальной политики в сфере науки и технологий 2002–2015 гг.

Литература / References

Abate, Tom. Stanford and Saudi Scientists Launch Six-year Collaboration on Aerospace Research / Stanford Engineering, 1.08.2014. Mode of access: <http://engineering.stanford.edu/news/stanford-saudi-scientists-launch-six-year-collaboration-aerospace-research>

Al-Istratijiya Al-Arabiya li-l Bahth Al-Ilmij wa At-Taqij wa-l Ibtikar / Arab League Educational Cultural and Scientific Organization, 2013. Mode of access: <http://www.projects-aleco.org/wp-content/uploads/2014/02/1.pdf>

Aljubaili, Ahmad. Saudi Arabia – Dramatic Developments in Higher Education / QS Showcase. Mode of access: <http://qsshowspace.com/main/saudi-arabia-dramatic-developments-in-higher-education/>

Alshayea, Ali. Scientific Research in the Kingdom of Saudi Arabia: Potential for Excellence and Indicators of Underdevelopment // Higher Education Studies, 2013, Vol. 3, No. 5.

Annual Report 2012-2013 / Alfaisal University. Mode of access: <http://research.alfaisal.edu/pdf/Annual%20Report%202012-2013.pdf>

Arab Region Is a Dedicated Ranking of the Top Universities in Arabic Countries / The QS University Rankings, 2014. Mode of access: <http://www.iu.qs.com/arab-region-rankings/>

Bashehab, Omar; Buddhapriya, Sanghamitra. Status of Knowledge Based Economy in the Kingdom of Saudi Arabia: An Analysis // Journal of Social and Development Sciences, 2013, Vol. 4, No. 6, pp. 268-277.

Brief Report on the Ninth Development Plan 2010-2014 / Ministry of Economy and Planning. Mode of access: http://fanack.com/fileadmin/user_upload/Documenten/Links/Saudi_Arabia/Report_Ninth_Development_Plan.pdf

Center for Excellence in Green Nanotechnology / University of California, 2009. Mode of access: <http://www.ee.ucla.edu/news/news-archive/2009/center-for-excellence-in-green-nanotechnology>

Center of Excellence for Genomics / KACST. Mode of access: <http://www.ceg-kacst-ca.org/center/about-us>

Education // Saudi Arabia: a Country Study / Ed. by Helen Metz / Washington: GPO for the Library of Congress, 1992. Mode of access: <http://countrystudies.us/saudi-arabia/31.htm>

Hanafi, Samia. The Science and Technology System of the Kingdom of Saudi Arabia. Virtual Incubator for Science-based Business (VISB). Mode of access: http://www.visbdev.net/visbdev/fe/Docs/Saudi_science_indicators_2.pdf

Handbook 1. Standards and Processes for Quality Assurance and Accreditation. Draft / National Commission for Academic Accreditation & Assessment, 2005. P. 26. Mode of access: <http://www.kfu.edu.sa/en/Departments/SeniorManagement/VicePresidentDevelopment/strategicplanproject/Documents/SaudiHandbook1.pdf>

Higher Education / Saudi Arabia Cultural Mission to the US. Mode of access: <http://www.sacm.org/Education/HigherEdu.aspx>

History of King Saud University / King Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/en/about-ksu/history>

Institutes & Centers of King Saud University / King Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/en/research/institutes-centers>

Joint Center of Excellence (JCEP) / KACST, 22.06.2014. Mode of access: <http://www.sacm.org/pdf/KACST%20-%20JCEP-%20Flyer%206-23-14.pdf>

KACST & Intel Inaugurate the Center of Excellence for Wireless Applications (CEWA) / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/media/news/Pages/news161.aspx>

KACST / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/Pages/default.aspx>

KACST and IBM Sing MOU to Establish This Center / KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/media/news/Pages/news34.aspx>

KACST: Saudi Arabia's Foremost Research Center. Saudi Arabia / Saudi Embassy, 2000, Vol. 17, No. 2. Mode of access: <http://www.saudiembassy.net/files/PDF/Publications/Magazine/2000-Summer/KACST.htm>

King Abdulaziz City for Science and Technology / Information About KACST. Mode of access: <http://www.kacst.edu.sa/en/about/Pages/default.aspx>

King Abdullah University of Science & Technology / Top Universities Rankings, 2014. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/node/3925/ranking-details/world-university-rankings/2014>

King Fahd University of Petroleum and Minerals / KFUPM. Mode of access: <http://www.kfupm.edu.sa/SitePages/en/history-philosophy.aspx>

King Fahd University of Petroleum and Minerals / Ministry of Higher Education. Mode of access: <http://www.mohe.gov.sa/en/studyinside/Government-Universities/Pages/KFUPM.aspx>

Kingdom of Saudi Arabia. The Eight Development Plan 2005-2009 / Ministry of Economy and Planning. Mode of access: http://planipolis.iiep.unesco.org/upload/Saudi%20Arabia/Saudi_Arabia_Eighth_Development_Plan.pdf

KSA National Science, Technology and Innovation Plan / KACST. Mode of access: <http://www.kacstaerospace.org/2012/en/images/speakers/pdf/3-Al-Saud.pdf>

Looney, Robert E.; Frederiksen, Peter C. The Evolution and Evaluation of Saudi Arabian Economic Planning // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies, 1985, Vol. 9, No. 2.

Mission & Vision of King Saud University / King Saud University. Mode of access: <http://ksu.edu.sa/en/about-ksu/mission-vision>

Nafee, Ibrahim. Low Funding Restricts Scientific Research / Arab News, 10.09.2012. Mode of access: <http://www.arabnews.com/saudi-arabia/low-funding-restricts-scientific-research>

NASA Partners with Saudi Arabia on Moon and Asteroid Research / NASA, 15.12.2009. Mode of access: http://www.nasa.gov/home/hqnews/2009/dec/HQ_09-284_NASA-Saudi_statement.html

National Technology Roadmap Integration for Saudi Arabia / SRI International. Mode of access: <http://www.sri.com/work/projects/national-technology-roadmap-integration-saudi-arabia>

Number of KFU Colleges / King Faisal University. Mode of access: <http://www.kfu.edu.sa/en/Colleges/pages/home.aspx>

Open Doors Fact Sheet: Saudi Arabia / Institute Of International Education. Mode of access: www.iie.org/opendoors

Our Faculty / KAUST. Mode of access: <http://www.kaust.edu.sa/faculty/index.html>

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-146-161](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-146-161)

SCIENTIFIC POLICY OF SAUDI ARABIA: INTERNATIONAL SCIENCE AS A BASIS FOR DEVELOPMENT

Tatyana I. Tyukaeva

MGIMO University, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20 January 2015</p> <p><i>Accepted:</i> 14 June 2016</p>	<p>Abstract: In less than a century of its existence Saudi Arabia has developed from mass illiteracy and lack of education of its population into the current state of complex structure of educational and research institutions and organizations equipped with most modern and advanced technologies and top world specialists in accordance with the highest international standards. It is especially important that the Kingdom has managed to achieve such success in no time. Until lately scientific development in Saudi Arabia was mostly concentrated on applied research, especially in the Kingdom's key economic sphere – energy. Despite the country's abundant financial resources, science was considerably underfunded and lacked any development strategy. Meanwhile, in the last 15 years the Saudi Kingdom has made a huge leap in scientific development with a clear action plan worked out, a solid structure of scientific institutes formed and the world experience efficiently used. The success came with the Saudi authorities' realization of the importance of scientific and technical progress both for the national economy and political positions of the state in the region and in the world. The article aims to analyze the scientific policy of Saudi Arabia on the stage of its birth and in the current state by means of studying official documents, statistics and the existing institutes in the scientific system of the Kingdom. The author concludes that the key features of the Saudi scientific policy are prevailing role of the state, priority of applied over fundamental research and internalization with serious dependency on foreign support in the absence of a national scientific tradition.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 13-02-00337.</p>
<p>About the author: PhD Student, Department of World Politics, MGIMO University</p> <p>e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru</p>	
<p>Key words: scientific policy; Saudi Arabia; international scientific cooperation; scientific and research institutes; scientific and technical development.</p>	

Для цитирования: Тюкаева Т.И. Научная политика Саудовской Аравии: ученый интернационал как опора развития // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 146-161.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-146-161

For citation: Tyukaeva, Tatyana I. Nauchnaya politika Saudovskoj Aravii: uchenyj internacional kak opora razvitiya (Scientific Policy of Saudi Arabia: International Science as a Basis for Development) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 146-161.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-146-161

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-162-163](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-162-163)НОВЫЙ ШАГ В ИССЛЕДОВАНИИ ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИИ

**Механизмы трансрегионального
развития Центральной Евразии:
исследования и прогнозы.**

Под ред. Ли Сина и

А.Д. Воскресенского.

Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016.

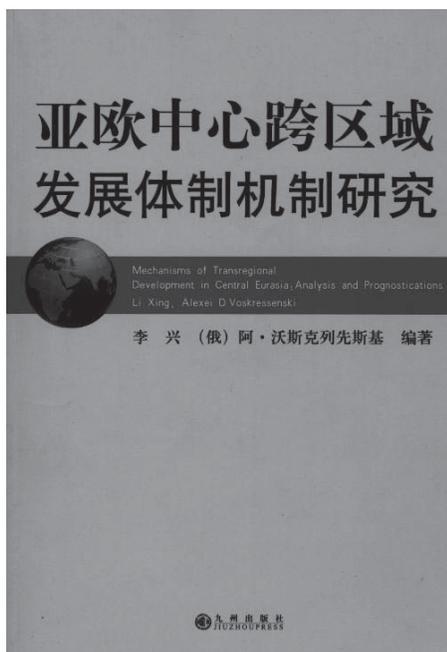
495 с. ISBN 978-7-5108-4226-9

(на китайском языке)

И.Ю. Окунев,

к.полит.н., доцент

МГИМО МИД России

Престижное китайское издательство «Цзючжоу Пресс» выпустило на китайском языке совместное исследование группы российских и китайских исследователей под редакцией профессора Пекинского педагогического университета, руководителя Центра Евразийских исследований Ли Сина и декана факультета политологии МГИМО профессора А.Д. Воскресенского под названием «Ме-

ханизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы». Для подготовки совместного международного исследования новаторского характера редакторами книги и руководителями авторского коллектива был создан независимый неправительственный международный исследовательский фонд и собран коллектив авторов, в который с российской стороны вошли декан Факультета политологии МГИМО, профессор Кафедры востоковедения Факультета МО А.Д. Воскресенский, зам. руководителя ИМИ МГИМО А.Л. Чечевишников, зам. декана Факультета политологии, доцент Кафедры востоковедения Факультета международных отношений Е.В. Колдунова, профессор Кафедры востоковедения Факультета международных отношений С.И. Лунев, профессор Кафедры сравнительной политологии Факультета политологии МГИМО профессор М.В. Ильин, исполнительный директор Национального комитета БРИКС профессор МГИМО Г.Д. Толорая, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока ФАНО А.В. Виноградов, руководитель Центра индийских исследований Институт востоковедения ФАНО Т.Л. Шаумян, ведущий научный сотрудник института США и Канады С.М. Труш. С китайской стороны коллектив исследователей состоял из директора Центра евразийских исследований профессора Ли Сина, директора Института России Китайской академии современных международных проблем Фэн Юйцзюня, директора Центра мировой истории ППУ профессора Чжан Цзяньхуа, профессора ППУ Ма Юна, научного сотрудника Института Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Нью Ичэня и ряда молодых китайских исследователей из китайской Академии общественных наук. Кроме этого, в исследовании принял участие директор Гаримановского института Александр Кули и казахская исследо-

вательница Бакиргуль Абылкасимова, проводящая исследования в ППУ.

Профессоры А.Д. Воскресенский и Ли Син написали теоретическое предисловие к книге, в котором обосновали мировой тренд регионализации и его применимость к центрально-евразийскому пространству сотрудничества (предисловие, с. 1–16). Первый раздел исследования посвящен анализу Шанхайской организации сотрудничества, в нем рассмотрена история создания и эволюция этой организации (гл. 1), роль ШОС и БРИКС в современной геополитике и потенциальная роль усиления индийского влияния (гл. 4), проанализированы в сравнительной перспективе функции обеспечения безопасности Евразии такими организациями, как ОДКБ и ШОС (гл. 6). Кроме этого китайские исследователи поставили ряд интересных вопросов и проанализировали такие острые проблемы как ситуация с трансграничными реками в отношениях России, Китая и стран Центральной Азии (гл. 5) и, на основе анализа механизмов дипломатии сетевого партнерства в российско-китайских отношениях (гл. 7), оценили возможность эволюции американской дипломатии в отношении ШОС от концепции «ни вражды, ни дружбы» к возможности установления с этой организацией «потенциального партнерства» (гл. 3).

Во втором разделе книги развернут всесторонний анализ БРИКС. Исследователи сумели проследить влияние эволюции международного сообщества на региональные системы международных отношений (гл. 8), выявить диалоговый формат трансрегионального объединения БРИКС (гл. 9) и проследить долгосрочную, в том числе и культурно-образовательную стратегию этого объединения (гл. 8, 10). Проведя анализ политики и дипломатии стран БРИКС (гл. 12) и выявив потенциал сотрудничества формата БРИКС (гл. 13), исследователи проанализировали возможную роль БРИКС в глобальном управлении (гл. 11) и показали роль России, Китая и Индии как ключевой движущей силы в создании нового перспективного международного проекта «экономического пояса нового Шелкового пути» (гл. 14, 15).

Третий раздел исследования посвящен Евразийскому экономическому союзу. Ис-

следователи оценили и проанализировали притягательность евразийства как «народной идеи» и современной геополитической концепции (гл. 16), выяснили подоплеку, цели и возможности видения В.В. Путиным Евразийского экономического союза (гл. 18), провели сравнительных анализ ЕвразЭс и ЕАЭС (гл. 19), оттолкнувшись от идеи поиска русской идентичности и раскрыв ее содержание (гл. 20). В третьем разделе также проанализировано политическое самоутверждение России на международной арене и с точки зрения ее внутренних трансформаций (гл. 21) и глубоко раскрыты исследовательские мнения китайских, американских и европейских исследователей по вопросу возможности формирования и путей эволюции евразийского экономического пространства, перспектив и роли Евразийского экономического союза (гл. 22, 23).

В четвертом разделе всесторонне проанализирован проект «экономического пояса Нового шелкового пути»: как часть стратегии и тактики «китайской мечты» (гл. 24), как зона культурного сотрудничества (гл. 25), в сравнении с проектом «Новый Шелковый путь» (гл. 28), Евразийским экономическим союзом (гл. 29) и проектом АСЕАН+8 (гл. 29).

В заключительном, пятом разделе (гл. 35–39) представлены размышления и прогнозы развития геополитической ситуации в Евразии в форматах БРИКС и ШОС, России между Китаем и США, треугольника Россия-Китай-США, в свете дальнейшей интеграции в АТР и в контексте других проектов региональной интеграции.

Литература:

Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы». Под ред. Ли Сина и А.Д. Воскресенского. – Пекин: Цзючжоу Пресс, 2016. – 495 с. *(на китайском языке)*

References:

Mechanisms of Transregional Development in Central Eurasia: Analysis and Prognostications / Ed. By Li Xing, Alexei D. Voskressenski, Beijing, Jiuzhou Press, 2016. 495 p. *(in Chinese)*

New Research of Transregional Development in Eurasia

Igor Yu. Okunev

Candidate of Political Science,

Associate Professor, MGIMO University

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Shared Destiny: China Story Yearbook 2014/Ed. by Geremie R. Barme, Linda Jaivin, Jeremy Goldkorn. Canberra, Australian National University: ANU Press, 2015.

В большой книге, подготовленной экспертами Центра китайских исследований Австралийского национального университета,

авторы ставят перед собой задачу оценить современное идеологическое поле китайской внутренней и внешней политики. В само название книги вынесена концепция «общей судьбы», о которой не раз говорили китайские лидеры, особенно

в последние годы при Си Цзиньпине, подчеркивая одновременно и осознание Китаем своей глобальной роли, и необходимость активного включения в глобальные интеграционные процессы для решения вопросов глобального управления. В книге анализируется эволюция внешней политики КНР, ее основные идеологические опоры, начиная со времен Дэн Сяопина, а также факторы, способствующие и тормозящие активное вовлечение Китая в систему многосторонних глобальных институтов и распространение китайской мягкой силы. Среди таких факторов авторами в отдельных главах рассматриваются контроль интернет-пространства, туристическая и молодежная политика, а также усиление авторитарных тенденций в стране. Отдельное внимание уделяется связке концепции сообщества «с общей судьбой» и популярной концепции «китайской мечты». Коллектив авторов подготовил к изданию качественную работу, опирающуюся на серьезный анализ современных политических процессов (включая партийную и региональную политику КПК) с привлечением множества источников, дополнительных интересных фактов о Китае,

фотографий и иллюстраций. Книга может быть интересна широкому кругу читателей: от экспертов-политологов и международных до людей, просто интересующихся современной политикой Китая.

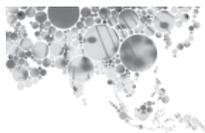
Humanity as never before shares a common destiny, whether it be in terms of the resources of the planet, the global environment, economic integration, or the movement of peoples, ideas, cultures. For better or worse humankind is a Community of Shared Destiny 命运共同体.

The People's Republic of China under the leadership of the Chinese Communist Party and its 'Chairman of Everything', Xi Jinping, has declared that it shares in the destiny of the countries of the Asia and Pacific region, as well as of nations that are part of an intertwined national self-interest. The Party, according to Marxist-Leninist-Maoist theory, is the vanguard of progressive social forces; it cleaves to the concept of shared destiny and its historical role in shaping that destiny. Since its early days nearly a century ago it has emphasised the collective over the individual, the end rather than the means. It addresses majority opinion while guiding and moulding the agenda both for today, and for the future.

* * *

Wesley, Michael. Restless Continent: Wealth, Rivalry and Asia's New Geopolitics. Australia: Black Inc., 2015. 288 p.

Подъем Азии, феномен роста Китая, сохранение геополитических противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе и

RESTLESS CONTINENT
Wealth, Rivalry and Asia's New Geopolitics
MICHAEL WESLEY

хаотизация на Ближнем Востоке – темы, ни популярность которых в академической и журналистской среде, ни объективная актуальность в современных условиях не ослабевают. Еще одной из работ, в которой автор предпринимает попытку охватить

все вышеперечисленные темы и соединить их в единую связанную картину происходящего, опирающуюся на особый авторский аналитический подход, стала книга известного специалиста по международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе из Австралийского национального университета Майкла Уэсли «Неспокойный континент: благосостояние, соперничество и новая азиатская геополитика». Автор исходит из того, что Азия сегодня является центром мирового развития, не только с точки зрения демографии, темпов экономического роста, но и военно-политической точки зрения. Такая гипотеза требует от автора взвешанного и обоснованного подхода к анализу текущих международно-политических процессов в регионе. Примечательно, что автор включает в анализ регион Ближнего Востока, что также является особенностью данной работы. Кроме того, исследование «геополитики конфликта» позволяет автору раскрыть сущность и перспективы пояса нестабильности («кровоавого коридора»), протянувшегося на всем пространстве Азии. Майкл Уэсли предлагает множество интересных идей, часть из которых может стать предметом научных дискуссий, что подчеркивает значимость данного исследования, которое может быть интересна как специалистам в области международных отношений, так и самому широкому кругу читателей.

The world has never seen economic development as rapid or significant as Asia's in recent times. Home to three-fifths of humanity, this restless continent will soon account for more than half of the world's economy and consume more energy than the rest of the world combined. All but three nuclear powers are Asian, and the region has the greatest growth in weapons spending.

Surprisingly little hard thinking has been done about the future of Asia. *Restless Continent* is the first book to give an integrated account of the economic, political and strategic trends across the world's largest continent, and provide a guide for thinking about Asia's future – and the world's.

It looks at national psychology – what happens when countries become newly rich

and powerful. It explores Asia's 'corridors of blood' – the geopolitics of conflict. And it discusses the prospects of war in this most volatile hot zone.

Written for general reader and policy expert alike, *Restless Continent* is an agenda-shaping book about the landscape of international affairs in the twenty-first century.

* * *

Sinology in Post-Communist States. Views from the Czech Republic, Mongolia, Poland, and Russia / Ed. by Chih-yu Shih. Hong Kong, The Chinese University Press, 2016. 308 p.

Авторы книги «Китаеведение в посткоммунистических странах», представляющей собой результаты масштабного и уникального в своем роде исследования, поставили задачу

рассмотреть особенности национальных школ китаеведения (синологии) в ряде бывших коммунистических стран: Чехии, Монголии, Польше и России, как в период существования социалистических режимов, так и после их краха.

Авторы приходят к выводу, что после окончания холодной войны, несмотря на разделяемые ранее схожие идеологические ориентации, траектории национального китаеведения в этих странах в значительной степени разошлись, порождая порой совершенно противоположные точки зрения на историческое и современное развитие Китайской Народной Республики. Авторы книги используют метод case-study для того, чтобы продемонстрировать особенности китайских и востоковедческих исследований, сложившиеся направления, изданные авторитетные работы и даже стереотипизацию Китая в указанных странах. Авторы исследуют наиболее значимые в данных странах аналитические работы по Китаю, а также приводят результаты интервью с известными китаистами. Осо-

бое внимание уделено оценке влияния коммунистического прошлого (на государственном и личностном уровне) и политических связей с современным Китаем на становление национальных синологических школ, особенности подготовки востоковедов, включая характерные черты языковой и вузовской подготовки в данной области. Книга может быть интересна в первую очередь профессиональной аудитории, занимающейся как исследованиями Китая, так и политическими трансформациями в посткоммунистических странах.

Drawing on extensive historical studies of the lives and works of distinctive yet understudied sinologists in the Czech Republic, Mongolia, Poland, and Russia, this volume takes readers on a journey of exploration and rediscovery of post-communist sinology—an important topic that we know surprisingly little about. After the end of the Cold War, the China Studies research agenda in these four countries

has evolved divergently without any apparent shared orientation, despite the previously shared socialist and Communist legacies. Contributors draw on case studies to illustrate how sinologists in these countries actively use diverse approaches to map China's modern evolution and deconstruct stereotypical notions of China's rise in the twenty-first century. These hallmark studies also reveal sinologists' deep engagement with the Chinese humanities. The conclusions in this volume have major implications for the evolution of intellectual history and its analysis, by emphasizing the importance of individualized agency to the practice of post-Communist sinology as both a statement of identity and a strategy for survival during tumultuous political times.

*Д.А. Кузнецов
аспирант кафедры
мировых политических процессов
МГИМО МИД России*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-167-169](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-167-169)

СЕРИЯ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МГИМО В ГОНКОНГЕ

Е.В. Колдунова

*к.полит.н., доцент
МГИМО МИД России*

С 24 по 30 июня делегация МГИМО в составе декана Факультета политологии А.Д. Воскресенского, доцентов Е.В. Колдуновой и И.Ю. Окунева посетила Гонконг и приняла участие в серии научных мероприятий, презентации журнала «Сравнительная политика» и коллективной монографии «Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы».

Первым масштабным научным мероприятием такого рода стала конференция Ассоциации международных исследований (ISA), посвященная проблемам развития Азиатско-Тихоокеанского региона и прошедшая на базе Городского университета Гонконга. Представители МГИМО приняли участие в нескольких секциях по проблемам развития незападной теории международных отношений, внешней политики России в АТР, трансрегионализму, ситуации в Центральной Азии.

26 июня в рамках конференции и при поддержке журнала «Сравнительная политика» делегация МГИМО организовала круглый стол «Конкурирующие региональные проекты как вызов национальным школам международных отношений». Сопредседателями круглого стола выступили профессора А.Д. Воскресенский и Хуан Цзин, директор Центра изучения Азии и проблем глобализации факультета государственного управления им. Ли Куан Ю Национального университета Сингапура. На круглом столе также выступили доценты И.Ю. Окунев, Е.В. Колдунова, доцент кафедры дипломатии Национального университета Чжэнжи (Тайвань) Квейбо Хуан, научный сотрудник Болонского университета Маттео Диан, научный сотрудник Университета Луис Гвидо Карли в Риме Сильвия Менегацци, профессор Факультета глобальных исследований Университета Тама (Япония) Айгуль Кульназарова, доцент Международного христианского университета (Япония) Стивен Наги.

В ходе круглого стола его участникам был представлен журнал «Сравнительная

политика» и недавно вышедшая на китайском языке в Пекине монография международного авторского коллектива «Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы» (под редакцией А.Д. Воскресенского и Ли Сина). Все участники круглого стола и большинство участников конференции смогли также ознакомиться с содержанием журнала, спектром проблем, которым посвящены статьи, публикуемые в нем, и информацией для авторов на информационном стенде журнала в зоне регистрации на конференцию. По итогам мероприятия планируется подготовка совместной публикации с обзором ключевых идей, высказанных в ходе дискуссии.

Кроме того, Е.В. Колдунова приняла участие в качестве председателя в секциях конференции, посвященных отношениям России со странами АТР и проблемам панрегионализма/трансрегионализма, в качестве дискуссионта – в секциях, рассматривавших проблемы энергетической безопасности и инфраструктурного развития в Евразии и ситуацию в Центральной Азии. А.Д. Воскресенский и И.Ю. Окунев также выступили с комментариями в ходе работы ряда секций конференции.

В целом следует отметить повышение интереса к России и ее внешней политике, что нашло отражение в достаточно большом количестве секций, так или иначе затрагивавших актуальные вопросы развития российско-китайских отношений, политики России в АТР и деятельности БРИКС. Существенный интерес у коллег из АТР вызвала также и презентация монографии, посвященной трансрегионализму в Евразии.

Вторая часть визита делегации МГИМО в Гонконг была связана с проведением еще одного научного мероприятия (круглого стола) в Китайском университете Гонконга. С китайской стороны в нем приняли участие представители издательства Китайского университета, с которыми установлены рабочие контакты и достигнута договоренность о сотрудничестве между журналами «Сравнительная политика» и «Чайна ревью» (входит в Social Sciences Citation Index). В ходе второго круглого стола также состоялась презентация журнала и монографии, обсуждался вопрос о подготовке рецензии на монографию, поскольку ее тематика непосредственным образом связана с тематикой публикаций журнала «Чайна ревью».

MGIMO Roundtable in Hong Kong

Ekaterina V. Koldunova
*Candidate of Political Science,
 Associate Professor,
 MGIMO University*

КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УРОВНЯ – 2016»

В Москве с 17 по 20 мая 2016 года прошла 5-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций».

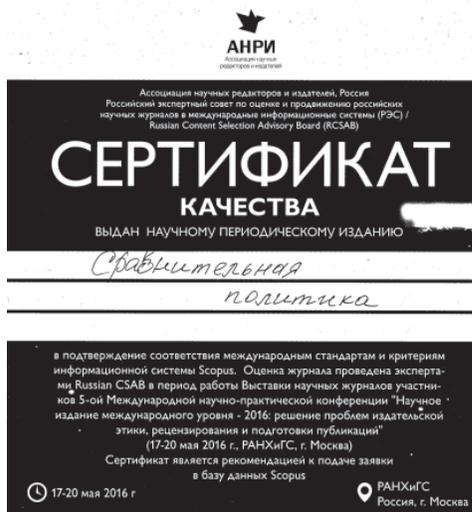
Организаторами конференции стали Министерство образования и науки Российской Федерации, Некоммерческое партнерство «Национальный Электронно-Информационный Консорциум» (НП НЭИ-КОН), Ассоциация научных редакторов и издателей, а также Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, на базе которой и прошли мероприятия конференции.

Участие в работе конференции приняли сотрудники редакции журнала «Сравнительная политика»: главный редактор журнала А.Д. Воскресенский, ответственный секретарь онлайн-версии И.Ю. Окунев и технический редактор журнала Д.А. Кузнецов.

Темами, обсуждаемыми на конференции с привлечением ведущих мировых специалистов, включая разработчиков системы Scopus, стали вопросы создания условий для издания высокорейтинговых, авторитетных, рецензируемых научных журналов в России и их интеграции в международное научно-информационное пространство. Темами отдельных секций и выступлений стали проблемы издательской этики, формирования работающей и эффективной системы рецензирования, соответствия международным стандартам, основные недостатки рос-

сийских изданий, вопросы документации, оформления журналов, а также перспективы развития российской базы цитирования Russian Science Citation Index. Обсуждались как технические аспекты выпуска российских периодических научных изданий, так и содержательные вопросы, среди которых – необходимость увеличения количества англоязычных публикаций как средство интернационализации российского научного контента.

В рамках конференции была проведена выставка «Научные журналы международного уровня». На выставке были представлены наиболее авторитетные журналы, а также журналы ряда российских издательств, в которых публикуется большая часть статей различных университетов. В выставке принял участие журнал «Сравнительная политика», который получил высокую оценку и сертификат с рекомендацией к включению журнала в международную библиографическую и реферативную базу данных Scopus.

**4-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ НЭИКОН
«ЭЛЕКТРОННЫЕ НАУЧНЫЕ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ:
СОЗДАНИЕ, ПРОДВИЖЕНИЕ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ»**

Место проведения:

Португалия, Эшторил, отель Hotel Estoril Palacio 5 (место проведения конференции)

Дата проведения:

с 24 по 30 сентября 2016 г.

Рабочие дни конференции: с 26 по 29 сентября 2016 г. (29 сентября – выездное заседание)

Организаторы:

– Некоммерческое партнерство «Национальный Электронно-Информационный Консорциум» (НП «НЭИКОН»)

– ООО «НЭИКОН»

Основная задача конференции:

Определение роли российских и иностранных электронных информационных ресурсов и сервисов, их создания и эффективного использования в решении вопросов государственной политики, направленной на повышение уровня российского образования и науки, качества российских научных публикаций, а также развития системы научных периодических изданий России, расширения их присутствия в международном научно-информационном пространстве.

На конференции предполагается обсудить следующий комплекс проблем:

– Актуальные проблемы информационного обеспечения в России и в мире. Государственные проекты и инициативы в области информационного обеспечения российского образования, науки и культуры.

– Внедрение и продвижение инструментов для управления научными исследованиями. Сравнение уровня и итогов их внедрения в России и в мире.

– Политика и новейшие разработки ведущих западных и российских провайдеров образовательных и научных ресурсов и инструментов для управления научной деятельностью. Электронные книги и ЭБС. Состояние российского и международного рынков.

– Управление электронными ресурсами. Российские и зарубежные электронные ресурсы: выявление, комплектование, продвижение и использование. Мастер-классы и специальные мероприятия ведущих информационных провайдеров.

– Роль международных и национальных консорциумов в процессе информационного обеспечения научных исследований. Развитие инициативы открытого доступа. Современные тенденции переговорного процесса.

– Повышение уровня российской науки и образования. Публикационная активность российских авторов. Современные редакционно-издательские стандарты и технологии. Продвижение российских журналов на международный уровень. Деятельность Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) в решении задач повышения научного уровня и международного статуса российских изданий.

– Программы обучения для российских издателей, авторов, руководителей и библиотечек.

В рамках конференции будет предоставлена возможность знакомства с продукцией ведущих мировых провайдеров научной электронной информации на специально организованной выставке.

Доклады:

Желающим выступить с докладом, необходимо направить заявку по адресу: razumova@neicon.ru и предоставить тезисы доклада для размещения на сайте конференции.

Последний срок подачи заявки 29 августа 2016 г. до 18:00 (МСК)

Крайний срок предоставления тезисов 2 сентября 2016 г. до 18:00 (МСК)

Регистрация на конференцию будет открыта *до 31 июля 2016 г.*, но срок может быть продлен. Вся необходимая информация для регистрации доступна на сайте: <http://conf.neicon.ru/index.php/science/overseas2016>

Координаты по общим вопросам:

Тел.: +7 (499) 754 9994

E-mail: conf@neicon.ru

НАШИ ПАРТНЕРЫ

Научный и информационный
гуманитарный журнал

«ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ»

<http://tsennosti.instet.ru>

Издается с 2009 года.

**Включен в Перечень Российских
рецензируемых научных журналов ВАК**

Размещен в каталоге научной периодики
РИНЦ на платформе Научной электронной
библиотеки eLibrary.ru

Журнал «Ценности и смыслы» освещает проблемы гуманитарного знания, вопросы в области философии, образования, культурологии.

Главный редактор журнала *Иванова Светлана Вениаминовна*, доктор философских наук, профессор, директор ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования».

СОДЕРЖАНИЕ №3-2016

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.А. Кротов. Как правильно читать философское произведение? (О концепции Фердинанда Алкье)

Н.Ф. Рахманкулова. О ценности свободы

И.В. Кузин. О мифологическом аспекте философии

С.Г. Гутова. Феномен духовности в философии Владимира Соловьева и его значение для современности

О.Н. Шушляева. Понятие динамики культуры в трудах Питирима Сорокина

А.А. Индриков. Образ монументального человечества в книге Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»

ОСНОВНАЯ ТЕМА: ПАРАДОКСЫ ЭПОХИ МЕДИА

С.В. Иванова. Интерпретация инноваций в мировом образовательном пространстве в эпоху медиа

Л.В. Баева. Рациональность эпохи медиа: экзистенциально-аксиологический анализ

Е.В. Петрова. Диффузия городского и сельского: интерпретации пространства и времени в оптике медиаисследований

ДИАГНОСТИКА СОЦИУМА

Е.В. Гладышева, М.И. Гладышева. Феномен созидания в отечественной культуре

К.Ю. Тарновский. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна

А.Н. Фортунатов, О.Р. Чельюк. Информационно-коммуникативные истоки стагнирующей экономики

О.И. Кавыкин. Традиционные политические институты в современной Замбии

ТРИ «М»: МЕТОДОЛОГИЯ — МЕТОДИКА — МЕТОД

О.Н. Мачехина. Процесс реформирования общеобразовательной школы Великобритании на рубеже XX—XXI веков

ПЕРВОИСТОЧНИК

Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы

А.А. Мамченко, Е.Н. Дзятковская. Трансдисциплинарность как преодоление границ

DIPLOMACY JOURNAL

published by Bulgarian diplomatic
institute to MFA

Editor in Chief

Assoc. Prof. Zdravko Popov, PhD

№16/2016 (January/May)

Contents

DIPLOMATIC PRACTICE

Daniel Mitov, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Bulgaria. 2015: a Year of Challenges and of Seeking Solutions for a Uniform. European Future of Solidarity for All

Natalie Loiseau. Can Diplomacy be Taught?

Kim Taehwan. Beyond the Korean Wave: South Korea's Middle Power Public Diplomacy

REGIONAL COOPERATION

Regional Cooperation Department, South-East Europe Directorate, Ministry of Foreign

Affairs of Bulgaria. Bulgaria's Contribution to SEECF

Bernardo López López-Ríos, Shingo Sakai. Spain and Japan: Close Friendships and Strong Ties with the Passage of Time

EUROPEAN UNION

Emma Hopkins. A Better Europe for All

Victoria Pavlova. The Latvian Presidency of the EU Council in 2015: An Example to be Followed by Bulgaria in Building an Efficient Public Administration and in Pursuing a Successful Communication Strategy

Linka Toneva-Metodieva. The Bulgarian 2018 Presidency of the EU Council: Standards of Transparency and Accountability

SECURITY ISSUES

Vladimir Shopov. The Advent of a European Non-military Security System

Plamen Pantev. New EU's Global Security Strategy: Reflections during the Process of its Formulation from Sofia

Kleanthis Kyriakidis. Can We Tame the Shrew? The Evolution of Muslim Brotherhood's Ideology, its Rise, its Fall and the Prospects of Cooperation with Moderate Islamists

GLOBAL ISSUES

Lilia Chausheva. 60 Years Bulgaria in UNESCO – Achievements and New Challenges

Which Values Unite Us Today? Summary of an International Conference

NEW BOOKS

Gergana Radoykova. "Accountability of the EU institutions"

Angel Atanasov. "International Legal Regime of Biodiversity"

The China Review: An Interdisciplinary Journal on Greater China

PUBLISHED BY THE CHINESE UNIVERSITY PRESS, HONG KONG, CHINA

The Chinese University Press is pleased to announce that the publication frequency of *The China Review* will be increased from biannual to three issues per year, starting from 2016.

This change has been driven by both the rising amount of submissions to the journal in recent years and our vision for *The China Review* as an interdisciplinary journal in China Studies. We earnestly hope that, by expanding the content scope and shortening the turnaround time, the journal will be able to present excellent research work to the rapidly-growing China Studies community on a timelier basis.

We look forward to receiving your papers, and we invite your comments and suggestions for the improvement of *The China Review*. For Submissions and questions, please contact chinareview@cuhk.edu.hk.

中文大學出版社
THE CHINESE UNIVERSITY PRESS
www.chineseupress.com
HONG KONG, CHINA

For subscription and enquiry, please contact: cup-bus@cuhk.edu.hk

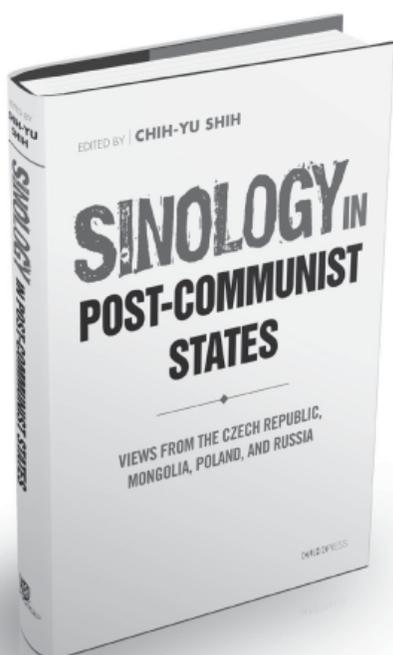
China scholars in the West often forget that alternative traditions in sinology exist elsewhere. In *Sinology in Post-Communist States*, Chih-yu Shih has skilfully assembled twelve essays that discuss approaches to studying China in former Communist countries. They give powerful insights not only on the influence of political change on sinology, but more generally on what drives people to devote their lives to this scholarly pursuit. All those interested in China Studies will find this book enjoyable and illuminating.”

—Kam Louie, Honorary Professor, The University of Hong Kong

SINOLOGY IN POST-COMMUNIST STATES

Views from the Czech Republic, Mongolia, Poland, and Russia

Chih-yu Shih

229 x 152mm • 308 pp • ENGLISH • 2016/03
978-962-996-694-2 • HARDCOVER • US\$55

Drawing on extensive historical studies of the lives and works of distinctive yet understudied sinologists in the Czech Republic, Mongolia, Poland, and Russia, this volume takes readers on a journey of exploration and rediscovery of post-communist sinology—an important topic that we know surprisingly little about. After the end of the Cold War, the China Studies research agenda in these four countries has evolved divergently without any apparent shared orientation, despite the previously shared socialist and Communist legacies. Contributors draw on case studies to illustrate how sinologists in these countries actively use diverse approaches to map China’s modern evolution and deconstruct stereotypical notions of China’s rise in the twenty-first century. These hallmark studies also reveal sinologists’ deep engagement with the Chinese humanities. The conclusions in this volume have major implications for the evolution of intellectual history and its analysis, by emphasizing the importance of individualized agency to the practice of post-Communist sinology as both a statement of identity and a strategy for survival during tumultuous political times.

中文大學出版社
THE CHINESE UNIVERSITY PRESS
www.chineseupress.com
HONG KONG, CHINA

The Chinese University of Hong Kong, Sha Tin, N.T., Hong Kong
Tel.: +852 3943 9800 Fax: +852 2603 7355
E-mail: cup-bus@cuhk.edu.hk Web-site: www.chineseupress.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа.** К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту svavnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);
- key words (7–12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствен-

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945–1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30–58 [Voskressenski A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58–82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal *Comparative Politics* in RSCI - Web of Science) / *Journal Comparative Politics* Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

ных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals**. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

– Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskressenski A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI - Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].